

Джеймс Т. Макинтош

Библиотека англо-американской классической фантастики

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Джеймс Т.
Макинтош

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Джеймс Т. Макинтош

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2014

БААКФ-2 (2014)

Джеймс Т. Макинтош. НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ.
Сборник фантастики.

Составитель и переводчик Андрей Бурцев

Макинтош, Дж. Т. 1956г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ДЖЕЙМС МАКИНТОШ – АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ШОТЛАНДЕЦ

Макинтош, Дж. Т. (McIntosh, J.T.) - псевдоним Джеймса Мердока Мак-Грегора, (MacGregor, James Murdoch)

Английский писатель и журналист. Родился в Пэйсли (графство Ренфрю, Шотландия) в 1925 году, окончил колледж в Абердине (Шотландия) и Абердинский университет с дипломом журналиста. Работал музыкантом, учителем, фотографом, редактором ряда журналов. С 1954 г. - профессиональный писатель. Первая публикация - «Комендантский час» (1950).

Ранние рассказы Макинтоша, которые он публиковал в журналах НФ, принесли автору известность, но никогда не были объединены под одной обложкой. Нашим читателям известны два классических рассказа об андроидах и компьютерах - «Сделано в США» (1953; рус. 1988 – Сборник «Дело рук компьютера») и «Гений не может ошибаться» (1963; рус. 1965, Сборник «Туннель под миром»), а также рассказ «Жить вечно» (1954; рус. 1982 - «Бегство от бессмертия»), в котором автор весьма оптимистично рассматривает перспективы индивидуального бессмертия.

В последующие годы на русский язык были переведены романы «Убей и умри» (The Space Sorcerers (The Suiciders), «Стра-

ховой агент» (Snow White and the Giants (Time for a Change), «Переселение», «Шесть врат на свободу», а также рассказы «Вид на Солнечную систему» и «Проблемы погоды». И это была капля в море обширного творчества замечательного писателя. В данном издании мы постараемся заполнить этот пробел и дать русскоязычным читателям обширное полотно талантливых произведений Макинтоша. Писатель он весьма интересный не только кругом охваченных им тем, но и неповторимой самобытной смесью его натуры. Урожденный шотландец, он всю жизнь считался английским писателем, но все свои произведения малой и средней форм он печатал в американских журналах НФ и вообще писал в манере, приближающейся к лучшим образцам американской фантастики. Приближающейся, хотя и не полностью совпадающей. Есть что-то в его творчестве, какие-то оттенки и нюансы, отличающие его произведения от американских стереотипов, отличающих, разумеется, в лучшую сторону.

Макинтош очень разнообразный писатель в том плане, что пишет ли он об освоении дальнего космоса, встречах с иными расами разумных существ, об возможных аспектах развития телепатии – или смешивает эти темы в одном произведении, он всегда находит иной подход, иные стороны одной проблемы. Поэтому читать его очень интересно. Роман «Настоящие люди» – о телепатии и о встрече двух человеческих ветвей одной расы. В рассказе «Абсолютная сила» телепатия, точнее, эмпатия сыграла со своими владельцами весьма злую шутку. На этом примере мы видим, как Макинтош взял сходные темы и написал совершенно различные, произведения с напряженными сюжетами и неожиданными связями.

В 1981 г. Макинтош публично заявил о прекращении литературной деятельности в связи с состоянием здоровья, и дальнейшая его судьба осталась неопределенной. По одним сведениям, он умер в 2008 году, а по другим – живет и по сей день в том же Абердине, в котором прожил всю свою жизнь. Но из этого маленького шотландского городка ему была открыта вся Вселенная.

Андрей Бурцев

DECEMBER 1971 • MAC 75¢ • 16216 • U.K. 25p.

WORLDS OF

if

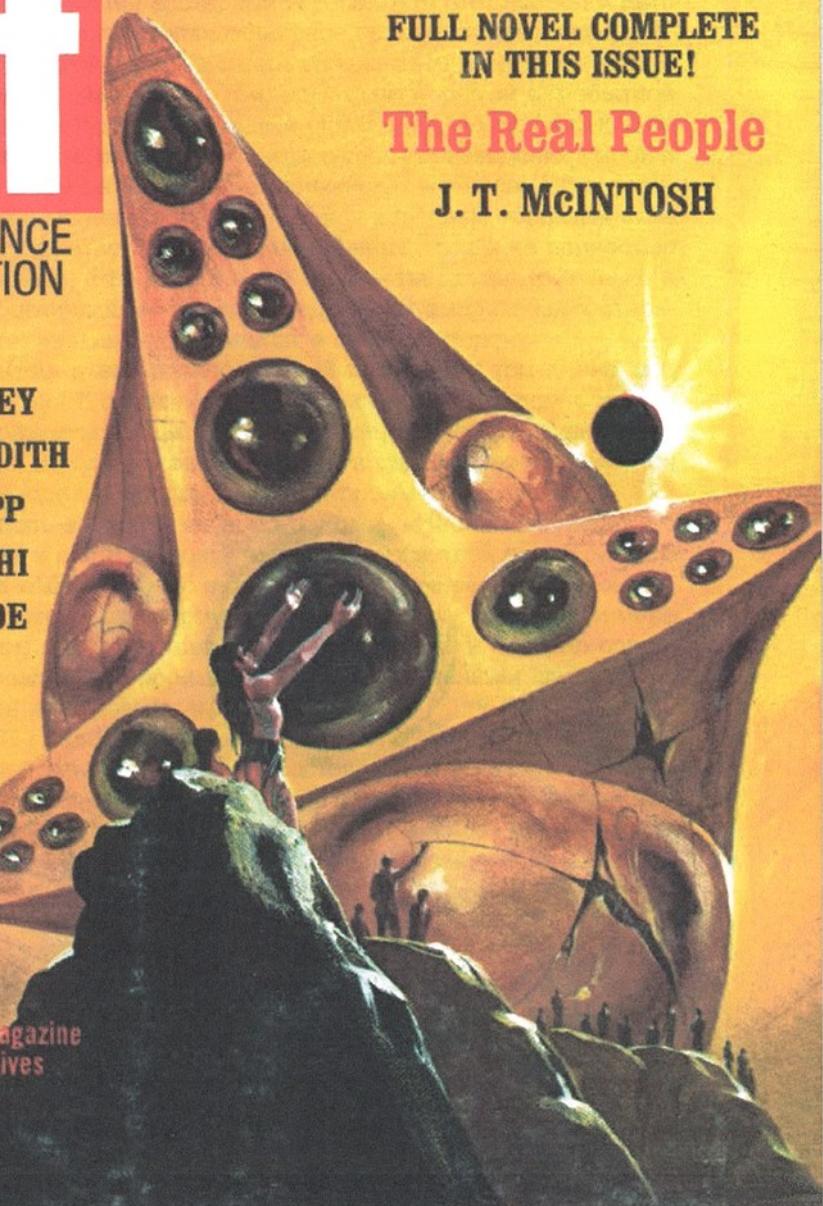
SCIENCE
FICTION

- DEL REY
- MEREDITH
- MacAPP
- BIANCHI
- BURHOE

FULL NOVEL COMPLETE
IN THIS ISSUE!

The Real People

J. T. MCINTOSH

if the magazine
of alternatives

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

I

ВСЕ ДЕВЯТЕРО на брифинге были в форме, но преобладала определенная непринужденность, обычная для заключительного инструктажа, когда все, кроме высокопоставленного офицера – который не участвовал в операции, – знали, что он или она могут и не вернуться.

Этот инструктаж так же был не похож на другие тем, что во-семь, стоявших перед генералом Принтом, были в известном смысле только двумя.

Четверо мужчин были идентичны на 99,9 процентов. Даже небрежности в одежде и поведении они позволили себе одинаковые – все четверо расстегнули две верхние пуговицы мундиров, а, сев, забросили левую ногу на правую. Они были высокие и сухопарые, с коротко подстриженными, преждевременно поседевшими волосами. В них смешалась кровь разных рас: белой, коричневой, красной, желтой и черной, и, как это часто бывает, результат такой помеси был поразительный.

Четыре девушки тоже были идентичны, но не так сильно. Их форма была не совсем одинакова. Все носили кителы, но у двоих под ними было нижнее белье, а у одной красный свитер, очень вызывающе смотревшийся в сочетании с ярко-зелеными брюками.

– Этот проект уникален, – сказал генерал Принт. – Такого никогда еще не было и никогда больше не будет. Если ваши потомки...

– Если таковые появятся, – не громко, но отчетливо пробор-мотала одна из девушек.

Все четверо мужчин, как один, повернули головы, чтобы грозно посмотреть на нее.

– Мы надеемся, что потомки будут, – сказал генерал. – Мы надеемся, что, по вашему возвращению, эти четыре женщины будут... – Он неловко кашлянул.

Как большинство старых солдат, генерал Принт мог спокойно говорить о смерти, но его смущали малейшие намеки на беременность и роды.

— Эти четыре женщины должны — по возвращению на Эдем — быть беременны, — с трудом закончил он. — Что вы на это скажете?

— Вы просите довольно много, генерал, — произнесла девушка, которая уже позволила себе предыдущую реплику. — В настоящий момент мы все нетронуты и девственны.

Все четыре девушки захихикали.

— Мне это известно... — натянуто сказал генерал.

— Тем не менее, ваша позиция интересует нас, — сказала другая девушка. — Предположим, вы прикажете мне стать испорченной девчонкой ради блага всего Человечества...

— Я не собираюсь ничего приказывать, — холодно сказал генерал Принт. — Все это дано на усмотрение вашей команде.

— Уил, — сказал один из мужчин. — Это должен сделать Уил. В конце концов, он отец девушек.

— У нас нет возражений, — сказала та же девушка, — чтобы Уил занимался своей частью операции, но решения должны принять мы сами.

— С этим никто и не спорит, — кивнул генерал. — Уил и другие Директора могут лишь давать рекомендации, но решение будете принимать вы, девушки, сами. Теперь нужно решить еще одно. Кто из вас будет старшим.

Раздался хор протестующих голосов. Наконец, когда все замолчали, один из мужчин сказал:

— Из этого ничего не выйдет. Никто из нас не может командовать остальными.

— Ну, если вы так решили, — с сомнением в голосе сказал генерал Принт, — наверное, я должен с этим согласиться. Успех всего дела будет в том случае, если вы вернетесь с информацией, которую мы хотим получить и... еще кое с чем, чего мы хотим, — только никаких жертв и несчастных случаев. Но я не могу отдать вам никаких приказов. Одному из вас, а, возможно, и всем вам придется убивать. Но убивайте только в случае абсолютной необходимости. — После длительной паузы он повторил. — Только при абсолютной необходимости. Мы не воюем и не желаем войны.

— Генерал, — сказал Уил, — насколько я понимаю, наши намерения должны всегда стремиться к...

— На наших собственных условиях, в выбранном нами месте, в нужное нам время. Пожалуйста, поймите очень четко: если в результате операции начнется война, это будет полным провалом. А также это вызовет неисчислимые бедствия. — Генерал почувствовал, что обязательно должен сказать заключительное слово. — Я не думаю, что буду еще жив, когда вы вернетесь. Я так и не узнаю, станет ли эта операция самым большим триумфом Эдема или самым ужасным его бедствием. Возможно, никто из вас не узнает этого — и, хотя бедствия могут произойти внезапно, триумфа, возможно, придется ждать целые столетия. Но одно я должен сказать вам. Мы вам не дали кое-какую информацию об Эдеме и о нас самих. Ее удалили из ваших воспоминаний, так как очень важно, чтобы люди, с которыми вы встретитесь, никогда не узнали ее.

Четыре мужчины и четыре девушки поглядели на него с новым интересом. Некоторые заговорили друг с другом. Генерал поднял руку, и все замолчали.

— Вы должны понять, — тихо сказал он, — что все это сделано на всякий случай. Мы не в силах заранее представить себе все, с чем вы можете столкнуться. И может случиться так, что вам будет необходимо узнать то, что у вас специально отняли. Поэтому данная информация спрятана и заперта в памяти Пэрисс.

Три девушки повернулись и посмотрели на четвертую, словно могли прочесть эту тайну на ее лице. Сама Пэрисс выглядела удивленной.

— Если настанет такая необходимость, — продолжал генерал, и голос его стал чуть хриплым от усталости, — вы все вместе, или любой из вас — или сама Пэрисс — можете сломать эту печать. Если настанет необходимость, то вы поймете, как. — Он встал и заставил себя улыбнуться. — Я все сказал. И, если вы позволите позаимствовать эту фразу у людей, летите вперед — и дальше. И удачи вам.

ФОРТ ПЛАТОН никогда не подвергался нападению. Комиссия по Защите Землян, которая соорудила ее в космосе, вооружила и укомплектовала, не считала вероятной возможность, что это вообще когда-либо произойдет. Форт был

одной из десяти гигантских крепостей, которые спокойно летели по орбите на миллиард миль дальше Плутона (уже неоднократно возникала путаница из-за созвучия их названий и еще не раз возникнет в будущем), и они не столько охраняли Солнечную систему, сколько просто служили предупреждением. Адамиты не были дураками.

Комиссия по Защите Землян вполне уверенно полагалась на один аспект философии Адамитов и психологии Адамитов. Для Адамитов поражение было смертью, хотя смерть не обязательно должна настигать побежденных. Любое нападение Адамитов должно быть непременно победой Адамитов, иначе оно попросту вообще не состоится. Сделайте так, чтобы победа Адамитов казалась сомнительной, и вы предотвратите нападение.

Адамиты и Земляне не были врагами. Но точно также они не были и друзьями.

И те, и другие утверждали, что именно они являются оригинальными, единственными «настоящими людьми». По умолчанию предполагалось, что род человеческий не мог возникнуть и самостоятельно развиваться на двух противоположных концах Галактики. Поэтому Земляне утверждали, что давным-давно, так давно, что это затерялось в истории, одна из межзвездных экспедиций землян колонизировала Эдем. Поэтому Адамиты утверждали, что еще до возникновения нынешней письменной истории они колонизировали Землю.

Будучи чисто эмоциональными – или, по крайней мере, политическими, – эти утверждения полностью игнорировали антропологию или подтасовывали ее для определенных результатов. У Эдема было преимущество в том, что их главная планета называлась Эдем. А не у самих ли Землян есть легенда о Саде Эдема?

Однажды сосед одного из великих людей в истории Земли, Авраама Линкольна, постучался к нему, потому что услышал за дверью, как плачут дети. Линкольн открыл. Рядом с ним стояли два его сыновья с зареванными глазами.

– Что произошло с вашими мальчиками, мистер Линкольн? – спросил сосед.

– То же, что происходит со всем миром, – печально ответил Линкольн. – У меня три грецких ореха, а каждый из них хочет два.

Галактика была этими тремя грецкими орехами. И Земля, и Эдем хотели по два ореха.

Ночной дежурный контролер Форта Платон увидел девушку, когда она появилась на лужайке. Его глаз привлекло движение в сканнере ее ярко-пурпурного платья на фоне пышной зеленой травы. Тогда контролер оставил сканнер и пошел к иллюминатору.

Девушка то ли бежала, то ли танцевала. При силе тяжести в одну седьмую от земной, ее длинная, пышная юбка завихрялась вокруг ног, и у контролера, который был молод, перехватило дыхание.

Девушка была красива.

Под иллюминатором был двойной ряд кнопок тревоги. Палец контролера машинально отыскал одну и... застыл над ней.

Девушка в пурпурном платье сбросила обувь, дважды обернулась вокруг оси и опустилась на траву так грациозно, что ее длинная юбка образовала вокруг нее плавильный круг. Девушка не нарушала порядок и вообще не представляла никакой опасности, кроме душевного покоя контролера.

Секунду подумав, он убрал палец с кнопки.

Десять дней назад, после того, как датчик сообщил о корабле, появившемся в пределах пяти миллионов километров, а визуальный осмотр показал, что это военный крейсер, он уже поднимал тревогу – правда, не красную тревогу, а синюю. Однако, даже синяя тревога была в компетенции самого генерала Моррисона. Генерал приехал и молча стоял в сторонке, пока не оказалось, что этот крейсер принадлежит ТДК, о чем он по надлежащей форме доложил о себе контролеру по радио. Тогда генерала прорвало.

Все же он был не совсем справедлив. Контролер Алан Стюарт, не зная о крейсере, действовал правильно. Но контролеру Алану Стюарту нужно было сначала попытаться связаться с крейсером, а он вместо этого просто испугался и нажал кнопку тревоги. Он что, увидел в действиях крейсера что-то угрожающее?

Славную головомойку устроил ему в тот раз генерал. И, вспомнив сейчас об этом, контролер Алан Стюарт не нажал кнопку тревоги.

В девушке, однако, было что-то странное, но он не мог понять, что именно.

Тогда Стюарт вернулся к сканнерам, чтобы рассмотреть ее поближе.

Если бы он захотел, то мог бы подглядывать за любым из пяти тысяч мужчин, женщин и детей в Форте Платон в любой из его пятидесяти тысяч комнат, кабинетов, залов, подвалов, ванных, коридоров, лестниц, складов оружия или боевых башен. Но, естественно, контролерам не было свойственно чрезмерное любопытство. Таких на эту должность просто не назначали.

Контролер был не часовым. Скорее, его можно было назвать вахтером. Форт Платон, как и большинство других космических станций, жил по двенадцати, а не двадцатичетырехчасовому циклу. Девушка, конечно, была ночным работником, медсестрой или техником, нашедшей уединенную зеленую полянку, чтобы расслабиться во время короткого обеденного перерыва.

Неписаные законы не позволяли контролерам быть чрезмерно любопытными. Но девушка, открыто выставлявшая себя на лужайке, прямо под окнами контрольного поста, была такой же публичной, как доска объявлений.

На одном из сканнеров он увеличил ее изображение до натуральной величины. С близкого расстояния девушка была еще красивее, этакая экзотичная красотка. Чуть впалые щеки, серые, внимательные глаза. Густые, черные брови, а темные волосы, хотя и аккуратно причесаны, все же слишком короткие, чтобы быть очаровательными.

Солнечному свету, в котором она купалась, было нужно десять часов двадцать пять минут и тридцать одна секунда, чтобы долететь сюда от светила. И его еще было необходимо собрать и направить на лужайку, чтобы девушка, далеко за орбитой холодного Плутона, могла наслаждаться условиями, напоминающими солнечную полянку на Земле.

Наверху был голубой купол, почти неотличимый от безоблачного земного неба. А в центре его было нечто похожее на солнце.

Настало время обычной проверки. Убрав девушку с экрана, Алан Стюарт сыграл тихую мелодию на своих клавишиах. Все было так, как он и ожидал. Датчики мурлыкали и сонно пощелкивали. В пределах их досягаемости возле Форта Платон не было никаких посторонних.

Стюарт вернулся к окну. Девушка встала и дотянулась рукой до застежки платья. Она собиралась снять его. Стюарта бросила в жар. Девушка сняла платье.

Стюарт громко сглотнул.

Когда девушка откинулась назад, на траву, прикрыв глаза, Стюарт почувствовал, что в ней есть что-то странное, но это чувство было слишком слабым и не перерастало в беспокойство или тревогу. Три недели назад было сообщение о смене экипажа транспортного корабля. Так что, когда появилась девушка, Стюарт принял это как очевидное. Купальник ее нельзя было назвать экзотичным. Напротив, он был совершенно обычным. Но его воображение уже вышло из-под контроля. Стюарт протянул руку и еще больше увеличил ее на экране.

А затем замер.

У девушки на животе был шрам. Крошечный шрамик, почти незаметный, Стюарт и заметил-то его, когда она повернулась на бок, и свет упал на нее косо.

Это был шрам после удаления аппендицса. Стюарт не сомневался в этом. Он работал раньше в больнице и видел подобные шрамы на телах стариков.

Эта операция давно уже устарела. Хирургия больше не вскрывала тела, чтобы вырезать из них куски, ужа давно отпала необходимость лечить аппендицит, и ни у кого моложе сорока лет, он не удалялся.

Но эта девушка была явно моложе сорока.

Внезапно Стюарт интуитивно связал все факты и тут же его палец впился в кнопку номер 1. На Форте Платон впервые зазвучали сирены, гудки и колокола, замигали огни красной тревоги.

Но меньше, чем через пять секунд их слаженный ансамбль прорезал неблагозвучный пронзительный свист, означавший, что тревога была поднята слишком поздно — Форт Платон уже пал.

Контролер понял, что девушка была приманкой, сыгравшей свою роль в невероятном захвате Форта.

А он был преступником, позволившим симпатичной девчонке отвлечь его от прямых обязанностей.

II

ВЕТЕР превратился в настоящую бурю, а буря на Внешней Планете была не похожа на бури, которые могли бушевать на Земле. Земные бури не начинались и не прекращались внезапно, без малейших на то причин, поэтому их можно было

в какой-то степени предсказать. Бури на Внешней Планете были предсказуемы лишь в том, что оказывались гораздо хуже, чем любые пессимистичные прогнозы.

Поэтому Фред Манвин собирался закрыть ворота Одиннадцатого Лагеря и скрыться в подвале до тех пор, пока не вернется возможность движения по западной дороге. Любой «крот», пропустивший предупреждение, непременно свернет с дороги и закопается, чтобы переждать непогоду.

Внезапно Фред замер. На дороге появились две пеших фигуры в белых штормовках, отчаянно цепляющихся друг за друга. Они все еще были в опасности, хотя находились уже метрах в пятидесяти от ворот. Порыв ветра мог в любой момент подхватить их и разбить о землю.

Пока Фред глядел на них сквозь летящую грязь и пыль, ветер сумел каким-то образом пробраться под куртку одного из незнакомцев и в мгновение ока сорвал ее. Куртка взмыла высоко вверх и тут же исчезла. Считалось, что штормовки невозможна порвать, но во время бури на Внешней Планете все было возможно.

Тот, с кого была сорвана куртка, наверное, потерял силы из-за песка, сдирающего кожу с голой спины, или от холода, был тут же сбит с ног, и не укатился лишь потому, что отчаянно вцепился в своего товарища.

Они были теперь лишь в пятнадцати метрах от ворот. Полугодовалый человек попытался подняться, но не смог. У него явно были повреждены нога и рука. Громко послав к черту все инструкции, Фред Манвин выскочил и втащил обоих внутрь. Один из спасенных оказался девушкой.

Фред запер ворота и оттащил незнакомцев в сторожку, а затем вниз, в подвал. У мужчины были многочисленные ранки, нанесенные песком, а левая рука и лодыжка сломаны.

Подвал был теплым и уютным, хотя и маленьkim. Он был хорошо изолирован, так что здесь не слышалось шума бушующей снаружи бури.

Фред осмотрел раненого. Ему было около сорока, темные волосы уже начали седеть на висках. Он был обнажен до пояса и обладал прекрасной фигурой с развитыми мышцами. Кровь текла по голому телу на обтягивающие штаны, но большинство ранок были неглубокими, а перелом руки простым, с которым

у опытного Фреда не должно возникнуть проблем. Хуже было с лодыжкой, из которой торчала сломанная кость. У него была также разбита голова, и, хотя до подвала он добрался на своих ногах, но тут же бессильно рухнул на предложенный стул.

- Вспышка, – сказал Фред. – Включите вспышку.
- Девушка подняла на него удивленный взгляд.
- Что сделать?
- Включите вспышку, – повторил Фред, склоняясь над раненым.
- Конечно, если вы скажете мне, как.
- Поднимитесь по лестнице и… А, ладно, неважно. Сядьте и не мешайте мне.
- Вы лучше сами включите вспышку, – холодно ответила девушка. – А я пока присмотрю за отцом.

Фактически, мужчина не был ее отцом. Он был ее дядей.

- Вы сами-то в порядке? – спросил Фред.
- Кажется, да. Наверное, есть синяки.

Она сняла шлем и куртку. Фред отметил, что она красива, но это ему было не интересно. Жена Фреда была такой же массивной, как и он сам, и такие тощие девчонки всегда казались ему принадлежащими к иной расе.

- Я Верна, – сказала девушка. – А это мой отец Сэл Слент. Я могу позаботиться о нем. Я знаю, что нужно сделать.
- Лучше, я сделаю все сам, – отозвался Фред. – Вода там. Как следует вымойтесь. Сами знаете, что будет, если не смыть пыль.

Верна, наиболее самоуверенная из четырех девушек, всегда раздражалась, когда к ней относились, как ни на что негодной кукле. Но сейчас не стоило ничего говорить, потому что она могла выдать незнание таких вещей, которые обязана была знать.

Она налила холодной воды из бака в пластиковый таз, нашла кусок твердого желтого мыла и вымыла лицо и руки, думая, что же имел в виду привратник, сказав «вы знаете, что будет, если не смыть пыль».

Но она тут же узнала это.

Песок и пыль проникли повсюду, в волосы, в штормовку и даже в ботинки. Верна почувствовала зуд и тут же вспомнила упоминание о «зуде» в радиосообщениях, которые они перехватили на корабле. Сама почва была недружелюбна к людям в этом враждебном мире.

Фред раздел Сэла и обтер его тканью, которую достал из ящика. Потом сказал, что все будет в порядке, но раненому придется дней десять провести в постели, а еще какое-то время он будет хромать. Закончив, он положил ноги Сэла на другой стул и прислонил его к столу.

— Он спит, — сказал Фред, — и пусть себе спит. Теперь можно попробовать вспышку, хотя, вероятно, от нее будет немного пользы.

Верна спросила, почему здесь нет подземных проходов, телефона, радио или хотя бы сигнального фонаря на крыше.

— На прошлой неделе мы расширили границы, — любезно ответил ей Фред. — Нужно больше пространства. Конечно, сначала надо построить ограду, затем укрепить почву внутри. А скажите мне, что вы вообще делали на дороге?

— По крайней мере, не развлекались, — холодно ответила девушка. — Наш «крот» свалился в трясину. Хорошо, мы успели выбраться из него.

— В болото? Я знаю его. Но, черт... оно же в пятидесяти метрах от дороги. Вы что, с ума сошли, если уклонились от дороги на пятьдесят метров?

— Там была скала, которую не мог прокопать «крот».

— Конечно, там есть скала, но совсем короткая. Вы должны были держаться рядом с дорогой.

— Большое спасибо, — явно сдерживаясь, ответила Верна. — Ваш совет слегка запоздал... но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Фред нахмурился, пытаясь понять ее слова, потом решил, что это такая шутка, и усмехнулся.

— Ну, хорошо, что вы уцелели... Вот только «крота» своего больше никогда не увидите. Болота на этой адской планете никогда не отдают то, что заграбастали. Может, хотите кофе?

— Да, пожалуйста.

В конце концов, несмотря на пережитый ужас, несмотря на раны Сэла, несмотря на ее невежество, — на которое мог бы обратить внимание и более рассеянный наблюдатель, чем подозрительный Фред Манвин, — все шло до сих пор хорошо.

Они с Сэлом попали сюда. Эта часть операции началась достаточно успешно. Фред сам сказал, что больше они не увидят

своего «крота». В этом Верна не сомневалась, потому что их «крот» вообще не существовал.

СТАНЦИЯ 692 была одной из нескольких на орбите Юпитера, и располагалась на самой дальней орбите, для того, чтобы корабли могли свободно летать, несмотря на мощное поле тяготения. Однако, несмотря на это, все равно было немало несчастных случаев. И вообще, станции в открытом пространстве были более эффективны, чем на орbitах планет.

Командир Станции 692 Хью Суянг проснулся и обнаружил, что станция уже не принадлежит ему. Последнее, что он помнил – как лег спать. Он с трудом разлепил глаза и не мог определить, сколько сейчас времени. Хью понял, что во время сна ему сделали какой-то укол или пустили в каюту газ. Когда же он осмотрелся, то увидел в своей каюте высокого худощавого мужчины и красивую темноволосую девушку. Оба в какой-то зеленой форме, какую он никогда не видел.

– Рад познакомиться, командующий Суянг, – вежливо сказал мужчина. – Я директор Фар Слент, а это моя дочь Пэрисс.

Обстановка на Станции 692 была иной, чем на Форте Платон или поселке пионеров на Внешней Планете. Хью Суянг сразу же понял кое-что важное.

– Вы – адамиты, – выдохнул он.

Директор Слент кивнул.

– Да, но, пожалуйста, не совершайте необдуманных поступков, командующий. Станция полностью в наших руках. Нас двадцать один человек, а вас только семеро, так что на каждого из ваших приходится по три наших человека. Естественно, вы безоружны, а мы хорошо вооружены. Оценивая эти факты...

– Это война? – прямо спросил Хью.

– Нет, – сказал Фар. – Это не война. Я не думаю, что вообще когда-нибудь начнется война. Назовем это исследованием.

Хью хотелось встать, но он спал голым, а девушка и не подумала бы отвернуться.

– Буду рад назвать это исследованием, – сказал он. – Пэрисс, будьте так добры, принесите мне стакан воды. У меня рот словно полон песка. Наверное, последствия газа.

Он увидел, что в глазах девушки появилось уважение. Она была впечатлена его возможностью оценить ситуацию.

— Возможно, вы убьете меня, — сказал Хью, отпивая воду.
— Скажите, сколько у меня шансов ость в живых, три или десять?

Их легкое замешательство указало, что ссылка им неизвестна, что не было удивительно, учитывая, как мало контактов было между землянами и адамитами. Можно было ожидать, что библейские ссылки ничего им не скажут. Но все же они поняли общий смысл.

— Хорошие шансы, — ответила, наконец, девушка, — если не попытается быть героем.

Директор Слент продолжал:

— Мы хотим, чтобы на станции все шло, как обычно. Возможно, вы сами или кто-нибудь из ваших шести коллег в течение следующих нескольких недель попытается отправить сообщение или предупреждение, или поднять тревогу. Мы вынуждены вас предупредить: если это произойдет, мы всех вас убьем. Если же нет, то все вы останетесь живы и здоровы, когда мы оставим вас.

— Вы хорошо говорите на нашем языке, — хмыкнул Хью.

— А что он сказал неправильно? — тут же спросила девушка.

— Напротив, он говорит слишком правильно, — усмехнулся Хью. — «Когда мы оставим вас»... В разговорном языке предложения строят проще.

— Мне кажется, вы мне нравитесь, — сказала девушка. — Прекрасно, могу я вернуть вам вашу станцию?

— Юмор адамитов, — задумчиво произнес Фар, — отличается от юмора землян. Это одна из тех вещей, которые мы хотим изучить.

— Раз вы не собираетесь пока что возвращать мне мою станцию, — ответил Хью, — не будет слишком нахальным спросить, а как вам вообще удалось захватить ее?

— Да нет, я вам расскажу, потому что это может заставить вас вести себя поосторожнее, менее импульсивно. Во-первых, ваша система обнаружения бесполезна против наших кораблей.

— Именно это я и предполагал, — пробормотал Хью.

— Во-вторых, мы, как вы уже поняли, действительно использовали газ. У нас есть быстродействующий газ без всякого запаха. Но вы же не ожидаете, что я расскажу вам что-нибудь еще?

Нет, подумал Хью. Вряд ли они скажут, какое имеют в запасе новое секретное оружие. То, что станция была захвачена при помощи газа, походило на высказывание, что смерть произошла от остановки дыхания. А то, что действительно имело значение, осталось необъясненным.

— А в третьих, — продолжал директор Фар, — происшедшее является частью операции в четырех частях. Есть три другие независимые части.

— Понятно, — протянул Хью, вообще ничего не понимая.

— Я рассказываю вам это потому, — закончил Фар, — что если здесь поднимут тревогу, то трем другим частям операции может быть нанесен ущерб. И то, что, по существу, является мирной операцией, может перерости в насилие и кровопролитие. Может даже начаться война между землянами и адамитами. И ответственность за это ляжет на вас.

— Кто-то когда-то сказал, — рассмеялся Хью, — «Это злое животное. Оно защищается, когда на него нападают». Должен предупредить вас, директор Фар Слент, и вас, Пэрисс, что мы склонны быть такими злыми животными.

Фар хотел было что-то сказать, но Пэрисс сделала быстрый жест, и он промолчал.

Интересно, подумал Хью, а уж не девушка ли здесь главная?

МЮНХЕН был один из немногих городов Земли, которому выпала сомнительная честь содержать часть штаб-квартиры ООН. Географически, у него было лучшее расположение, чем у большинства остальных. До него было легко добраться европейским и африканским членам ООН. Могущественные же американские и Восточные представители, появлялись здесь на собраниях не физически, а, скорее, символически.

Мужчина и девушка, войдя в обширное Управление по кадрам возле Хоффартена, с удивлением обнаружили, что их отпасовывают от одного чиновника к другому, правда, каждый раз немного большего ранга, чем предыдущий, и чуть более проницательному.

Но их заставлял сдерживаться тот факт, что, в отличие от трех остальных пар, у них была, пожалуй, самая ответственная работа. Если бы работа в Управлении по кадрам была организована так эффективно, как хотелось бы, то они столкнулись

бы с трудностями или даже невозможностью украсть то, что намеревались.

Последним чиновником, к которому они попали, была женщина. Им не пришлось повторять свою историю, поскольку у нее уже были записи.

— Я мисс Хейлброн, — сказала она. — А вы — Дон Слент и ваша дочь Джилин, уроженцы Марибиса. Мисс Слент, вы не будете так добры пройтись по комнате? Всего лишь несколько шагов.

Джилин сделала то, что ей велели, тщательно копируя плавные движения марибисанок, медлительных, но изящных. На ней была недавно купленная дешевая одежда землянок — черные джинсы и кружевная рубашка, — которая совершенно ей не шла. Бедра ее были слишком широки для узких джинсов, а груди решительно выпирали из свободной шнуровки.

— Я так и думала, — заявила мисс Хейлброн. — Вы — адамиты.

— Мы больше других земных колоний контактируем с адамитами, — возразил ей Дон.

— Мне это известно. Но ваша дочь производит впечатление адамитки, ведущей себя как марибисанка, а не наоборот.

Джилин отчаянно попыталась успокоиться, и, наконец, ее усилия достигли своей цели. Она знала, что она самая нервная из девушек и наименее самоуверенная. И сейчас ей казалось чистым безумием, что именно ее, а не Верну или Томи, выбрали для этой наиболее важной части операции.

— Я лишь два раза видела адамиток, — сказала она. — Они были в форме. Они, в среднем, помельче нас. И они раньше стареют. — И, прежде чем чиновница возразила, Джилин опрометчиво продолжала: — Если бы вы, мисс Хейлброн, были адамиткой, то выглядели бы уже старухой.

Мисс Хейлброн, в конце концов, была женщиной, и это заявление ей не понравилось. Ей было всего лишь под шестьдесят, и она считала себя привлекательной. И до признаков старения ей было еще лет тридцать.

— В самом деле, не стоит стесняться быть откровенным, — сказала она. — Это вносит приятное разнообразие после общения с людьми, которые не живут на границе. Вам, мистер Слент, идет седина. Может, вы помните, что адамиты рано седеют?

Это ее заявление не улучшило ситуацию.

— Да, — с готовностью подхватил Слент. — А вы, может, помните, что продолжительность жизни землян возросла лишь не-

давно и еще не получила распространение во всех колониях. А адамиты, кажется, вообще не добились в этом деле успехов.

— Интересно, — протянула мисс Хеилброн. — Мы еще вернемся к этому. Насколько я поняла, вы ищите здесь работу в качестве экспертов по Марибису. Почему?

На это у них был готовый ответ.

— Думаю, мы не слишком образованы, — с сожалением вздохнул Дон. — Деньги от продажи дома позволили мне показать дочери Материнский Мир. Но я недооценил расходы. Мы потратили деньги, отложенные на обратную дорогу, и поэтому вынуждены устроиться тут на работу.

— Я вижу, вы хотите получить работу лишь на месяц. Но, знаете ли, у ООН почти нет деловых отношений с Марибисом.

Дон прекрасно знал это. Их легенда и была выбрана потому, что адамиты знали о Марибисе больше, чем о любых других земных колониях, и еще потому, что на Земле они вряд ли встречались бы с настоящими уроженцами Марибиса.

— Разумеется, вы должны пройти медосмотр, — небрежно сказала мисс Хеилброн.

Джилин слегка кивнула.

— Вы не возражаете? Вы оба?

— Нет. А почему мы должны возражать? — спросил Дон.

Джилин подивилась своему самообладанию и еще раз пожалела, что Мюнхен не был поручен одной из ее сестер.

Мисс Хеилброн тут же сменила тему.

— Да, думаю, мы можем нанять вас обоих. Однако, не для той работы, на которую вы рассчитываете. Маловероятно, что в следующие несколько недель нам понадобятся услуги экспертов по марибисанцам. Но вы наверняка кое-что знаете об адамитах. А такая информация — редкость. — Она настучала какую-то заметку на клавиатуре. — Мы наймем вас, чтобы вы рассказали нам все, что знаете об адамитах.

III

ПЕРВОЕ, что нужно сделать теперь, когда Форт Платон находится в руках адамитов, сказал Уилу Сленту юрисконсульт, это казнить контролера Алана Стюарта.

— Это сразу же прояснит, — сказал юрисконсульт Эрол, — что мы сознаем наше положение, что мы справедливы и беспристрастны. Ничто другое не соответствует лучше этим требованиям, чем наказание человека, непосредственно виновного в захвате этого форта землян. Если же мы будем ждать, пока в качестве примера не может быть казнен другой землянин, то его преступление будет почти наверняка направлено против нас, и наша беспристрастность вызовет сомнения. Если же мы казним Алана Стюарта, совершившего преступление против землян, то наша позиция сразу станет ясна.

— Понятно, — сказал Уил, — но мне нужно посоветоваться с Томи.

— Только не в этом вопросе, — ответил Уил, — потому что она сама участвовала в этом деле. Я предлагаю, чтобы решение приняли вы сами, директор.

Уил на минутку задумался. Эрол, молодой и честолюбивый офицер, слишком много брал на себя, был слишком уверен, слишком настойчив.

Но проблема была в том, что Эрол прав. Когда генералу Моррисону официально сообщили об этом, он раздраженно ответил:

— Вы хотите его казнить? А я-то думал, вы захотите вручить ему медаль.

— Ваше замечание, генерал, — сказал директор Уил Слент, — показывает, что вы неправильно понимаете правосудие адамитов. Совершил ли Стюарт преступление против вас или против нас, оно все равно остается преступлением, которое должно быть немедленно наказано.

— Без суда и следствия?

— Вы считаете, что суд необходим?

— Конечно.

— Тогда будет суд. Я встречался с вашим юрисконсультом. Он кажется мне наиболее подходящим человеком.

— Да, — нехотя согласился генерал. — Вполне подходящим. Есть лишь одна маленькая трудность...

— Какая?

— Он — брат Алана Стюарта.

— Это было бы затруднение, — пожал плечами Уил, — если бы его обязанностью было выступить в суде на стороне обвинения. Но он будет защищать Алана Стюарта. У вас есть возражения?

— Нет.

— У меня тоже.

Суд состоялся в зале заседаний Совета. Он проводился по протоколам адамитов, а не землян, но защитник Джон Стюарт, проконсультировавшись с юристами-адамитами, сказал генералу, что так будет вполне справедливо и гораздо быстрее, если вести суд по протоколу землян. Единственным значимым различием было бы отсутствие обвиняемого во время большей части слушаний.

Присяжные были выбраны из четырех землян и четырех адамитов. Председательствовал Уил Слент, потому что форт был в руках адамитов, а не землян.

Сначала выступил офицер адамитов, говоривший на своем языке. Уил, превосходно владевший английским, перевел его короткое сообщение.

— Мы сумели захватить этот форт без жертв с обеих сторон средствами, которые я не стану здесь раскрывать, поскольку они не имеют отношения к данному слушанию. Единственное, что мы не могли заранее вывести из строя, это контролер-землянин, который мог поднять тревогу. Его нужно было отвлечь на несколько минут. Эта задача была поручена специальному офицеру Томи Слент.

Место Уила тут же заняла Томи, носившая зеленую форму офицера флота адамитов.

— Было невозможно добраться до контролера физически, — заговорила она на чистом земном языке. — Но мне оказалось просто пробраться на поляну перед внешней стеной контрольно-пропускного пункта. План был таков...

Здесь ее прервал член коллегии присяжных из числа землян, раздраженно закричал, что так суды не ведутся. Они что, услышат только адамитов — их искаженную версию того, что произошло на самом деле?

— Есть доказательства того, что вы здесь слышите, — ответил на его возражение Джон Стюарт. — Как адвокат, я согласился, что вначале будет дана лишь суммарная сводка важных фактов.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — проворчал присяжный, садясь на место. — Тогда у меня все.

Джон Стюарт занимал на форте совершенно нейтральное положение, потому что никто не знал его хорошо. Однако, человек,

защищающий родного брата от преследования чужой расой и смертной казни, разумеется, должен прилагать все силы, чтобы спасти своего клиента.

— План заключался в том, — продолжала Томи, — чтобы привлечь внимание контролера и отвлечь его от визуальных наблюдений за фортом.

Здесь ее остановил Эрол, обвинитель-адамит.

— Вы использовали здесь слово «визуальные». Почему?

— Потому что лишь визуальный обзор мог засечь тайное проникновение в форт. Успех операции доказал, что автоматические системы форта были успешно отключены. Нельзя было отключить лишь дежурного наблюдателя, который единственный мог видеть то, что происходит в любой части форта. Значит, его нужно было отвлечь.

Эрол повернулся к присяжным.

— Смысль этого в том, что контролер форта — человек, наблюдающий за машинным комплексом. Машины были отключены извне, так что ни они сами, ни их разработчики не находятся под следствием. Но контролер, который должен был наблюдать за их работой в качестве дополнительной гарантии, также не выполнил свой долг, потому что...

— Я бы так не сказал, — резко заявил Стюарт.

Адамит был действительно озадачен.

— Но ведь это бесспорный факт, что он не выполнил свой долг.

— Вовсе нет.

— В каком точно пункте вы отрицаете мое заявление?

— Я отрицаю ваше право делать вообще любые заявления. Вы говорите присяжным, как факты, то, что фактами не является.

Тут же поспешно вмешался Уил. Однако, Стюарт не стал настаивать, очевидно, удовлетворившись предупреждением Эролу.

— Было известно, — продолжала Томи, — что контролером в эту смену будет одинокий молодой мужчина. Все, что мне нужно было сделать, это отвлечь его внимание, не пробуждая подозрений. И я...

— Пожалуйста, повторите последнее предложение, — сказал Стюарт.

— Все, что мне нужно было сделать, это отвлечь его внимание, не пробуждая подозрений, — немножко удивленно произнесла Томи.

– Не пробуждая его подозрений?

– Да.

Стюарт повернулся к директору Уилу Сленту.

– Конечно, если эта девушка преуспела в своих намерениях, – сказал он, – а тут было заявлено, что она преуспела, то она не пробудила подозрения контролера. Поэтому, какие у него были причины поднять тревогу?

Тут заговорили все разом, и Уилу пришлось потребовать тишины.

После того, как тишина была восстановлена, Стюарт просто сказал Томи:

– Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Теперь было право защиты вызвать свидетеля. И первым был вызван Аллан Стюарт.

Алан Стюарт волновался, и это было видно по нему. Сам он считал себя виноватым, и брат не мог убедить его в обратном. Форт был захвачен без боя четырьмястами военными с корабля адамитов. Он должен был вовремя заметить и остановить их.

Джон Стюарт, напротив, показывал бодрость духа.

– Что вы сделали, когда увидели девушку? – спросил он.

– Подошел к окну и стал смотреть на нее.

– Почему вы не подняли тревогу?

– Потому что она ничего не нарушила.

– И все-таки потом вы подняли тревогу?

– Да.

– Слишком поздно, где-то секунд за шесть до того, как напавшие обнаружили себя сами?

– Ну, я не могу сказать с точностью до секунды. Примерно так.

– Стюарт повернулся к присяжным.

– Контролер действительно поднял тревогу, как был обязан. Так что он невиновен.

Когда Эрол взял слово, голос его дрожал от сдерживаемого гнева.

– Это какая-то земная юридическая уловка, – заявил он. – Мы все знаем, что контролер, в конечном итоге, поднял тревогу слишком поздно. Мы должны рассмотреть, почему он не поднял ее раньше.

Стюарт вскочил на ноги.

— О, так вот что мы должны рассмотреть? — спросил он. — Хорошо, сейчас все выясним. Стюарт, почему вы не подняли тревогу раньше?

— Я поднял тревогу только тогда, когда понял, что здесь что-то не так. У девушки был шрам после операции на аппендиците, — объяснил Алан.

Адамиты заинтересованно переглянулись. Это было то, о чем они просто не знали.

— Таким образом, — спокойно продолжал Стюарт, — вы ждали, пока не убедились в своих подозрениях, а затем подняли тревогу. Вы ни в чем не заподозрили девушку, но держали ее под наблюдением до тех пор, пока не убедились, что она не землянка. И тогда вы подняли тревогу.

— Совершенно верно.

Стюарт сел, повторив, что подсудимый невиновен.

Несколько секунд Уил молчал, но потом все же вынужден был продолжать заседание.

— Адвокат, если вы утверждаете, что у Стюарта не было приказа поднимать тревогу, пока он не будет точно уверен, что возникла нештатная ситуация, вы должны доказать это.

— Понятно. Стюарт, когда появилась девушка, вы не подняли тревогу, потому что она ничего не нарушила?

— Правильно.

— И кто вам приказал не поднимать тревогу, пока вы не будете уверены, совершенно уверены в такой необходимости?

— Генерал Моррисон.

Стюарт выдержал паузу, затем спросил:

— Значит, вы действовали в соответствии с приказами генерала Моррисона?

У Алана хватило ума сказать просто: «Да».

— Таким образом, если форт был захвачен, когда вы, возможно, могли предотвратить это — то его захватили потому, что вы повиновались приказам генерала Моррисона?

— Да.

Стюарт повернулся к Уилу.

— Тут явно обвиняют не того человека. Перед судом должен был предстать генерал Моррисон. И я готов его защищать.

Уилу хотелось проконсульттироваться с Эролом, но он не мог вести во время суда конфиденциальные переговоры с обвини-

телем без того, чтобы защитник не стал протестовать. Тогда он обратился к присяжным.

— Как председатель суда, — сказал он, — я чувствую, что моей обязанностью будет посоветовать вам вынести приговор: «Не виновен».

KОГДА Уил с Эролом остались наедине, Эрол сказал:

— Этот Стюарт — ловкий адвокат. Как хитро он намекнул на продолжение. Он вовсе не прочь привлечь своего генерала к суду, выиграть дело, но одновременно дискредитировать его.

— Нас обмануло его первоначальное согласие со всем, — задумчиво сказал директор. — Он ведь был совсем не прочь, чтобы мы судили его брата. Мы ошибочно допустили, что обязанности контролера сходны с обязанностями часового, и в этом виноват именно он. В результате суд оказался на руку землянам. И мы можем предположить, что если под суд отдать генерала Моррисона, то результат будет таким же.

— А может, и нет. На сей раз я был бы со Стюартом настороже. Он не поймал бы меня снова спящим.

— Врасплох, — рассеянно поправил его Уил.

— Простите?

— Они говорят: «Вы не застанете меня врасплох».

Уил удивленно взглянул на Эрола. Он считал его напористым, но компетентным офицером. А в отношении землян, однако, у него проявился недостаток воображения.

Уил считал, что понял, почему Стюарт предложил отдать под суд генерала Моррисона.

— Допустим, что на сей раз Стюарт ничего не задумал. Допустим, в качестве доказательств он проведет всю нашу операцию. Разве нам тогда не придется ответить на все его вопросы?

— Если он это сделает — то да, — постепенно начал понимать Эрол. — По нашим собственным законам нам придется тогда выложить все подробности. Например, о вашем зондировании чужих мыслей. Когда вы с Томи заставили технический персонал форта стать на минутку невнимательными и отключить определенные реле, когда они думали, что регулируют их. Или о наших вспомогательных неэлектрических двигателях, которые не могли обнаружить их детекторы. А узнав о них, они могли бы разра-

ботать детекторы на другой основе, чтобы все же обнаруживать наши корабли. Да, мы были бы вынуждены ответить на все эти вопросы. Нельзя судить командующего фортом, отказавшись предъявить весь перечень того, чему он противостоял.

— Таким образом, — кивнул Уил, — мы должны замять это дело.

Эрол нехотя согласился.

— Но мы плохо начали, — нахмурился Уил. — Нам нужно лучше продумывать свои действия.

— Вы допускаете провал, сэр?

— Вовсе нет. Но нам нужно больше узнать о землянах. У них есть высказывание, что все учатся на ошибках.

— Чрезвычайно опасная установка.

— И все же, вероятно, в ней есть зерно истины.

Все в Форте Платон открыто для него, подумал Уил, — библиотека, журналы регистрации, отчеты, доклады и микрофильмы. Прежде чем снова начать действовать, он собирался покопаться в библиотеке и отчетах. Ничто не могло быть более срочным и важным.

Конечно, земные книги и отчеты будут скопированы, а копии перенесены на корабль. Но то, что может он лично изучить на месте, в сто раз более ценно всяких записей. Здесь, на месте, он может усомниться в чем-нибудь, что сбывает его с толку, провести расследования и выяснить то, чего он не понял сразу.

— Если вы дадите мне еще один шанс, сэр, — сказал Эрол, — то я продемонстрирую вам и землянам, на что годится мой собственный опыт.

Уил снова кивнул чисто земным жестом, хотя и не был согласен с ним. Он не хотел больше участвовать в сражениях в зале суда в Форте Платон, когда его оружие, Эрол, явно уступало землянину Стюарту.

Он не хотел, чтобы вообще что-то происходило, пока он изучает землян.

IV

КОНТАКТ был установлен сразу же после того, как Эрол оставил директора Уила одного и послал к нему Томи. Это было через два часа после того, как Сэла и Верну пропу-

стили через врата на Внешней Планете, через четыре часа после того, как Фар и Пэрисс захватили Станцию 692, и спустя шесть часов после прибытия в Мюнхен Дона и Джилин. Синхронизация прошла нормально, учитывая все обстоятельства.

В Форте Платон и на Станции 692 парочкам адамитов было легко сконцентрироваться. На обеих станциях Директор Слент полностью и открыто командовал и мог запереться в отдельном помещении с девушками, Уил со своей дочерью Томи, и Фар с племянницей Пэрисс.

В Мюнхене для Дона и Джилин ситуация была более трудной, потому что они как раз заполняли анкеты в Управлении Кадров, и должны были продолжать заниматься этим во время контакта.

В подвале на Внешней Планете были свои трудности, и не потому, что Фред Марвин не умолкал, пока готовил ужин, а потому, что Сэл Слент только что пришел в сознание, и у него оказалось сильное сотрясение мозга.

Все восемь знали, что делают, не больше, чем дикари, которые изобрели речь, разбирались в механизме голосовых связок и гортани. Томи мысленно настроилась, думая о Верне, Пэрисс и Джилин, представляя их внешность, воображая их голоса, пытаясь предположить, что они чувствуют и как одеты. Более неопределенно, но прилагая максимум сил, Уил, Сэл, Фар и Дон делали все, что могли, чтобы помочь им.

Телепатия как у землян, так и у адамитов, была непослушным талантом. То, что мысли могли передаваться из мозга в мозг при определенных непредсказуемых обстоятельствах, в течение многих столетий мало ком подвергалось сомнению. Но большинство таких случаев проявлялось случайными, неуправляемыми вспышками, слишком редкими для того, чтобы их до-скончально исследовать.

Единственными людьми, которые регулярно получали телепатические сигналы друг от друга, были однояйцевые близнецы.

Родившаяся четверня Слентов: Уил, Сэл, Фар и Дон, вначале почти не касалась вопросов телепатии. Как двойняшки и тройняшки многих других рас, каждый из них чувствовал, когда другому грозила опасность или он был ранен. В один и тот же день они поступили на службу во Флот адамитов. Причем Флот не считал их специфичную связь достаточно ценной для особого к ним отношения.

Но когда «Кэрон» потерпел аварию на безжизненной планете без названия, необъяснимые чувства трех братьев привели к спасению четвертого, а заодно и большей части экипажа корабля. После этого Флот обратил на них внимание.

Примерно в одно и то же время братья Слент женились на похожих девушках. Все четыре жены оказались сперва бесплодными. Но, наконец, после лечения от бесплодия, жена Уила Слента принесла четверню девочек. Их назвали Томи, Верна, Пэрисс и Джилин. И никаких других детей у них не было.

Девочки росли, как все подобные близняшки. Они похоже одевались, имели общих друзей, они шалили, а иногда жестоко развлекались, подменяя друг друга. Частично потому, что их общая связь была очень сильна, а отчасти потому, что ни одному молодому человеку не удавалось оставаться ни с кем из них наедине на столько, чтобы заставить ее влюбиться, они оставались охотницами.

Когда им исполнилось семнадцать, у Пэрисс воспалился аппендикс. И в течение последующей недели все остальные девочки были вынуждены перенести эту операцию. И в это же время Уил Слент с некоторым смущением иногда вторгался в сознание своих дочерей.

Потом он рассказал об этом братьям, и они начали эксперименты. В конечном счете, обо всем узнал Флот. Разумеется, Флот расценил это как новое, потрясающее оружие. И был поставлен вопрос, что делать с талантом Слентов.

Разумеется, сначала они должны были обучаться. С помощью военных психологов Сленты обнаружили, что могут работать попарно, каждый мужчина с одной из девушек, пытающейся связаться со своими сестрами и обычно терпящей неудачу, если только отец или дядя не поддерживают ее силы. И тогда связь легко устанавливалась, словно через два провода в электроцепи, и двое Слентов могли переговариваться с подобной парой. Причем каждая пара должна состоять из девушки и мужчины, подобно тому, как электропровода должны быть положительными и отрицательными.

Овладев таким оружием, Флот адамитов должен был как-то использовать его. А самая большая военная проблема в Галактике была присутствием двух независимых ветвей рода человеческого.

ПОСТЕПЕННО контакт налаживался и становился отчетливее. Девушки знали, что Верна закутана в полотенце, чувствовали боль в руке, ноге и голове Сэла, видели, что Джилин что-то пишет в пустом, ярко освещенном офисе, и ощущали клаустрофобию жизни на космической станции. И каждая такая деталь все больше укрепляла контакт. А потом началась беседа.

ДЖИЛИН-ДОН (ярко освещенный офис в Мюнхене): Пока все нормально, но опасность не миновала... Земляне заподозрили, что мы – адамиты... медицинское обследование...

ТОМИ-УИЛ (отдельное помещение в Форте Платон): Попытайтесь его избежать (Подробности об операции по удалению аппендицса).

ДЖИЛИН: Возможно, все это не так уж серьезно. Марибис мало контактирует с Землей... Подобные операции наверняка еще проводятся на Марибисе.

ТОМИ: Тогда пусть другие будут поосторожнее.

ПЭРИСС-ФАР (Станция 692, запертое помещение): Здесь это не имеет значение. Земляне знают, что мы адамиты.

ВЕРНА-СЭЛ (Внешняя Планета, теплый подвал): Полезное предупреждение... При необходимости, шрам можно объяснить... Не операция, случайный порез ножом...

ТОМИ: Земляне хитрые... И некоторые из них умнее нас.

ДЖИЛИН: Да. Не нужно их недооценивать...

ПЭРИСС: Интересно...

ВЕРНА: Здесь это несущественно...

Поток мыслей был быстр и неглубок, словно четыре ручейка, спадающие в один водоем. В глубине его словно промелькнула рыба – три другие сестры уловили озорное возбуждение Пэрисс, но чем бы оно ни было вызвано, это было ничем для отца и дядей, так что на него не обратили внимание. Все девушки также ощутили страх Джилин, тоже как нечто, на чем не стоит сосредотачиваться.

Больше в этом первом контакте было не о чем говорить. Он был нужен лишь для того, чтобы установить хорошую связь, связь, которую в следующий раз будет уже легче образовать, потому что все они немного узнали об окружении и делах остальных.

В чрезвычайной же ситуации от этой связи могла зависеть их жизнь и смерть.

МИСС ХЕИЛБРОН задумчиво сидела за своим столом. Наконец, она щелкнула интеркомом.

— Передайте доктору Роджеру Миллеру, чтобы он немедленно пришел ко мне.

Через пять минут Миллер появился в ее кабинете.

— Мне уже сообщили, пока что совершенно неофициально, мисс Хеилброн, о вашем повышении до Генерального директора. Откровенно говоря, если бы спросили мое мнение, то я вынужден был бы сказать, что в интересах Управления по Кадрам лучше бы послужило ваше продвижение в обратном направлении. — Он замолчал, и мисс Хеилброн тоже молчала, вежливо улыбаясь, поэтому, немного погодя, Миллер спросил: — Другими словами, мисс Хеилброн, чему я обязан этому бесчестью?

— Адамиты, — ответила она.

— Адамиты здесь? В этом здании?

— А точнее, совсем недавно они были в этом офисе. Вы никогда не встречали адамитов, доктор Миллер? Предполагается, что вы эксперт по Эдему, так неужели же вы никогда не видели адамитов?

Миллер сел в кресло для посетителей.

— Мое время весьма дорого ценится, — сообщил он. — К чему вся эта сказка про белого бычка?

Она рассказала ему о своих посетителях и о том, как обошлась с ними. Когда же упомянула, что сказала им: «Я вынуждена подумать, что вы адамиты», Миллер, напрягшись, вытянулся в струнку.

— Вы прямо обвинили их?

— Тогда еще, — тихо сказала она, — я еще не была уверена, что права.

— А как вы можете быть уверены в этом теперь?

Мисс Хеилброн вздохнула.

— Я не смогу объяснить вам это, доктор Миллер, и не хочу даже пробовать. Я даю вам возможность убедиться самим, изучая этих самозваных марибианцев. Только не при личных контактах. Я не хочу, чтобы вы встретились с ними лично.

— Вы не хотите, чтобы я встретился с ними? Какое безумие...

— Совершенно верно, доктор Миллер, какое безумие — позволить вам встретиться с ними. Вы никогда не отличались самообладанием, и, боюсь, теперь уже слишком поздно начинать...

Миллер понял, что если сейчас начнет бушевать в ее кабинете, то этим лишь подтвердит ее слова. Ему удалось сохранить лицо бесстрастным и даже сардонически усмехнуться.

— Что же вы предлагаете? Я всецело в ваших руках, мисс Хейлброн.

— Я предлагаю, чтобы вы пообещали мне не встречаться лично с этой парочкой — и после этого взяли себе все это дело.

Возникла длинная пауза.

Миллер был из того же поколения, что и мисс Хейлброн, когда-то высокий, красивый мужчина. Он был женат семь раз и не собирался продолжать в том же духе. То, что у него ничего не вышло, была не вина семи конкретных женщин, а всего женского пола. Он оставался одиноким, потому что за день возникали редкие минуты, когда он не сердился и не ругал кого-либо за что-либо в пределах своей досягаемости. И все же он сделал достаточно неплохую карьеру, потому что любое поручение, которое ему давали, выполнялось блестящее и исчерпывающе.

— Очень хорошо, — тихо сказал он. — Вы, конечно, неправы, мисс Хейлброн. Эти люди могут не быть марибианцами, но при этом они не обязательно должны оказаться адамитами.

— Докажите же это, доктор Миллер, — улыбнулась она.

ДЖИЛИН и Дон встретились с жилищной проблемой. Сначала они отказались от предложения Управления помочь в этом вопросе. Но все гостиничные номера были либо заняты, либо слишком дороги — Они же, как предполагалось, испытывали нужду в деньгах. Мюнхен, как и многие другие правительственные центры, был полон до краев и трещал по швам.

После долгих часов бесплодной ходьбы Джилин сказала дяде:

— Если бы мы только могли воспользоваться телепатией...

— Но мы не можем, — спокойно ответил Дон.

— Знаю, но насколько было бы легче...

— Джилин, мы ведь твердо договорились еще до начала операции, что, оказавшись на месте, не будем пытаться воздействовать на землян телепатически.

— Я помню, но...

— Если что-нибудь где-нибудь обнаружится то, что даст землянам ключ к решению одной загадки, то они решат и все остальные. Одно дело воздействовать на двух-трех человек на космической станции, и заставить их повернуть одни выключатели вместо других. Это было необходимо и совершенно безопасно. Когда человек выполняет привычную работу, то он не думает о ней — и не должен думать. Его мысли витают где-нибудь в других местах. Но у нас сейчас нет необходимости принимать чрезвычайные меры.

— Я понимаю...

— Не понимаешь, Джилин, иначе не предложила бы на данном этапе никаких таких глупостей.

У Джилин болели ноги, она устала, ей было жарко. Она чувствовала, что является самой слабой сестрой. Трудности укрепляли Верну, смешали Пэрисс и возбуждали Томи, но ее совершенно сломили и растоптали. У нее не было где поспать этой ночью в чужом городе, и она поняла, что они ничего не найдут сами, без помощи Управления.

— Давайте тогда вернемся в Управление, — вздохнула она.

Они так и сделали, и получили список адресов. Пять раз они потерпели неудачу, но в шестом доме нашлось две удобные комнаты и ванная. Джилин сразу приободрилась. Она всегда была самой живой из всех четырех девушек. Но теперь, заперев дверь от землян, дяди, и любого, кто вздумал бы к ней войти, Джилин скинула обувь и рухнула на роскошную кровать.

В Управлении были тоже довольны. Приезжие были размещены точно там, где и было запланировано.

БУРЯ, как и все бури в Галактике, и даже как бури на Внешней Планете, наконец, улеглась.

— Вы останетесь со своим стариком, — сказал Фред Верне. — А я найду санитаров с носилками.

Он вернулся через десять минут с двумя мужчинами, рослыми, но выглядевшими на его фоне щуплыми подростками. Один из них посмотрел на Верну, закутанную в полотенце, с большим интересом, а не как на пациентку, которую нужно забрать.

— Верна Слент — Ред Конрад, — познакомил их Фред. — Держите.

Он бросил ей джинсы, рубашку и кроссовки. Затем все трое повернулись к Сэлу, который был в лихорадке и плохо соображал, что происходит, и стали заворачивать его в одеяла.

Когда они унесли Сэла наверх, Верна надела чужую одежду. Фред тут же вернулся. Он был один и небрежно махнул ей, когда она стала подниматься по лестнице.

— Еще увидимся, — сказал он, но ошибся.

«Крот» ждал наверху. Этим приземистые машины были разработаны специально для Внешней Планеты. Они были тяжелые, на гусеничном ходу, с двумя гигантскими лапами впереди, которыми могли закапываться в землю.

Прежде, чем войти в «крота», Верна мельком взглянула на поселок: два ряда приземистых бетонных зданий, ближайшее из которых было в трехстах метрах от проволочной ограды. Затем Ред, уже сидящий внутри рядом с Сэлом, нетерпеливо махнул ей, и Верна скользнула внутрь.

Сэл прислонился к стенке в углу, прикрыв глаза. Ему было не плохо, он просто устал.

В отличие от Фреда, Ред сразу же принял задавать вопросы.

— Давно здесь?

— Нет. Прилетели лишь месяц назад.

— Значит, до этого вы были на Гиперионе? ¹

— Да.

— Разве вы ни с кем не общались на Гиперионе? Я имею в виду, похоже, вам никто не рассказал, на что походит Внешняя Планета.

— Рассказывали, — вздохнула Верна, — но мы не поверили. Мы знали, что, когда приземлились, была буря. Но никакая буря на планете не страшна космическому кораблю. Так оно и было, не считая того, что мы сели в пяти милях от терминала и вынуждены были идти пешком.

— Идти пешком? О, чертова Христос!..

Верна решила проверить то, о чем знала лишь теоретически.

— Пожалуйста, не богохульствуйте, — попросила она. — Мне это не нравится.

— Конечно, Верна. Все, что скажете.

¹ Гиперион — спутник Сатурна, ближайший к планете, открытый в 1848 году (Прим. пер.)

— И я не позволяла вам звать меня Верной. Может, здесь и распространены подобные дружеские отношения, но я к ним не привыкла.

— Дружеские отношения? Черт, но я ведь не пытался вас поцеловать...

Сэл открыл глаза и, похоже, собирался что-то сказать. Но, испугавшись, что он ляпнет что-нибудь не то или даже заговорит на языке, который Ред никогда не слышал, Верна постаралась отвлечь внимание Реда, резко сказав:

— Вы же обещали мне не ругаться!

— Я? О, конечно, Верна. Вы такая милая...

— Я это знаю. Мне уже не раз говорили.

— Держу пари, что говорили. Вы будете жить со мной?

Не зная точно, что он имел в виду, Верна промолчала. К счастью, в эту минуту «крот» остановился. Дверца открылась.

Ред и еще появившийся мужчина унесли Сэла в больницу, вернее, в то, что они называли больницей — пять кроватей в простом помещении, где ходячничал еще один толстяк.

— У вас есть деньги? — спросил он Верну.

— Нет. Мы все потеряли, когда наш «крот»...

— Ладно, уладим это позже. Говорите, его зовут Сэл Слент? И он просто ранен? Никаких инфекционных заболеваний? Отлично!

На этом регистрация закончилась. Когда Верна вышла из здания вместе с Редом, оказалось, что кто-то уже увел «крота».

Воздух на улице потеплел, стало тихо. Казалось невероятным, что всего лишь полчаса назад здесь бушевала буря. Но этому неестественному затишью нельзя было доверять. В любую секунду без всякого предупреждения мог снова ударить ветер.

— Я спросил вас, не хотите ли вы пожить у меня? — сказал Ред.

Верна никого здесь не знала, кроме него, поэтому осторожно спросила:

— И что это должно означать?

— Вы здесь кого-нибудь знаете?

— Нет, никого.

— Тогда у тебя нет выбора, малышка. Учитывая, что денег у вас нет и пойти вам некуда, вряд ли вы найдете здесь что-либо лучше. У меня вам будет удобно. Я не стану приставать, пока вы сами не попросите. Я — бригадир строителей, получаю хо-

рошую зарплату и не имею никаких родственников. У меня две комнаты и ванная. И нет женщины с тех пор, как я бросил Роуз пять недель назад.

— Почему же вы ее бросили?

— У нее было слишком много других мужчин. Я вполне разумен в этом вопросе. Здесь примерно пятьсот мужиков и около двух сотен женщин. Я не ждал от нее верности, как от жены. Но не слишком ли много мужчин, да? Может быть, три-четыре. Не больше. Это же справедливо, верно?

— У меня никогда не было мужчины, и я не стремлюсь изменить эту ситуацию.

— Ага, понятно, — кивнул Ред. — Наверное, вы потеряли кого-то во время происшествия на Гиперионе.

Верна на секунду заколебалась, затем кивнула.

То, что они с Сэлом знали о жизни на Внешней Планете, было получено из радиосообщений, плюс письма, регистрационные журналы, отчеты и другие документы, найденные на взорвавшемся корабле. Из радиосообщений, которые велись между сорока поселками на планете, она узнала о катастрофе на Гиперионе.

Разразившийся там ураган убил девятьсот семьдесят четыре человека. Верна узнала из перехваченных радиосообщений, что нашли только девятьсот тел. Остальные были разорваны в клочья и разбросаны по округе, унесены в болота, убиты гномами или высосаны досуха хеммерами.

— Ну, смотрите сами, — сказал Ред и на секунду заколебался, потом все же продолжил. — Я даже могу жениться на вас, если хотите.

По его тону было ясно, что он считал, будто предлагает ей слишком много.

— Там, откуда я родом, — сказала Верна, готовая упомянуть о Земле, если он задаст такой вопрос, — у нас есть обычай, названный помолвкой. Если люди собираются жениться, то сначала они должны быть помолвлены.

Ред насмешливо рассмеялся.

— Это не для Внешней Планеты. И особенно не для Лагеря Номер Одиннадцать. Конечно, девушка всегда может отказать мужчине. Или может заявить: брак или ничего. Но быть по-

молвленными – это ведь означает, что вы должны жениться на мне через некоторое время, но не сейчас, да?

Верна кивнула.

– И это означает, что вы будете гулять со мной?

Она снова кивнула.

– И это означает, что вы считаете меня молокососом?

– Вы так думаете? Нет, это означает, что я должна научиться доверять вам.

– Это значит – копаться во внутренностях, – проворчал он.

– Почему? – пожала плечами Верна. – Ну, ладно. Мне нужна работа и место для ночлега. Куда мне пойти и с кем встретиться?

Ее вопрос рассмешил его еще больше.

– С кем встретиться? О, Христа ради, черт побери, что за необычный разговор!..

– Не ругайтесь.

Ред воздел глаза к небу и, наконец, произнес:

– Как я уже говорил, вы – милашка. Возможно, ты стоишь того, малышка, чтобы я мог подождать. Но еще один вопрос... Ты хочешь быть помолвлена только со мной, и больше ни с какими другими мужчинами?

– Естественно, – удивленно ответила Верна. – Это же ясно.

Помолвка с Редом показалась ей хорошей идеей, особенно когда она вспомнила циничную фразу кого-то из землян об этом: помолвка дает девушке время, чтобы осмотреться и понять, не может ли она найти себе более выгодную партию...

ХЬЮ И ПЭРИСС сидели в обсерватории в глубоких удобных креслах и наблюдали за звездами.

– Вы очень хорошая девушка, – сказал Хью.

Пэрисс уже не раз слышала это, но только не от землян.

– Спасибо.

– Любой землянин решит, что вы привлекательны, но я могу оценить вас лучше большинства других. Вы ясно относитесь к смешанной расе, как и я сам. Во мне половина белой, четверть полинезийской и еще четверть азиатской крови. Наши дети окончательно запутались бы в расовых вопросах.

Пэрисс слегка вздрогнула при упоминании о детях.

– Расскажите о себе, – продолжал он. – Мне интересно.

Она улыбнулась и встала.

— Давайте, Хью, заключим сделку. Я рассказываю что-то вам, а вы — мне. Правдивую и полезную информацию. И так до тех пор, пока один из нас не солжет.

— Прекрасная идея! Надеюсь, вы не решите, что это простая лесть.

— Мы, адамиты, боимся землян, — спокойно сказала Пэрисс.
— Мы хотели бы вообще не знать о вашем существовании. Но пятьдесят лет назад мы узнали, что вы существуете, и это полностью изменило весь наш образ жизни. Ну, а теперь ваша очередь.

— Мне кажется, — медленно произнес Хью, — мы бы тоже предпочли, чтобы вы не существовали. Когда одна человеческая многомиллиардная цивилизация сталкивается с другой, почти такой же большой и могущественной, это всегда шок — и неoso-бо приятный. У вас нет ничего, что было бы нужно нам, кроме ваших планет земного типа. Но чтобы их заполучить, мы должны бы начать с вами войну на истребление. А мы этого не хотим.

— Почему?

— Вы нарушаете собственное правило, — мягко сказал Хью. — Теперь ваша очередь что-нибудь рассказать мне.

— Хорошо. Мы более сплочены, чем вы. Так было не всегда. Примерно пятьсот лет назад мы вели между собой опустошающие войны, пока некоторые из нас не поняли, что мы встали вплотную перед перспективой полного вымирания. Именно поэтому наша численность до сих пор меньше, чем у вас. Но мы, по крайней мере, извлекли из этого урок. И больше у адамитов не будет гражданских войн, по крайней мере, еще пять столетий.

— Это больше, чем можем сказать про себя мы, — вздохнул Хью. — Фактически, вы указали на главную проблему, почему Эдем уже полстолетия сопротивляется любым контактам и торговле между нашими народами, и, вероятно, он прав. Для землян типично, что всегда найдется какой-нибудь идиот, который нажмет спусковой крючок. Но теперь мы подошли к вопросу, зачем вы появились здесь, Пэрисс?

— Мы же сказали вам. Чтобы учиться.

— Разумеется, но есть что-то еще. Должно быть. Возможно, вы хотите начать войну, потому что у вас есть что-то, чего нет у нас, и вы считаете, что можете победить. Наверное, бесполезно спрашивать, как вы сумели захватить станцию?

— Конечно. Но вот что я скажу вам, Хью — нет ничего еще действительно важного. Нет ничего, что обострило бы наши отношения. Нет ничего, что позволило бы нам разгромить Землю.

Хью, который до сих пор оставался в кресле, тоже встал и взял ее за руки. Она не сопротивлялась. Он был очень нежен.

— Спасибо, Пэрисс, — сказал он. — Вы сообщили мне кое-что важное, и я вам верю. Справедливости ради я тоже скажу вам кое-что важное. Я могу вернуть себе станцию в любое время, когда захочу, и настолько простыми средствами, что было бы даже смешно о них говорить. Но я пока что не стану этого делать. Видите ли, я хочу узнать, как вы сумели захватить ее, и, главное, зачем.

— Мы хотим получить информацию, и это все, — ответила Пэрисс, избегая встречаться с ним взглядом.

— Вы обманули меня, Пэрисс.

Она подняла глаза и спокойно посмотрела на него.

— Лишь чуть-чуть. То, что мы хотим помимо информации, не может считаться важным. И часть этого — достаточно маленькая часть... Могу я прямо попросить ее?

— Попробуйте. Попросите.

Она отняла у него свои руки.

— Не сейчас, Хью. Не все же сразу.

ВТОРОЙ сеанс связи должен быть более легким, более полным и более информативным, чем первый, но таковым он не стал.

ПЭРИСС (Станция 692): Хью Суянг хороший...

ТОМИ-УИЛ (Форт Платон): Пэрисс, предполагается, что ты должна работать, а не развлекаться.

ПЭРИСС: Я и работаю. Он хороший, но есть нечто более важное. Он скрытый телепат. Мы заподозрили это, когда разрабатывали план захвата станции, поэтому не стали его трогать. Но его скрытые способности, о которых он сам даже не подозревает, позволили ему предположить кое-что обо мне и обо всех нас.

ТОМИ: Тебе на месте виднее. Может быть, нужно просто убить его?

ПЭРИСС: Нет, нет, нет! Это было бы худшее из всего, что можно сделать (Что-то осталось на заднем плане).

ТОМИ: Можно сделать все, что необходимо.

ПЭРИСС: Что случилось в Форте Платон, что ты стала такой резкой, Томи?

ТОМИ: Наши первые шаги привели к моральной победе землян. Мы должны быть очень осторожными...

ДЖИЛИН-ДОН (Мюнхен): Конечно, мы должны быть осторожны. Но я не понимаю...

ВЕРНА-СЭЛ (Внешняя Планета): Нам становится все труднее понимать друг друга, в то время как накапливается различный опыт. Меня, например, один землянин попросту попросил выйти за него замуж.

ТОМИ (Шок, интерес): Соглашусь, что было бы...

ДЖИЛИН: ...интересно, если Верна выйдет замуж...

ПЭРИСС: ...за землянина, и мы получим новый опыт.

ВЕРНА: Совершенно ясно, что Пэрисс эмоционально подготовлена связаться с этим Хью Суянгом. У меня же другое дело. У меня нет никакой любви к Реду Конраду. Но если окажется необходимым выйти за него, я сделаю это ради проекта.

ТОМИ: Хорошо. Ты совершенно права, Верна. Пэрисс, Верна сказала все правильно?

ПЭРИСС: Я не думаю о Хью Суянге как о землянине, если ты это имеешь в виду. Я думаю о нем просто как о мужчине.

ТОМИ: Отлично. Но помни, что у тебя есть тайна, важная тайна. Ты сказала, что Суянг – скрытый телепат. Ты должна быть очень, очень осторожна.

ПЭРИСС (лишь захихикала).

V

ДОМИК Реда оказался удивительно милым. В нем оказались удобства, которых Верна вообще не ожидала. Внешне это была просто приземистая бетонная коробка с единственной дверью и двумя маленьенькими, не открывающимися окнами из толстого пластика. Внутри же было все, что нужно в доме, с полностью оборудованной ванной, с кухней, где все было на своих местах, гостиной и небольшой спальней.

– Она ваша, – сказал Ред, кивая на спальню, и нахмурился. – Верна, мне все еще кажется, что я молокосос.

– Почему?

— Потому что согласен идти у вас на поводу. Ну, а теперь мне нужно пойти и зарегистрировать вас. Что вы умеете делать?

Верна была к этому готова. На Внешней Планете неважно, откуда и почему вы прилетели сюда, но жизненно важно, что вы умеете делать.

— Довольно много чего. Я неплохой электрик, хорошо стреляю из любого оружия. Могу нянчить детей, хотя и не хотелось бы этим заниматься. За полчаса могу научиться работать на любой машине. Могу также считать в уме быстрее, чем большинство людей на калькуляторах. Я привыкла работать с химикатами. Могу нарисовать все, что хотите. Умею работать со стеклом...

— Милочка, — перебил ее Ред заметно изменившимся тоном, — мне нужно убедиться, что вы умеете делать то, что говорите. Вот. — Он потянул ей блокнот и перо. — Нарисуйте мой портрет.

— Что?

— Вы же сказали, что можете нарисовать все, что я захочу. Так нарисуйте меня.

Верна обнаружила, что пером можно проводить толстые и тонкие линии, темные и светлые. И она принялась быстро, со знанием дела, делать набросок.

Начав работать, она обнаружила, что у Реда интересное лицо. У него были глубоко посаженные глаза и твердый взгляд, который умел смягчаться. Возможно, он был сентиментален. Кроме того, у него были толстые, чувственные губы. Вероятно, он бы пришел в ярость, если бы она сказала, что они очень женственные. И на лице у него были морщины, которых вообще не должно быть в его возрасте — ведь ему не было еще и тридцати.

Она быстро сделала портрет, внимательно избегая штрихов, которые могли бы выдать неземную школу.

Однако, когда она протянула ему портрет, Ред был поражен, даже напуган.

— Боже милосерднейший! — выдохнул он. — Безусловно, вы умеете рисовать, милочка! Это я?

— Я старалась, как могла.

— Разумеется, я не эксперт. Но я бы сказал, что это не просто хорошо. Это великолепно. И мне хотелось бы знать, почему вы вообще прилетели на Внешнюю Планету, если умеете так рисовать?

— Не понимаю.

— Милочка, большинство из нас не представляет ничего особенного, иначе бы мы не прилетели сюда. Я не имею в виду тех, кто здесь родился. Я имею в виду тупых, темных парней, таких, как я сам. Здесь я важная шишка, но там, откуда я родом, я никогда не добился бы многого. Но вы... У вас же талант. Зачем вы прилетели сюда?

— Возможно, просто захотелось.

Ред не был удовлетворен ответом, но все же с готовностью сменил тему.

— Так или иначе, я должен сообщить о вас. Я не стану сообщать о вашем старике. Он сделает это сам, когда выздоровеет.

Верна кивнула.

— Тогда приготовьте пока какой-нибудь ужин. Я вернусь через полчаса. Если вы умеете чертить так же, как рисовать, то подумайте, не хотите ли работать чертежницей.

— Можно, наверное.

— Я думаю, для этого вы и приехали в Лагерь Номер Одиннадцать, да? Нам, конечно, нужны чертежники.

Он не стал ждать ответа, в то время, как Верна и не знала, что ответить.

Оставшись в доме одна, она быстро осмотрелась и прошла на кухню. А там стоял на полу в угрожающей позе гном. Он сразу ясно дал понять о своих намерениях, проговорив резким, скрипучим голосом:

— Яхчу убитья.

Верне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он сказал это не на своем собственном языке, а на искаженном земном: я хочу убить тебя...

КАК ГНОМ очутился здесь — ведь его не было, когда Ред показывал ей кухню, — было академическим вопросом, на который Верна не стала тратить время.

Без всяких сомнений, это был гном. На Внешней Планете водились лишь две местные подвижные формы жизни. Хеммеры были длинными, низкими, на шести коротких ногах. А это существо словно было сделано из двух камней, причем большой камень был наверху, а ниже маленький придаток смутно напоминал человеческое туловище и ноги. Гном был красновато-коричневый, под цвет почвы Внешней Планеты, и не но-

сил никакой одежды. Руки, хотя и были на нужных местах, но выглядели самой нечеловеческой деталью. Они были гибкими, бескостными, без кистей, и умели менять длину от полуметра до целых четырех, и выглядели тогда, словно щупальца.

К сожалению, войдя на кухню, Верна закрыла дверь. Чтобы открыть ее, ей нужно было бы повернуться и нажать ручку – секундное дело, но у нее не было этой секунды.

Верна теоретически знала о невероятной прочности шкуры гномов, позволяющей им выжить в суровом климате Внешней Планеты, в одиночку, без домов и убежищ, зарывшись в землю голыми руками, когда бури стегают по поверхности планеты. Так что она вряд ли могла бы что-нибудь сделать ей голыми руками и ногами в мягкой обувке.

Одно из щупалец метнулось к ней и слегка коснулось до джинсов посередине между талией и пахом. На конце щупальце было толщиной в человеческое запястье.

– Почему вы хотите убить меня? – спросила Верна, лишь бы только что-то сказать.

Любая задержка была ей полезна. На плите стоял тяжелый горшок, но гном был между нею и плитой.

– Яхчу убить тебя, – повторил гном, и Верна заподозрила, что он знает только эту фразу.

Она попыталась воспользоваться единственным оружием, которое у нее было – силой мысли. Но Сэл, очевидно, спал, а без него она не могла связаться с остальными. Одними же лишь своими силами Верна мало что могла сделать. У гнома было своего рода сознание, но такое же твердое, как и тело. Все, что она почувствовала в нем, так это жестокость и ненависть, – а нет лучшего щита от проникновения в мысли, чем ненависть.

Тогда Верна попыталась связаться с Редом и ей удалось установить с ним слабый контакт. Она мысленно услышала, как он думает: «И кто-то придет на могилку мою» – фраза, которая ничего не значила для нее.

К ней метнулась вторая рука гнома, обхватила ее за талию и развернула. Очевидно, гном хотел осмотреть ее спину. Спина оказалась неинтересной, и щупальце развернуло ее обратно, в то время, как Верна мысленно ухватилась за дверную ручку.

Щупальце стиснуло ее диафрагму, пока она не задохнулась. Гном вполне был способен с легкостью убить ее, но пока что

не делал этого, а лишь с любопытством изучал ее. Верна знала, что находится целиком в его власти. Он мог бы убить ее в любой момент, когда пожелает.

Щупальце снова ухватило ее. Существо хотело что-то проверить. Тазовые кости Верны были твердые, как и позвоночник. Талия мягкая, как и низ живота. Гном ощупал ее живот и бедра, затем перешел к солнечному сплетению и отметил, что Верна чувствует дискомфорт, когда по нему бьют. А вот удары по ребрам ее не беспокоили.

Верна снова мысленно позвала Реда, но ничего не произошло.

В сознании же гнома она уловила лишь то же самое, что и в первый раз – жестокость и ненависть. Возможно, именно жестокостью можно было объяснить происходящее. Гном хотел побольше узнать о своих врагах-людях, найти их слабые места, а также пытался испугать ее. Его самой большой победой стало бы, если бы он напугал ее до смерти. Верна понимала, что он может в любой момент нанести смертельный удар – и без сомнения, так и сделает.

– Я тебя не боюсь, – сказала она, опять-таки лишь для того, чтобы что-нибудь сказать.

– Яхчу убить тебя, – ответил гном.

Щупальце вновь поползло к ней, на этот раз медленнее. Верна сделала шаг в сторону, который отдалил ее от двери. Но она сделала это намеренно. Если помочь и прибудет, то именно через дверь. И Верна не хотела оказаться на линии выстрела в гнома.

Щупальце дотронулось до нее, очень мягко, словно к чему-то прислушалось. И Верна поняла намерения существа. Гном хотел определить, где расположено ее сердце.

Начал он с живота. Возможно, у гнома сердце было именно там. И Верна подумала, что в том маловероятном случае, если она выйдет живой из этой передряги, она станет носить обувь со стальными носками, и тогда в подобном случае станет пинать гномов в низ живота.

Найдя сердце, гном злобно ударил по нему вторым щупальцем.

Верна вскрикнула от боли и прижалась к стене, чтобы прийти в себя. Но боль тут же исчезла. Удар был не тяжелее, чем человек ударил бы кулаком, а поскольку гном был низенький, то удар направлялся снизу вверх, что ослабляло его силу.

Но Верна и не думала, что гном хотел нанести смертельный удар. Гном просто, в силу своей жестокости, хотел причинить ей боль, показать, что ее смерть не будет быстрой и легкой.

И все же впервые у Верны возникла надежда. Гном совершил ошибку. Он не исследовал ее горло, потому что его собственная голова сидела прямо на туловище, без всякой шеи. Если бы щупальце сжало ей горло, то задушило бы ее гораздо быстрее, чем что-либо другое – но это существо выбрало область сердца, которая у человека была хорошо защищена от простых ударов.

Если бы Ред вернулся, если бы гном отвлекся лишь на секунду-другую, то Верна напала бы на его сердце. И, хотя это было бы нелегко, она бы наверняка победила.

Нужно было стараться тянуть время.

И Верна с радостью обнаружила, что гном продолжил свою игру. Щупальце коснулось ее лица, затем рубашки. Очевидно, гном лишь сейчас понял, что одежда не является частью ее тела.

На конце щупальца появился коготь и разорвал рубашку. Несколько секунд гном раздумывал, холодно рассматривая ее красивыми глазками. Затем щупальце сорвало с ее тела лохмотья.

Гномы были не слишком умны. Новое открытие заняло его на какое-то время. Он убрал щупальца и две минуты стоял неподвижно, очевидно, раздумывая, целиком ли розовое это высокое, худое существо, стоящее перед ним, или же нет. Затем он попытался порвать ее джинсы, но они сидели на Верне в обтяжку, и гном никак не мог за них уцепиться.

Тогда он жестко ударил ее кулаком в солнечное сплетение. На этот раз Верне было гораздо больнее, но она попыталась не показать этого.

Внезапно гном сдвинулся с места. И в ту же секунду Верна услышала стук входной двери. Вернулся Ред.

– Яще врнусь зтбой, – сказал гном, повернулся и открыл дверь шкафа.

В полу шкафа была дыра размером меньше половины диаметра гнома. Но гном вставил в нее голову, и Верна поняла, что все его тело такое же гибкое и без костей, как и щупальца.

Гном ушел, не попытавшись убить Верну, хотя ему бы хватило времени нанести ей удар в сердце и скрыться в дыре, прежде чем появился бы Ред.

Верна отчетливо чувствовала ненависть гнома, жестокость, бесстрашие и желание убить ее. И его слова эхом отозвались в ее голове: «Я еще вернусь за тобой».

На кухню ворвался Ред с криком: «Гномы!»

– Не гномы. Всего один гном, – сказала ему Верна.

– Где?

– Ушел вон туда, – она кивнула на дыру в шкафу.

Ред выругался. Его гнев был направлен на строителей, построивших этот дом.

– Будь они прокляты! Черти бы их побрали! Ну, я доберусь до них! Непрочно строить на Земле всего лишь нечестно. Здесь же это убийство! Фундамент должен быть из шестидюймового железобетона. Тогда гномы и хеммеры не смогут пробиться через него. – Он нагнулся и изучил пол в шкафу. – Так и есть – раковина! Будь они прокляты! Надеюсь, гномы поймают бригадира этих строителей.

Все еще ругаясь, Ред повернулся к Верне, и глаза его округлились. До сих пор он думал только о гномах и не замечал, что она обнажена выше талии.

Он тут же отвернулся.

– Что с вами, черт побери? Гном же не успел добраться до вас, да? Он же только высунулся из дыры, когда я вернулся?

– Он уже был здесь, когда вы уходили.

Ред напрягся.

– Но это невозможно. Я хочу сказать... – Он снова взглянул на нее и заметил красные отметки на ее теле, затем перевел взгляд на обрывки рубашки, валявшейся на полу, где их бросил гном. – Он был здесь с вами все это время? – недоверчиво спросил Ред.

– И вы еще живы?

Верна пошла к раковине и тщательно промыла те места, где ее касались щупальца гнома, так как уже знала, что простая холодная вода отлично защищает от раздражителей Внешней Планеты. Закончив, она подробно рассказала Реду, что произошло.

Он не проронил ни слова, недоверчиво глядя на нее и временами покачивая головой.

– Вы мне не верите? – резко спросила Верна. – Вы думаете, что я лгу?

– О, нет, конечно, я вам верю. Я все еще чувствую запах гнома, я видел на вас следы его щупалец. – Внезапно, в его голосе

прорезалась злость. — Ради Бога, вы собираетесь одеться? Что же вы делаете со мной?

— Но мне не во что переодеться. У меня ничего больше нет.

Ред выскочил из комнаты, вернулся с рубашкой и бросил ее Верне. Она надела ее, чувствуя, что Ред устыдился своей вспышки. И он опять стал глядеть на нее со страхом и удивлением.

— Наверное, я заговоренная, — сказала Верна. — Я была уверена, что гном не оставит меня в живых. Но он все же оставил. Такого что, никогда не случалось?

— Я слышал о таком, — медленно проговорил Ред. — Конечно, такое случалось. Но я никогда не слышал, чтобы такое случилось с девушкой. Гномы жестоки. Жестокость у них в крови. Они жестоки, как жестока сама планета. Садисты-люди получают удовольствие от того, что причиняют другим боль. Но мы думаем, что гномы продвинулись в этом гораздо дальше. Им нравится боль, но еще им нравится страх. Особенно страх смерти.

— Так я и думала, — кивнула Верна.

— Когда они ловят свою жертву, — продолжал Ред, — и если у них есть время, какое было у вашего гнома, они стараются ввергнуть жертву в страх, внушить ей ужас. Если их добыча беззащитна и понимает, что умрет, то гномы питаются ее страхом. А когда они полностью удовлетворятся, то жертва умирает. Тем не менее, иногда, если человек не боится, если ему или ей чувство собственного достоинства не дает унижаться и вонять от ужаса, то гномам это неинтересно. Они не подготовили жертву к смерти, понимаете? Значит, время ее еще не настало. Гному нет никакого интереса убивать человека, который не боится. — Ред глубоко вздохнул. — Иногда, когда это происходит, человек остается в живых. Должно быть, вы самая храбрая девушка, которую я когда-либо встречал.

— Я храбрая? — рассмеялась Верна. — Я просто не хотела умирать и пыталась придумать, как выжить. Это не храбрость.

— Возможно, возможно. Но, думаю, вы одурачили гнома.

ЖИЗНЬ в Форте Платон продолжалась в атмосфере невероятного спокойствия.

Адамиты вообще почти не вмешивались в обычное управление станцией. Они приняли всевозможные меры предосторожности, чтобы гарантировать, что никто не сможет послать Земле

или флоту призыв о помощи. Они не допускали землян на мостик, в машинный зал, в лаборатории (кроме как под строжайшим присмотром) и к компьютерам. Кроме того, поскольку они уже однажды попытались вмешаться в рутинную жизнь станции и пожалели об этом, они вели себя почти что как гости.

Семь адамитов отлично говорили по-английски. Остальные же четыреста старались изучить этот язык на ежедневных занятиях.

Уил Слент проводил почти все время с книгами, отчетами и микрофильмами. Он был настоящим книжным червем и упорно трудился. Он для того и проник в Форт Платон, чтобы узнать все, что можно, о землянах, и посвящал этой задаче по шестнадцать часов в день.

Томи все надоело, и она не делала попыток скрывать это. Почти все земляне, и молодые, и старые, упорно бойкотировали ее и не хотели даже поздороваться. Они знали о той роли, какую она сыграла при захвате Форта Платон, и Томи стала для них символом захватчиков. Она была адамитом, она была причиной их поражения, она была оккупантом.

По этой причине она часто виделась с Джоном Стюартом. Он ей не нравился и не притворялся, будто она нравится ему. Но все же он свободно беседовал с ней.

Томи не знала, почему, но это ее не волновало. Она не видела никакой опасности в ее искренних разговорах со Стюартом.

И ошибалась.

КОГДА доктор Роджер Миллер в третий раз прочитал все отчеты, он был готов к встрече с так называемыми маринианцами, Доном и Джилин Слентами.

Были опрошены все в Управлении по Кадрам, кто хотя бы мельком виделся с гостями. Но ни у кого из них не возникло ни малейшего подозрения, что они адамиты.

Однако всплыли отдельные мелкие факты.

Они оба слишком правильно говорили по-английски. Их речь не была неизменно педантична, а акцент не всегда присутствовал, к тому же они пользовались иногда словечками из различных сленгов. Складывалось впечатление, будто кто-то, не обязательно они сами, тщательно исследовал язык из множества

различных источников, а затем преподал им выжимку, смешав все источники в кучу.

Они тесно общались друг с другом, что не выходило за рамки отношений отца с дочерью, но все же эти отношения были несколько исключительными, чуть-чуть не такими, какими следует ожидать от отношения молодого отца с провинциальной планеты и красивой девушки.

Медицинский осмотр показал, что девушке удалили аппендиц хирургическим путем, но это не было неопровергимым доказательством того, что она адамитка. Вполне возможно, такие операции все еще проводились на Марибисе. И вообще, медицинское заключение было, скорее против того, что они адамиты, так как в них определенно прослеживалась родословная землян.

И это было особенно странным.

Проверка не подтвердила и не смогла отрицать, что Сленты прибыли на корабле «Норд» из Хайлона, как они утверждали. Их имена стояли в списке пассажиров, но их самих никто не помнил. Но это тоже не было твердо установлено, потому что корабль был как раз в космосе вне зоны доступа. Несколько членов экипажа, уволившихся с корабля и, следовательно, оказавшихся доступными для опроса, не имели никакого отношения к пассажирам, так что они и не должны были их помнить, если их поведение на корабле не выходило за рамки.

Один из оставшихся, казначей, повел себя на допросе весьма странно, начав задавать встречные вопросы. Нет, он не помнит их, но что за дела? Почему эти два пассажира так важны? Он проработал двадцать девять лет на космических линиях, и его еще ни разу не допрашивали. Они что, думают, что он получил взятку? Он настоял на проверке на детекторе лжи (которая ничего не выявила кроме того, что казначей считал все сказанное им правдой). Да, он хотел продолжать летать на «Норде». Но какая-то болезнь, начавшаяся в ночь перед отлетом, вынудила его остаться. Болезнь оказалась аллергией.

Миллер ударил по клавише интеркома, будто пытался его убить.

– Передайте мисс Хеилброн, что я хочу увидеться с ней, – рявкнул он. – Нет! Спросите мисс Хеилброн, могу ли я с ней увидеться. Спросите, было бы удобно, если бы я встретился с ней по вопросу чрезвычайной важности?

Ответ пришел через сорок пять секунд. Мисс Хеилброн сочла бы за честь принять его. Миллер заподозрил в ответе сарказм, но не мог пожаловаться на подобный фразеологический оборот.

Он не стал тратить время даром.

— Мисс Хеилброн, даже если наши гости и не адамиты, то они все равно достойны внимания и изучения. У меня два предложения. Но сначала скажите, вы видели медицинское заключение?

— Да, видела.

— Медицинское заключение... Ну, мне трудно это объяснить...

— Можете сказать, — мягко предложила она, — что подписавшие его врачи — идиоты и все превратно поняли.

— Естественно, я не отбрасываю такую возможность.

— Естественно, — тут же согласилась мисс Хеилброн.

— Вы должны отменить свое распоряжение. Вероятно, мне придется встретиться с ними самому. По крайней мере, я должен быть свободен сделать то, что считаю необходимым.

— Пожалуйста.

Миллер уставился на нее.

— Пожалуйста?

— Я просто хотела высказать свое мнение, доктор Миллер. Можно считать, что я его высказала, не так ли?

— Какое ребячество!

— Вероятно. А может, мне нравится чувствовать себя ребенком, доктор Миллер?

— Я стараюсь не выходить из себя. Пожалуйста, не провоцируйте меня.

— Мне кажется, вы ошибаетесь. Я вообще не люблю никого провоцировать.

— Понятно, — безжалостно сказал он и был удовлетворен слабым румянцем, выступившим на ее щеках. — Вы согласны, что все случаи телепатии нужно изучать?

— Я думала, это гипноз...

— Чтобы загипнотизировать человека, нужно быть рядом с ним или, по крайней мере, быть с ним на связи. Мне кажется, что в сложившейся ситуации, единственным средством сообщения остается телепатия.

— Вы хотите сказать, что они связывались с людьми, находившимися на борту космического корабля?

— Великолепно, мисс Хейлброн. Позвольте мне поздравить вас с безошибочным обнаружением очевидных вещей.

Она молча глядела на него с перекошенным лицом, и ее выражение сказали ему больше, чем любые слова.

— Прошу прощения, — сказал он. — Ладно, я отлично знаю, что меня трудно переносить. Наверное, я самый труднопереносимый человек в мире.

— Я уверена, доктор Миллер, что вы преувеличиваете, — сказала мисс Хейлброн. — Кроме того, — любезно добавила она, — существует много других миров.

Ему пришлось это проглотить.

— Мои телепатические таланты равны нулю, — сказал он. — Но я намерен завербовать человека, называющего себя Великим Николасом.

На этот раз мисс Хейлброн была удивлена по-настоящему.

— Я понимаю, что это вы не откажетесь от своей идеи. Но не кажется ли вам, что он просто шарлатан?

— Может быть, — хмуро ответил Миллер. — Но я надеюсь, что это не так. Я искренне надеюсь, что это не так.

КРАЗДРАЖЕНИЮ доктора Миллера, Великого Николаса нашли в Лондоне, хотя еще на прошлой неделе он был в Штутгарде. Так что Миллеру пришлось полететь в Лондон.

Используя громадную власть Управления по Кадрам при ООН, он раскопал, что Великого Николаса звали на самом деле Ником Грумейером, и он оказался бывшим аферистом.

Миллер сидел в лондонском ночном клубе, когда были притушены огни, и загремели фанфары, провозглашая начало Великого Представления.

В центре внимания появились три блондинки с безупречными фигурами, одна в зеленом, другая в красном и третья в синем. Их тщательно продуманные костюмы состояли из шелка, шнурков, оборок и меха, и почти ничего не скрывали. Девушки повернулись друг к другу, поднимая украшенные блестками руки, и образовали треугольник. Они опустились на одно колено, и в треугольнике медленно возник Великий Николас в белом вечернем наряде.

Представление, помимо телепатии, состояло из фокусов. Николас щелкнул пальцами, и цвета платьев девушек изменились.

Та, что была в красном, оказалась в синем, что в зеленом – стала в красном и так далее. Николас еще раз щелкнул пальцами, и каждая девушка превратилась в две, затем в три, в четыре. Они словно бы возникали друг из друга.

Представление быстро надоело Миллеру. Он прилетел в Лондон не ради него. Он понятия не имел, как это делалось, и это его не интересовало. Он только был уверен, что волшебство здесь ни при чем.

Девушки сбросили свои огромные юбки и оказались в серебристых трико. Они пошли в публику, и прожектора осветили их, когда они склонились над вызывающе толстыми мужчинами.

– Бумажник из змеиной кожи, расческа, водительские права на имя Эндрю Фламберта, – перечислял Николас по мере того, как девушки доставали эти предметы из карманов толстяков. – Пять ключей, перочинный нож, маникюрные ножницы… записная книжка, носовой платок, лак для ногтей, карандаш для глаз, пилка для ногтей, губная помада…

Это производило эффект, потому что делалось в очень быстром темпе, всегда верно, а девушки переходили от одного человека к другому, исследуя массу карманов и сумочек. Было ясно, что в зале не может сидеть столько подставных лиц.

Вы Ник Грумейер, и я прилетел сюда за вами, напрягаясь изо всех сил, подумал Миллер. Не знаю, как это у вас получается, но если это не телепатия, то вы мне заплатите кровью, Ник Грумейер.

Одна из серебристых девушек внезапно сделала странный жест и подошла к нему. Круг света от прожектора не последовал за ней. Никто, кроме Миллера, не видел ее. Одиннадцать остальных девушек и Николас продолжали работать. Николас теперь рассказывал залу о шрамах и родинках у выбранных девушками зрителей.

– Пожалуйста, идемте со мной, сэр, – прошептала на ухо Миллеру серебряная девушка.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем.

Девушка открыла боковую дверь и привела его по пустому коридору в гримерную. Там она резко повернулась к нему.

– Кто вы такой?

Она была старше, чем ему казалось в зале, хотя и не менее привлекательна. Возможно, ей было лет шестьдесят, его ровесница.

Миллер предположил, что она главная у девушек, а возможно, даже босс Николаса.

— Вы угрожали Нику, — заявила она.

Значит, его уловка достигла цели.

— Это была проверка, — сказал он. — Я — доктор Роджер Миллер из ООН. Мне нужно проконсультироваться с Великим Николасом.

— Зачем же вы угрожали ему?

— Чтобы узнать, почувствует ли он угрозу.

— Ну, так он почувствовал, — мрачно ответила она. — Никогда не играйте с телепатией. Это может быть ужасно.

— Ужасно? Вы имеете в виду, опасно?

— Также и опасно. Но ужасно по-другому. Он может вывернуть вас наизнанку.

— Значит, вы тоже телепат? — спросил Миллер. — И Ник вам не нравится?

— Я ненавижу его.

— Но все же живете вместе, — заинтересовался Миллер.

— Никто может прожить и без меня. Но тогда он станет использовать кого-то другого.

— Вы его жена?

— Бывшая. Дорис Грумейер.

— Я и не знал, что у него была жена.

— Считается, что мы просто живем вместе. Профессионально это бывает удобно. Но теперь, пожалуйста, помолчите. Вы хотели увидеть Ника. Он готовится для встречи с вами.

Миллер сел и стал ждать. Он был доволен, что принял правильное решение проконсультироваться с Великим Николасом.

ВФОРТЕ Платон состоялась секретная встреча. Генерал Моррисон ничего не знал о ней. Джон Стюарт ничего не знал о ней. Вряд ли кто-либо из облеченных властью землян знал о ней — и уж точно никто из адамитов.

О ней знал бывший контролер Алан Стюарт, и очень хотел бы ничего не знать.

После суда его положение в Форте Платон было плачевным. Если бы его казнили, он сделался бы мучеником и со временем превратился бы в национального героя. Однако, когда его освободили, началась обратная реакция, и теперь большинство

землян в Форте считало его преступником, просто адамиты не сумели доказать его преступление. Или не очень-то старались.

Алан узнал о встрече, но был на нее не приглашен. Более того, его мрачно предупредили, чтобы он сидел тихо и не высывался, и ему почти что удалось забыть о том, что он знает.

Мужчинам и женщинам, которые знали каждый дюйм станции, было не трудно найти место для тайной встречи. Хотя повсюду были установлены сканнеры, а в наблюдательном посту дежурили адамиты, люди, которым было точно известно, где находятся сканнеры, могли обмануть их.

Это была сходка революционеров. И результаты ее должны оказаться жестокими и кровавыми.

Томи, которая в это время читала у себя в комнату книгу, вдруг ощутила волнение и сообщила об этом отцу. Он велел ей идти на наблюдательный пост и проверить, не может ли она что-нибудь обнаружить оттуда.

На наблюдательном посту, с помощью двух дежурных техников-адамитов, Томи произвела беглую проверку. Она заглянула к Моррисону, Стюарту и многим другим важным людям в Форте Платон, и не увидела ничего, что объяснило бы внезапно возникшее у нее чувство опасности. Тогда она отправилась на поиски Джона Стюарта и нашла его в главной библиотеке.

Казалось, он более заинтересовался ее ощущениями, чем причинами, которые вызвали их.

– Что, вы сказали, это было за чувство? – спросил он.
– Интуиция?

– Я никогда не игнорирую интуицию, – ответила Томи. – А вы?

– Томи, по вам видно, что это не просто интуиция. Расскажите же мне все.

У нее не было намерений объяснять, что Форт Платон был захвачен, главным образом, потому, что она с Уилом Слентом, еще будучи на расстоянии нескольких миллионов миль от Форта, вторглась в несколько восприимчивых умов и заставила людей, машинально выполняющих рутинную работу, совершенно о ней не думая, нажать несколько выключателей, отключив тем самым сканирование пространства вокруг Форта и тревожную сигнализацию.

– Я просто знаю, что что-то произойдет, – сказала Томи.

— Знаете?

Не нужно так конкретно, подумала она. Полегче.

— Ну. Скажем, чувствую... Ладно, забудьте об этом. Что вы читаете?

Стюарт показал ей книгу. Это был «Миф об Эдеме» доктора Роджера Миллера.

— Миф? — спросила Томи. — Разве Эдема не существует?

— Здесь имеется в виду не то, о чем подумали вы, — улыбнулся Стюарт. — Миллер исследует источники земных легенд об Эдеме и происхождение самого этого слова. Слово «Эдем» на иврите означает «наслаждение». В греческой версии Ветхого Завета используется персидское слово Парадиз. Шумеры, также, называли вавилонские равнины «Эдин». Миллер пытается доказать, что адамиты никогда не называли себя адамитами, а свой мир — Эдемом, пока не узнали из земных легенд, что род человеческий возник в месте, называемом Садами Эдема, а первым человеком был Адам.

— Ну, хорошо, он доказал это, и что?

— Как вы относитесь к Земле?

— Я никак не отношусь к Земле. Давайте вернемся к книге. Кто такой вообще этот Миллер?

— Он работает в штабе ООН в Мюнхене.

— В Мюнхене? — Томи внезапно стала задумчивой. — Может быть, в Манчине?

— Это одно и то же.

Она отвернулась. Чувство тревоги внезапно прошло. Ей все еще не нравился Стюарт. Но Томи не чувствовала к нему неприязни. Это была просто жалость. Все указывало на то, что она по-прежнему будет одинокой и скучающей. Она с нетерпением ждала теплой, полноценной связи со своими сестрами, которая должна быть через несколько часов.

Но эта связь не была установлена.

Сэл Слент лежал без сознания на Внешней Планете. Когда через несколько дней его ноге не стало лучше, было сказано, что нужна операция. Это все, что Томи смогла уловить.

В Мюнхене Джилин и Дон были вместе, но Джилин, как и Томи, всегда была необщительна, поэтому скоро закончила связь. И Томи не успела спросить ее, знает ли она что-нибудь о докторе Роджере Миллере.

Пэрисс на Станции 692 коротко сообщила, что кругом полно землян со скрытым телепатическим даром, так что сеансы связи придется временно прекратить.

У Томи сложилось впечатление, что если бы отец не спешил так вернуться к работе своими книгами, которая занимала его целиком, то она смогли бы установить более тесный контакт, по крайней мере, с Джилин.

VI

ПАРТИЗАНЫ напали ночью.

Адамиты стали небрежными. Прошло семь дней, в течение которых земляне усердно показывали, что приняли свое поражение разумно, если не с энтузиазмом.

Если бы земляне с самого начала сопротивлялись адамитам, то те были бы настороже. Но почти все мужчины, женщины и дети на станции вели себя с адамитами, словно студенты с новыми преподавателями, и адамитам даже не пришло в голову подумать, с чего бы это.

Партизаны, как они себя назвали, за редким исключением действовали поодиночке. Адамитам, дежурившим на наблюдательном посту – двум мужчинам и женщине – принесли отравленный кофе. Семь дней назад эти адамиты не приняли бы ничего из рук землян. Но с тех пор их подозрительность рассеялась, они выпили кофе и умерли.

Некоторые адамиты были убиты во сне. Жертвы не обязательно относились к командному составу, просто убиты были те, кого могли убить, не подняв тревоги. Двое солдат, которые вопреки приказу спали с землянками, были легкими жертвами. Томи и Уил Смит остались в живых, потому что их хорошо охраняли. С другой стороны, Эрол оказался в числе первых жертв.

Трое землян – все три девушки, понимали, что жертвуют своими жизнями. Одна девушка, которая отравила дежурных адамитов кофе, и две, убивших своих любовников. Остальные действовали тайком и старались убивать адамитов, у которых не было с ними контактов. Многие партизаны убили по нескольку адамитов.

Когда четыреста военных пытается управлять пятитысячным коллективом, вдобавок с претензией на спокойную, мирную оккупацию, если не дружбу, то один тщательно спланированный маневр может оказаться кроваво успешным.

Партизаны убили двести одного адамита без всяких потерь со своей стороны.

Адамиты, которых они не смогли убить, на следующее утро восстановили свой контроль над Фортом Платон.

УИЛ СЛЕНТ, которого грубо вернули к действительности, оторвав от захватывающих исследований, чувствовал себя не в своей тарелке.

Вся пять тысяч землян были взяты на прицел и заперты либо в залах и на складах, либо в собственных каютах.

Томи усадили за работу по составлению списка погибших и раненых. Пока она выполняла эту работу, ей четыре раза становилось плохо, и, наконец, ее стало долго и мучительно рвать.

Люди рядом с Томи, профессиональные солдаты, были спокойны и деловиты. Солдат адамитов не обучали обходиться без эмоций – их обучали направлять свои эмоции на пользу делу.

– Нужно отдать землянам должное, – заметил сержант. – Прекрасная работа.

Томи непонимающе уставилась на него.

Сержант чувствовал, что обязан постараться объяснить свои слова.

– Ну, они не могли освободить от нас Форт, и прекрасно это понимали. Если бы они набросились на наших людей, исполнявших свои служебные обязанности, то были бы уничтожены в пять минут. Но вместо этого они напали на нас исподтишка и убили, сколько смогли. Это была настоящая ночь смерти. Прекрасная работа.

Томи все равно не могла его понять, но его бы прекрасно понял любой партизан любой страны во все времена.

Уил Слент относился к этому по-другому. Потерять двести человек в сражении при захвате Форта Платон было бы нормально. Взять его вообще без потерь было замечательным достижением. Но взять его без потерь, а затем позволить врагу уничтожить половину вооруженных сил – это серьезная ошибка.

— Если бы у меня был компетентный заместитель, — признался он Томи, — то я был бы обязан передать командование ему. Но Эрол мертв, и у нас нет другого компетентного офицера, который, к тому же владеет языком землян... Ты, кстати, не хочешь принять командование на себя?

— Это должен быть военный, — отказалась Томи. — Так что придется остаться командующим вам.

— Моя тактика была страшной ошибкой. Но кто же мог предположить, — оправдываясь, продолжал Уил, — что группа разумных людей может пойти на такое, оставаясь полностью в нашей власти? Теперь мне нужно сделать так, чтобы полностью исключить любую такую возможность. Мы можем заменить двести погибших командами кораблей. Они прилетят сюда через двенадцать часов. Земляне заранее знали, что не смогут нас победить. Что же они тогда надеялись получить?

— Может быть, чувство собственного достоинства? — сказала Томи. — Может, это был просто плевок нам в лицо.

— Да, я сталкивался с таким отношением в книгах. Разумеется, мы должны принять и обычные меры. Три за одного. Мы должны казнить шестьсот землян.

Томи кивнула, но так неохотно, что Уил заметил это.

— Ты не согласна? Ты думаешь, это слишком круто?

— Мне кажется, не имеет значения, круто это или нет. Главное, мудро ли это? Я хочу, чтобы вы вызвали сюда Стюарта и сообщили ему о своем решении.

— Если я сделаю это, то уже не смогу пойти на попятную. Для меня неприемлемо объявить о своем решении и потом не выполнить его.

— Тогда не говорите ему, что это решение. Скажите, что раздумываете над этим и поглядите, что произойдет.

— Ладно. Но почему Стюарт? Это должен быть генерал Моррисон.

— Вы хотите проделать это официально? Ну, тогда вызывайте генерала Моррисона.

— Понятно. Да, Томи, твоя идея заслуживает внимания.

Когда Уил сказал Стюарту, что он предлагает казнить шестьсот землян, тот ответил:

— Это будет началом войны.

— Что вы имеете в виду?

Стюарт молча пожал плечами.

– Вы считаете, что если мы сделаем это, Земля начнет войну?
– спросил Уил.

– А разве не так?

– Но это же будет просто во имя справедливости. Земляне предательски напали на нас под покровом ночи и....

Стюарт невесело рассмеялся.

– Вы первые напали на нас, захватили Форт и теперь заявляете, что не ждали ответных действий?

– А вы убили двести наших людей и не ждете ответных действий?

Стюарт развернул мягкую конфетку и бросил ее в рот.

– Слент, попытайтесь представить себе, что положение изменилось с точностью до наоборот. Что предприняли бы адамиты?

– Стали бы думать, как вас победить. Но офицеры адамиты никогда не подписались бы на подобную бессмысленную бойню.

– Наши офицеры – тоже.

– Я вас не понимаю.

– Вы захватили Форт. Вы свергли нашу власть и нарушили нашу связь с Землей. Генерал Моррисон с тех пор не отдал землянам ни единого приказа. Так что не имеет смысла говорить о том, что «мы» сделали. Я ничего не знаю об этом. И генерал Моррисон ничего об этом не знал.

– Стало быть, вы голосовали бы против резни, если бы состоялось такое голосование?

– Разумеется.

– На каких основаниях?

– На основаниях этики, целесообразности, законности и труслисти, не считая всех прочих.

– Трусости? Вы что, боитесь?

– Не я лично. Но мысли о галактической войне, которая начнется, если вы выполните свои замыслы, способна напугать многих.

– Стюарт, у нас убиты двести человек. По нашим законам, мы должны, просто обязаны казнить шестьсот три ваших.

– Почему шестьсот три?

– Три убийцы, которых мы сумели установить, остальные же будут выбраны случайным образом.

– И это – правосудие адамитов?

Уил вспыхнул от внезапного скептицизма, прозвучавшего в голосе Стюарта. Но тут же он вспомнил, что Стюарт прекрасно владел своим голосом ради достижения своих целей.

— Это целесообразность адамитов, — пояснил Уил. — Такому нельзя позволить повториться.

— Я предлагаю вам просто все забыть.

На этот раз Стюарт явно сморозил глупость.

— Это совершенно невозможно.

— Согласен. Тогда просто забудьте об отношении «три за одного». Земляне в древности исповедовали принцип, око за око и зуб за зуб. В глубине души, все мы согласны с этим.

— Вы имеете в виду, что мы должны казнить только двести одного землянина?

— Я не имею в виду ничего подобного. Я лишь сказал, что вы должны забыть принцип «трое за одного», вот и все.

— Я вас понял, — кивнул Уил.

Больше обсуждать было нечего.

ВЕЛИКИЙ НИКОЛАС оказался невысоким, лысоватым человеком с дефектами речи, от которых не оставалось ни следа, когда он выступал на сцене.

Дорис оставалась в комнате, пока они с Миллером беседовали. Она ничего не говорила, но все время держала Миллера в поле зрения.

Поведение Грумейера было более дружелюбным, чем у его жены. И Миллер стал понимать, почему он был успешным мошенником.

— Все это очень интересно, — сказал Грумейер, — но у вас что, ничего больше нет, кроме предположений? Мужчина и женщина, о которых вы рассказали, могут быть адамитами — и к тому же телепатами?

Миллер кивнул.

— У вас, как у телепата, — немножко резко сказал он, — не должно быть затруднений в проверке последней возможности.

— Может быть, — согласился Грумейер. — Но мне показалось, вы не хотите, чтобы эта парочка что-нибудь заподозрила.

— Вы правильно предположили.

— Значит, все гораздо труднее.

— Вы телепат? — прямо спросил его Миллер.

— Мне кажется, это вполне доказано, — усмехнулся Грумейер.

— Мне просто непонятно одно. Ученые и психологи по-прежнему мало что знают о телепатии. У вас же телепатический дар. Есть и другие, подобные вам. Почему тогда ученые не могут ничего обнаружить? Почему они не изучают вас?

— Пытались. Вот только ученые вечно хотят проводить исследования своими способами. Они придумывают тесты, проводят эксперименты, и заранее уверены, что это хорошие тесты лишь потому, что придумали их они. Это походит на утверждение, что лучший теннисист тот, который загонит больше мячей в отверстие в стене. Что-то это доказывает, вот только что? Конечно же, не способность побеждать в соревнованиях.

— Я понял, что вы хотите сказать. Я слышал, что когда-то вы были хорошим мошенником.

— Ах, это!.. Я все могу объяснить. У меня было трудное детство, доктор. Меня неправильно понимали. И я не знал, чем отличаюсь от других детей. Внезапно, когда мне исполнилось пятнадцать лет, все изменилось. Я обнаружил, что легко могу заставить людей дать мне что угодно. Я научился их успокаивать или раздражать. И когда я их успокаивал, они хотели мне что-то дать взамен. И девушки тоже. — Его взгляд метнулся к Дорис, которая не шелохнулась. — Моя жена знает это. Даже теперь женщины липнут ко мне. Я низенький, уродливый, но женщины липнут ко мне не ради любви, а ради того другого, что я им даю. Именно так я и стал тем, кого вы называете мошенником. Это не мой выбор. Этого хотели сами жертвы. Пока я не придумал ничего другого, чем мог бы успешно заниматься. Так было до тех пор, как я встретил Дорис... — Он сделал паузу и продолжил более оживленно. — Есть в телепатии кое-что, что ученые не могут обнаружить, и поэтому не верят, что это — совместный талант. Поскольку для телепатии требуется разум, который читает мысли, и разум, мысли которого читают, то два человека могут образовать пару гораздо более эффективную, чем оба они порознь. В этом союзе они исполняют разные функции. Это все равно как рычаг и точка опоры. И хотя два человека, образующие такую команду, не обязаны быть мужем и женой, для них действительно важно различие полов. Я могу объединяться с разными женщинами, но никогда — с мужчиной.

– Вы хотите сказать, что во время выступлений объединяетесь со всеми девушками?

– Трудно сказать, да или нет. Для этого нет слов, а ученые отказываются в это поверить. Я могу легко и просто объединяться с Дорис. И я... ну, объединяюсь и с другими девушками.

– Вернемся к мужчине и девушке, которые называют себя марибисанцами...

– Да, интересно, что это именно мужчина и девушка, и что они называют себя отцом и дочерью?

– Они подходят под ваши условия?

– Вполне. Они могут называть себя отцом и дочерью, мужем и женой или братом и сестрой, потому что телепатический союз требует близости.

Миллер заинтересованно подался вперед.

– Это не работает на расстоянии?

– Я имею в виду не совсем то. Партнеры должны быть близкими, предпочтительно в пределах видимости друг друга. Бесполезно же иметь точку опоры здесь, а рычаг где-то в другом месте.

– Понятно. Так что же с моим делом? Можно ведь предположить, что телепаты почувствуют других телепатов?

– Да.

– А могут ли мужчина и девушка в Мюнхене не просто понять, что вы телепат, а прочитать ваши мысли?

– Нет.

– Вы что-то очень уверены.

Грумейер открыл ящик стола и достал какой-то прибор, больше всего напоминающий примитивную схему для приема радиосигналов.

– Много открытый делаются совершенно случайно, – сказал он. – Я не знаю, как именно он работает или почему. Я только знаю, что он делает. Когда-то в прошлом мы испытали вторжение. Телепатическое вторжение. В наше сознание вторглись мысли извне. Вероятно, моя телепатическая деятельность привлекла внимание другого телепата. – Он убрал прибор обратно в ящик, но не стал его закрывать. – Как я уже сказал, я наткнулся на это случайно. Он ограждает сознание, не пропускает в него чужаков. Я включаю его перед каждым выступлением. Мне он не мешает, но защищает меня от непрошенных телепатов.

— Подобно глушителю радиосигналов?

— Да, похоже, Но, в отличие от глушителя, он не привлекает к себе внимание. Я назвал его Одеялом.

— Мистер Грумейер, вы поможете мне?

— Полететь с вами в Мюнхен? Нет.

— Я возмешу вам любые расходы...

— Дело тут не в деньгах. Если верно то, что вы рассказали, то я боюсь этих людей. Разуму можно легко повредить. У все нас есть тайные страхи. Я расскажу вам о своем. Мой страх в том, чтобы стать нормальным, утратить телепатический дар.

— Выходит, вы мне не поможете?

— Я этого не сказал. — Он заколебался и, наконец, продолжил.

— Давайте сделаем так. Вы изучите эту парочку, и если сможете честно сказать, что они опасны, не потенциально опасны, а несут прямую опасность Земле, тогда вы свяжетесь со мной, и я приеду. Обещаю.

Миллер был этим удовлетворен. Великий Николас явно не пошел бы дальше. А Дорис просто смотрела на него и молчала...

— СТРАНА ЧУДЕС? — спросила Пэрисс.

— Вы что, никогда не слышали о нашей Стране Чудес?

Она наморщила брови, пытаясь припомнить.

— Я читала об этом в книге. «Алиса в Стране Чудес»...

— Наша Страна Чудес не совсем такая, хотя и есть кое-что общее. Алиса увидела свою Страну Чудес во сне. Мы посещаем нашу наяву.

— И вы хотите, чтобы я пошла с вами? Хью, дайте мне слово, что это не какая-то уловка.

— Уловка? — спросил он. — Да. Страна Чудес целиком состоит из уловок. Там есть все уловки и трюки, которые мы когда-либо придумали.

— Где же она? — рассмеялась Пэрисс. — Почему мы ничего не нашли, когда обыскали Станцию?

— Вероятно, вы думали, что это просто балласт.

— Что же это на самом деле?

— Смесь моделирования и иллюзии, и чуток реальности. В течение нескольких часов вы будете на Земле при обстоятельствах, которые я знаю, а вы — нет. И будет лучше, если вы не уз-

наете о них заранее. Частенько, когда мы пользуемся этим сами, то просим, чтобы программу поставил нам кто-нибудь другой.

— Но Станция небольшая. Здесь не может быть достаточно места для Страны Чудес.

Она больше, чем вы думаете. По различным причинам Станция должна быть определенной массы, и не меньше. Если бы у нас не было Страны Чудес, то место, которое она занимает, пришлось бы заполнить балластом.

— Но для чего все это?

— Главным образом, чтобы помочь нам не сойти с ума. И избавить нас от тоски по дому.

Пэрисс стало любопытно. Если Страна Чудес моделирует жизнь на Земле, то она обязана ее посетить.

Они поднялись из жилых помещений на лифте.

— Сколько человек одновременно может быть в Стране Чудес? — спросила Пэрисс.

— Двое при большинстве параметров настройки. Четверо в простых, статических сценах. И лишь один человек в сложном моделировании.

— И мы просто войдем туда? Без всякой подготовки?

— Обычно мы переодеваемся. Только и всего. Страна Чудес сделает все остальное.

Лифт остановился. Они оказались в пустом стальном коридоре перед двойными дверями. За дверью оказалась небольшая пустая комната с еще двумя дверями.

— Пойдите туда и переоденьтесь, — сказал Хью. — Затем выйдите.

Пэрисс оказалась в кабинке. Перед ней была разложена любопытная одежда: синий закрытый костюм с капюшоном, ботинки с коньками и какое-то оборудование, о целях которого она могла только предполагать.

Значит, будет холодно. Снег и лед. Пэрисс привыкла к этому. Эдем был холодным миром, за исключением искусственных островов.

Она быстро переоделась и собрала странное оборудование. Затем вышла из кабинки.

— Ну, и как вам это? — спросил Хью.

Пэрисс ослепла от яркого солнца и сверкающего снега. Слева, примерно в километре от них, был лес зеленых остроконечных

деревьев. А прямо перед нею землю сменяло покрытое льдом озеро. Направо были голубоватые горы, покрытые дымкой от расстояния.

Пэрисс задохнулась – но не от холода. Воздух был чистым и бодрящим. Ее дыхание паров вырывалось изо рта и медленно улетало, указывая направление ветерка.

– Как это сделано? – пробормотала она.

– О, не думайте об этом. Вы умеете кататься на коньках?

Иллюзия – если только это была иллюзия – оказалась прекрасной. Снег был свежим, на нем не было ничьих следов, кроме их собственных. Небо ясное и голубое.

Они поставили лыжи в раздевалке, которая являлась частью альпийского домика, и пошли к озеру, где помогли друг другу надеть коньки.

Пэрисс каталась на коньках хорошо, но, к ее огорчению, у Хью это выходило лучше. Отношение землянина ко льду и снегу было для нее в новинку. На Эдеме это было просто неудобство, от которого приходилось расчищать дороги. Дети и взрослые тренировались в снегу, но играли в нем лишь маленькие дети. Взрослые же вставали на коньки, только для того, чтобы куда-нибудь поехать, а не забавы ради.

Пэрисс понравилось кататься на коньках с Хью, и она быстро изучила некоторые его приемы. Прежде она не увидела бы смысла в том, чтобы катиться на коньках спиной вперед, или на одном коньке, но теперь поняла, что это может быть забавно.

Хью тоже узнал о том, что для Пэрисс в новинку.

Если война между землянами и адамитами будет вестись на поверхности планет, было важно узнать, в чем у адамитов преимущество. Они, скорее всего, ударили бы сперва по Северной Канаде, Аляске, России и даже по заполярью – или применили технологии, позволяющие на столетия заморозить обширные пространства, и землянам пришлось бы сидеть и ждать, когда они оттают.

Затем они вернулись в раздевалку, и Пэрисс, найдя в кабинке длинное золотистое платье, впервые почувствовала, что значит одежда для женщины-землянки.

И еще раз она задохнулась от удивления и восхищения, когда, выйдя, оказалась в ярко освещенном танцзале, где танцевало много народа.

Это, как она сразу поняла, был Большой Бал, дающийся по выдающимся событиям.

Музыка была странной для ее ушей, хотя она уже слушала в записях земную музыку, но ритм был понятен: раз, два, три, раз, два, три... Земляне называли это вальсом. Пышно одетые танцоры совершили изящные, простые па, которые Пэррис, разбиравшаяся в танцах, сумела выучить за несколько секунд.

Мужчины были в строгих черно-белых костюмах, женщины же сверкали всеми цветами радуги. Хью появился в черном костюме с великолепной белой рубашкой и фраке.

– Могу я вас пригласить? – спросил он.

Иллюзия была великолепной. Несколько раз Пэррис пыталась коснуться других танцующих, но они всегда ловко уклонялись.

– Но ведь напитки, которые разносят, не могут быть настоящими? – спросила она.

– Нет, но можете выбрать то, что вам по вкусу.

– Как?

– Я вам покажу.

Он пошел к бару и вернулся с двумя бокалами. Пэррис заметила, что люди охотно давали ему дорогу.

Она пила, потом снова танцевала с Хью, на этот раз менее успешно, потому что танец был посложнее вальса.

Затем она отклонила предложение Хью выйти на балкон. Она не была уверена, что если бы согласились, он стал бы более дружелюбным.

Тогда они вернулись к дверям, откуда вышли в зал, и Пэррис опять оказалась в пустой кабинке для переодевания.

Одежда и на этот раз была неожиданной. После катания на коньках и танцзала, Пэррис ожидала, что следующая сцена будет еще более очаровательной и, вероятно, чувственной. Возможно, это будет роскошная квартира в богатой части города, поздним вечером, с вином и ужином. Ужин бы Пэррис приветствовала, потому что уже проголодалась.

Однако, одежда, которую она нашла, была простыми грубыми брюками и курткой с нижним бельем, настолько утилитарными, что Пэррис поняла, что в следующей сцене не будет никакого очарования.

Она оделась и заколебалась перед тем, как выйти из кабинки, что Хью был – или по крайней мере, мог считать себя – врагом.

ЗАЙДЯ ТАК далеко, Уил Слент уже не мог пойти на попятную. Двести один адамит был убит. Двести один землянин должен быть казнен. А так как было невозможно установить личности всех убийц, то земляне будут выбраны наугад – каждый двадцать пятый человек в списке персонала, расположенным в строго алфавитном порядке, исключая лишь тех, кому еще не было восемнадцати лет.

Казнь двухсот землян должна была состояться.

И она состоялась.

Сделано это было максимально гуманно. Землян просто повели обедать, разделив на группы по двести человек. И одну из групп больше никто никогда не увидел.

Среди казненных оказались генерал Моррисон, который был отобран также наугад из списка, и жена главного медика Нильса Хэкстротта, который, как и Стюарт, соблюдал в сложившейся ситуации максимальный нейтралитет и относился к адамитам лояльно. Но когда его жена, являвшаяся по меньшей мере половиной жизни этого молчаливого скандинава, была казнена, то Нильс – бывший последним среди пяти тысяч землян, кто был способен кого-либо убить при любых обстоятельствах, – хладнокровно решил, что должен отомстить за нее.

ОБИТАЕЛИ Внешней Планеты оказались весьма дружелюбными по земным меркам, и Ред был типичным среди них. Женщины приняли Верну без энтузиазма, но и без недовольства. Она будет здесь жить – вот и все. Мужчины принялись было делать ей авансы, но Ред быстро это прекратил, пояснив, что она уже занята.

Верне выделили стол и попросили скопировать какой-то план. Подвох в этой работе крылся в ее очевидной легкости. Вена выполнила ее с максимальным старанием, и ее босс, тучный человек по имени Эрик Манвин, был удовлетворен, что не преминул сказать вслух.

Свое удовлетворение он подкрепил, поставив ее сразу на сложную и ответственную работу – разрабатывать сеть обороны, которую нужно было вскоре установить против набегов гномов и хеммеров. Она состояла из центрального форта и ряда пограничных застав, связанных с фортом и друг с другом под-

земными туннелями. Технические требования были достаточно жесткими, и Верне пришлось решить много проблем.

Она работала вместе с тремя мужчинами и двумя женщинами. Диапазон работ был громадный, здесь составлялись планы всей сети укреплений.

В первом же перерыве за чашечкой кофе Верна сказала Эрику:

– Я видела вашего брата.

– Фреда?

– Да. Мы с отцом оказались на дороге во время бури, и он спас нам жизнь.

Но Эрик не захотел говорить о Фреде.

– У Фреда нет луковиц, девочка, – сказал он.

– Чего у него нет?

– Ну, знаете ли, ему всегда кое-чего не хватало. Когда мама вынашивала его, ее чуть было не убил хеммер. Врачи говорят, что это не может иметь к нему никакого отношения, но я не уверен. Фред всю жизнь боялся хеммеров.

Верна подумала о коренастом привратнике, и как только направила к нему свои мысли, как ощутила беду.

Не было времени все обдумать.

– Ворота! – воскликнула она.

Вскочила, повернулась и обнаружила, что Эрик уже стоит у двери.

– Фред? – спросил он.

Они побежали. Ворота были метрах в трехстах от чертежного бюро. По пути к ним присоединились еще трое мужчин с ружьями.

Когда они ворвались в сторожку, хеммер высасывал остатки крови из тела Фреда Манвина. Хеммер был размером с большую собаку и немного похож на нее, вот только у него было шесть ног и аморфная, как у гнома, голова. Оружием ему служил длинный язык.

Через плечо Верны выстрелило ружье. Хеммер, совершенно невредимый, развернулся и хлестнул языком Эрика. Эрик же стократ отсек его кончик ножом. Из языка закапала кровь – кровь Фреда.

Четверо мужчин знали, что нужно делать. Стрелявший отбросил ружье, и все четверо напали на хеммера с ножами и любы-

ми тяжелыми предметами, что подвернулись под руку: дубинки, лампа, стальной прут.

Они стали насмерть забивать хеммера. То, что он продолжал бороться и отбиваться языком, показывало, что так было нужно. Из хеммера текла красная и зеленая кровь. Красная кровь принадлежала Фреду, зеленая — самому хеммеру.

Наконец, это существо превратилось в маленькие зелено-коричневые шары. Один из мужчин огляделся и нашел маленькую паяльную лампу. Шары не хотели гореть и все пытались откаться. Мужчины выкатили шары наружу и сожгли их дотла, оставив лишь кучку золы.

Эрик посмотрел на Фреда со странным выражением на лице. И это было не горе. Наверное, он считает, что позорно так умереть, подумала Верна.

— Бедный Фред, — сказал Эрик. — Он никогда ничего не боялся, кроме хеммеров.

После того, как убрали обескровленный труп Фреда, Эрик и остальные устроили в сторожке обыск, стараясь понять, откуда тут взялся хеммер. Верна поняла, что это был самый важный вопрос. Они нашли маленькую дыру в заборе возле ворот, пробитую чем-то тяжелым во время предыдущей бури.

— Вот она, — сказал Эрик. — Этот зверь нашел дыру, прополз через нее и притаился за сторожкой, а когда Фред открыл дверь, напал на него. Ему было нужно попасть внутрь, где никто не увидит, что происходит. — А затем он вспомнил кое-что еще. — Как вы узнали об этом, девушка? — спросил он, не сводя с нее твердого, пристального взгляда.

Верна могла сказать только часть правды.

— Я еще никогда не видела хеммеров, — ответила она, — но, кажется, могу почувствовать, когда они поблизости.

К ее облегчению, Эрик кивнул.

— Некоторые заявляют, что обладают таким даром — обычно они говорят о гномах. Но вы ведь не чувствуете громов, не так ли? Вы же уже заходили в помещение, где был гном.

— Наверное, теперь я могу почувствовать и гномов.

— Не рассчитывайте на это, девушка, — покачал головой Эрик. — Все, кто утверждал, что могут почувствовать гномов или хеммеров, были убиты теми или другими. Возможно, иногда это действительно срабатывает. Но когда вы начинаете думать, что

это действует всегда, то становитесь небрежными и... — Он сделал странный звук и странно поглядел на нее. И он все еще не выказывал горя из-за смерти Фреда. — Рядом с вами постоянно что-то происходит, девушка. Будьте осторожны. Вы хорошая чертежница, и мне бы не хотелось вас потерять.

ДВА РАЗА Пэрисс выходила из кабинки в яркий свет. На сей раз она оказалась в мире темноты, резких вспышек и угрожающего гула.

Хью поймал ее руку. Она с трудом разглядела его. На секунду их осветил прожектор и тут же метнулся прочь. Пэрисс мельком заметила высокие здания вокруг. Гул, который она отметила почти подсознательно, шел с неба. А резкие удары, бьющие по ушам и сотрясающие землю под ногами, могли быть только взрывами.

Когда ее глаза привыкли к темноте, Пэрисс обнаружила, что вокруг достаточно много света, особенно слева, где красное сияние озаряло полнеба. А когда ее уши привыкли к взрывам, она поняла, что улица отнюдь не пустынна, как ей показалось сначала. По ней черными тенями метались люди.

Из мрака появился человек в стальной каске, ясно различимый, когда красное сияние над крышами внезапно рвануло вверх языками пламени.

— Убирайтесь с улицы! — завопил он. — Что, черт побери, вы делаете?

Пэрисс и Хью огляделись по сторонам и заметили узкий переулок. Они поспешили прошли туда, главным образом, чтобы уйти от вопившего человека. За спиной они услышали, как он кричит на кого-то еще.

Пройдя переулок, они опять оказались на открытой улице. По крайней мере, здесь все было ярко освещено, метались по небу прожектора, находя и теряя темные крылатые силуэты, гудящие над городом. Они видели, как падают бомбы. Затем бомбардировщик свернул в сторону, и прожектора вновь потеряли его. Затем они увидели маленький самолет, очевидно, принадлежавший защитникам, но тут же прожектора метнулись в сторону, и в темноте тень самолета показалась в десять раз больше обычной.

— Где мы? — спросила Пэрисс.

— В Лондоне во время воздушного налета. Не в наше время. Это было несколько столетий назад.

— Но зачем...

Здание метрах в двухстах от них внезапно распахнулось по всей высоте и с грохотом осело вниз кучей обломков. Хью сбил Пэрисс на землю. Вспышки не было, но звуковой удар оглушил ее. Пэрисс больно ударила о землю, а Хью упал на нее сверху. Она рассердилась — ведь это была всего лишь игра.

Но когда по ее спине забарабанили мелкие камешки, а над нею пронеслась волна горячего воздуха, Пэрисс уже не была так уверена.

— Надо убираться отсюда, — сказал Хью, помогая ей встать. — Здесь становится жарко.

Она попыталась что-то сказать, но Хью тащил ее так быстро, что она не могла говорить на бегу.

Они подбежали к пылающему магазину. Пожарные поливали из шлангов здание напротив, не обращая никакого внимания на обреченный магазин. На улице было много ошеломленных людей в нижнем белье, некоторые в гротескных касках и пижамах, у многих на боку висели сумки с противогазом. Мимо Пэрисс промчался какой-то мальчишка и исчез в темноте.

Вдоль улицы пронесся порыв ветра, и Пэрисс внезапно окатило холодной водой. Вода внезапно прекратила бежать, очевидно, где-то ее перекрыли, лишь слабые струйки полились из наконечников шлангов. Вода, по крайней мере, была реальной.

Гул стал громче. Прожекторы заметались по небу, и Пэрисс увидела целую волну бомбардировщиков.

Жар от пожара дунул ей в лицо. Все еще полная негодования, Пэрисс повернулась и побежала на другую сторону улицы, где раздался крик ребенка.

Ребенка она не нашла, а вот Хью потеряла.

Горящее здание внезапно рухнуло, погребая пожарных и бездомных людей под горящими обломками.

Все еще не веря в реальность происходящего, Пэрисс побежала к ним, чтобы доказать себе, что все это только иллюзия, но жар заставил ее отпрянуть.

Все еще раздраженная и не найдя Хью, Пэрисс решила вернуться туда, откуда они пришли. Там должна быть дверь, похожая на все двери в этом городе, но ведущая в раздевалку.

Дорогу назад она найти не смогла. Когда ей показалось, что она нашла переулок, это оказалось не тот переулок. Но вместо того, чтобы вернуться обратно, Пэрисс решила самостоятель- но отыскать улицу, с которой они начали, и вскоре безнадежно заблудилась.

Она была уставшей, голодной и мокрой, ей было холодно и одиноко, она не могла найти выход из этой ужасной иллюзии, и проклинала Хью. Было приятно и интересно кататься на коньках и танцевать. Но какое удовольствие можно получить здесь?

Когда она уже совсем отчаялась, а от нескончаемого гула хотелось кричать, она вдруг поняла, что находится на той улице, где на них с Хью заорал человек в каске. Она принялась искать дверь, ведущую из этого города, и никак не могла найти. Все двери были заперты. Пэрисс пыталась точно вспомнить, откуда именно они вошли в этот водоворот разрушений, но не могла, потому что тогда ее вел Хью. А без него она заблудилась.

Повернув ручку очередной двери, которая почти наверняка никуда не вела, она врезалась в кого-то.

– Пэрисс! – раздался голос Хью. – Что с вами произошло, когда здание рухнуло?

– Неважно. Давайте уберемся отсюда.

Все еще сердитая на него, Пэрисс разрывалась от желания сорвать на нем злость и побыстрее сбежать из этого безумного, адского мира. Последнее оказалось важнее. А поругаться можно и позже, подумала Пэрисс.

– Сейчас мы не можем уйти. Нам нужно вон в тот переулок, а он заблокирован.

– Уведите меня отсюда! – сказала Пэрисс негромко, но страстно.

– Налет закончится примерно через час. Тогда мы сможем вернуться. Я тут нашел домик рабочих, там мы сможем переждать. Пойдем.

Нервы ее были изорваны в клочья, Пэрисс хотелось кричать.

Открылась какая-то дверь, Хью завел ее внутрь. Когда ее глаза привыкли к темноте, Пэрисс увидела уранство домика.

В одном углу лежали лопаты, в другом – кирки. Хью зажег масляную лампу. Два маленьких окошка были плотно закрыты черной материей. Прямо на полу лежал тонкий матрас. Рядом

с ним стояла печурка, а на перевернутом ящике – две тарелки, старенький чайник и ложка. Больше здесь не было ничего.

И тут Пэрисс взорвалась в истерике. Она сама не понимала, что говорит. Она даже забыла свой прекрасный английский и перешла на язык адамитов.

Хью улыбнулся, и Пэрисс накинулась на него. Но он поймал ее запястья и поцеловал, и Пэрисс вдруг осознала, что хочет этого мужчину.

Значение имело лишь то, что он заботился о ней не как о враче-адамитке, а как-то по-иному. Если бы он оставался холодным и расчетливым, то Пэрисс, наверное, подралась бы с ним.

Именно она повлекла его на матрас. Хью был удивлен, но тут же с энтузиазмом подчинился. И Пэрисс сказала то, что было у нее на уме:

– Забудьте, что я адамитка. Если вы не станете обращаться со мной, как с женщиной, я убью вас...

ПОЛНЫЙ контакт был установлен лишь с пятой попыткой. Легко было уединиться и сосредоточиться на двух станциях. Но у Джилин с Доном были с этим затруднения, а Верна вообще могла быть с Сэлом только в присутствии других пациентов.

ТОМИ-УИЛ (Форт Платон): У нас здесь серьезная ситуация, трагичная и, может, даже пагубная (Детали резни и ответных репрессий). Нам нужно во всех четырех точках проводить в отношении землян курс силы...

ВЕРНА-СЭЛ (Внешняя Планета): Чепуха! Как мы можем здесь проводить курс силы? Томи, а ты уверена, что так уж была необходима казнь землян?

ТОМИ-УИЛ: Такое решение принял Уил. Он чувствовал, что у него нет выбора.

ДЖИЛИН-ДОН (Мюнхен): Мы вообще в руках землян и почти что беспомощны. Может быть, стоит и спросить разрешение использовать наши специальные способности, если мы хотим вообще хоть чего-то достигнуть?

ПЭРИСС-ФАР (Станция 692): Мы с Хью (дальнейшее было передано не на словах, а в образах).

ТОМИ, ВЕРНА, ДЖИЛИН (Шокированы, встревожены, заинтересованы).

ТОМИ-УИЛ: А ты уверена, что не обманываешься, Пэрисс?

ПЭРИСС-ФАР: Может быть. Это не имеет никакого значения.

ТОМИ-УИЛ: Никакого значения? С каких пор ты стала считать тайну...

ПЭРИСС-ФАР: Меня это теперь не волнует. У Хью довольно значительный телепатический потенциал, но нет никакого риска, что он может развиться сам по себе, без специального обучения. Я могла бы его обучать, и думаю...

ТОМИ-УИЛ: Пэрисс, не смей!

ПЭРИСС-ФАР: Да ладно, не буду. А то вы еще подумаете, что я переметнулась на их сторону.

ДЖИЛИН-ДОН: Мы больше не едины. Мы теряем свою связь друг с другом.

ВЕРНА-СЭЛ: Это естественно. Опыт меняет нас, а наше положение совершенно различно. Томи, мне жалко, что вы предприняли такие необратимые действия.

ПЭРИСС-ФАР: Особенно не проконсультировавшись с нами. Это может означать конец всего.

ВЕРНА-СЭЛ: Я считаю землян достаточно хорошими людьми и не вижу причины бороться с ними. Здесь, на Внешней Планете, поселенцам совершенно безразличен Эдем. Поэтому, на основе своего опыта, у меня нет никаких причин поддерживать какую-либо агрессию адамитов против землян.

ДЖИЛИН-ДОН: Мне кажется, мы можем получить то, что хотим, только силой. Но я думаю, что мы проиграли бы...

ТОМИ-УИЛ: Мы должны попытаться прийти к согласию. Должен же быть ответ...

ВЕРНА-СЭЛ: Как мы можем найти ответ, если у нас совершенно разные проблемы?

Тут поднялась такая буря эмоций, какой никогда еще не было прежде. Верна была самой решительной, самой самоуверенной. Джилин склонной повременить. У Пэрисс возник противоречивый комплекс чувств. Остальные ощутили ее конфликт и одновременно какое-то новое спокойствия и самодовольство, которое начало их раздражать. Томи, обнаружив, что политика силы не одобрена никем, начала подвергать сомнениям действия Уила еще сильнее, чем прежде. Именно она и порвала контакт, потому что хотела все обдумать.

VII

ФОРТ ПЛАТОН весь кипел. Казнь объединила землян, как ни что другое.

До этого было много высказываний в пользу осторожности и выжидания. Казнь заложников, в число которых, по грубым прикидкам землян попало человек десять партизан и сто девяносто невинных людей, все изменила.

Земляне сразу же ощутили, что отношение к ним изменилось. К ним стали относиться, как к пленным. Помимо работы и совместного питания, все остальное время они проводили взаперти по своим комнатам. Адамиты, которые в первые дни относились к землянам лояльно, если вообще не по-дружески, были заменены на жестоких тюремщиков. Они глядели на землян, как на опасных и вероломных врагов.

Когда группа землян от такого обращения пришла в бешенство и набросилась на конвоировавшего их адамита, он не стал убивать их, а оглушил сканнером. После чего преступников увезли и поместили в трюм адамитского корабля, куда не допускался ни один землянин и откуда никто не возвращался.

КОГДА доктор Миллер вернулся в Мюнхен, его уже ждало сообщение от мисс Хеилброн.

«Дорогой мистер Миллер!

Пожалуйста, немедленно приезжайте ко мне. Это жизненно важно.

Естественно, я не могу действовать, не посоветовавшись с вами.

Искренне ваша,

Маргарет Хеилброн.»

Миллер улыбнулся ледяной улыбкой.

Она жила на улице Принца-регента. Миллер знал адрес, но никогда там не был. Дверь открыла сама мисс Хеилброн. Его озадачил ее теплый прием.

Пока он подозрительно пытался отыскать иронию в ее голосе, она принесла ему выпить. Миллер неохотно был вынужден признать, что ее дружелюбие было искренним. Она легко и непринужденно расположилась на стуле с бокалом в руке.

– Вы помните казначея на Хоупе? Отчет о нем?

– Отлично помню. Я прочитал отчет не менее дюжины раз. Его звали Норман Глюк.

– Прекрасно! Кажется, он отказался лететь на Землю, ссылаясь на чисто медицинские причины. Врачи заинтересовались в нем с точки зрения психиатрии...

– У него побывали мы все, – кивнул Миллер. – Но он отказался сотрудничать с нами.

Да, у вас было проигрышное положение по сравнению с его работодателями. Врачи компании отказались передать его нам, пока он не закончил курс назначенного ими лечения. Но мне кажется, что его неистовая настойчивость на некоторых «фактах» должна была их убедить, что они неправы.

– Было ясно, что он скрыл какие-то эмоциональные причины, – согласился Миллер.

– Мужчина и девушка, которыми мы интересуемся, не были на корабле, когда он вылетел с Хайлона. Они летели на нем в Мюнхен не неделю, а всего лишь шесть дней.

– И корабль при этом не останавливался где-то в космосе?

– Это неизвестно. Но я хочу сказать, что если и было какое-то randevu в космосе, которого никто не заметил и о котором никто не вспомнил впоследствии, то расчеты времени и расхода топлива это установят. Но может быть, какой-то корабль поравнялся с «Нордом», и, пока оба летели с одинаковой скоростью, наша парочка смогла пересесть.

– Спасибо, мисс Хейлброн. Вы дали мне ключ.

– Какой ключ?

– Разумеется, отпирающий дверь.

Миллер, не вставая, потянулся к ее телефону и послал сообщение Великому Николасу. Суть сообщения была такова: Вы нужны нам. Пожалуйста, приезжайте.

КОГДА Сэл Слент вышел из больницы, то устроился привратником на место Фреда Манвина. Нога у Сэла еще как следует не зажила, а на этой работе ему не требовалась особая подвижность.

Верна осталась жить у Реда, несмотря на то, что могла бы переехать к одной одинокой женщине. Реда она продолжала держать на расстоянии вытянутой руки. Она знала, что об их

отношениях уже ходят грубые шуточки. Но Ред, что было удивительно и нетипично для него, не обращал на них внимания. Он не делал тайны из своего намерения, в конце концов, по-настоящему сблизиться с ней.

Верна не была уверена, что он ей нравится. Она продолжала жить в его доме преимущественно потому, что привыкла к нему. И лишь однажды, придя домой пьяным, Ред попытался ползть к ней. Верна вывихнула ему плечо приемом дзюдо, с каким Ред никогда не сталкивался. Но Ред не стал держать на нее зла: все имеют право защищаться. Тем более что Верна сама же и вправила плечо.

Каждый день они встречались после работы и вместе возвращались домой. Это вошло в привычку, и однажды, когда Ред был вынужден задержаться, Верна почувствовала, что не хочет идти домой без него. Она ждала его на улице, хотя шел проливной дождь. Когда Ред освободился, то был приятно удивлен, что его ждут.

— Прости, детка, — сказал он. — Я не мог освободиться раньше. Был занят. Только не кричи на меня.

— Я никогда не кричала на тебя.

— Верно, кроме тех случаев, когда я ругался.

— Ругаться грязно. Избавиться от этой грязи не так просто, как вымыть лицо или переодеть чистую рубашку.

— Вот как? Никогда не думал об этом в таком ключе, миличка. Смотри, я раздобыл бифштексы. Не консервированные бифштексы, а всего лишь замороженные, но они быстро растают. У нас будет ужин, какого не было уже несколько месяцев.

— Откуда такая роскошь? — поинтересовалась Верна.

— Главное поселение на севере запустило скотоводческую ферму. Прежде не делали таких попыток, потому что боялись, что гномам и хеммерам понравится крупнорогатый скот. Достаточно трудно защищать животных от непогоды, а если еще навалились бы гномы с хеммерами, это стало бы вовсе не выгодно. Но теперь мы попробовали разводить их, и оказалось, что гномы коров игнорируют. А также и хеммеры.

— Странно.

— А может, и нет. Нам не удавалось поймать гномов живьем — они или сбегают, или убивают себя. Но нам известно, что они едят только мясо людей или других гномов.

Верна содрогнулась. В истории Эдема не существовало людество, и эта идея ей показалась еще более отвратительной, чем землянам.

— Кажется, некоторые каннибалы в нашей собственной истории считали, что вы приобретаете качества того, кого едите.

Они вошли в дом и первым делом тщательно вымылись.

Верна замерла, и Ред вопросительно поглядел на нее.

— Ред, — спокойно сказала она, — в доме кто-то есть.

Ред тут же насторожился.

— Хеммер?

— Не знаю.

Он достал из кармана свисток.

— Хочешь, чтобы я поднял тревогу?

— Нет, я не вполне уверена.

Он кивнул. Когда в Лагере Номер Одиннадцать поднималась тревога, все бросали свои дела и бежали на свист. Если тревога оказывалась ложной, то виновные в ней оказывались в глупом положении.

— Я пойду за ружьем, — сказал Ред и двинулся к тревожному посту в двадцати ярдах от дома.

— Это гном, — сказала Верна. — Тот же самый.

— Ты не знаешь наверняка, что там кто-то есть... тогда откуда же тебе известно, что это тот самый гном?

Ред не насмехался, он действительно хотел знать это, по крайней мере, получить объяснение ее догадкам.

— Ты хочешь сказать, что это не может быть тем же самым гномом, не так ли? Ведь дом после того происшествия проверен сверху донизу...

— Да нет, детка, гномы хитрые, а твой гном ненавидит тебя. Не исключено, что он нашел другой путь в дом. У нас есть вентиляция и водопровод, а гномы текучие, как вода. Держись за мной.

Он открыл парадную дверь и шагнул в дом, как обычно.

— Кухня, — прошептала Верна.

Ред ударом ноги распахнул дверь в кухню, но не вошел.

Гном стоял посреди кухни, как и в тот раз, раскинув руки по стенам по обе стороны дверного проема. Гномы предпочитали молотить своими руками, как цепами, а не протягивать их. Гном чуть-чуть не дотянулся до Реда.

Ред выстрелил в гнома и шагнул вперед, разрезая его на куски лучом бластера. Гном умер далеко не сразу. Его убийство было еще более грязным делом, чем убийство хеммера. Отрезанные куски гнома тоже были опасны. Если в них оставалось хоть несколько клеток мозга, они продолжали жить и бороться.

После того, как гоном был убит, пришлось еще убирать кухню. Когда они закончили, Верна сказала:

— Давай, Ред, сегодня не будем готовить бифштекс. Я не смогу его съесть. Я даже поджарить его не смогу.

Ред кивнул, соглашаясь.

И внезапно Верна ощутила, как сильно Ред ее любит. Ее храбрость в первой стычке с гномом так повлияла на него, что с тех пор Ред вел себя так, как никогда прежде, терпеливо ожидая ее решения, потому что был совершенно уверен — оно того стоило.

И Верна внезапно поняла, что чувствует девушка, когда знает, что любима.

Она протянула ему руки.

— ЕСЛИ НА 692 что-нибудь узнают о нас, Джо Хью, —
обеспокоенно сказала Пэрисс, — то меня могут обвинить в измене.

Хью кивнул. Они лежали голышом на солнечном берегу в Стране Чудес. Это было не только самым романтичным эпизодом, который они сумели найти в программе, но и самым личным.

— Ты волнуешься, — ответил Хью. — Ты чувствуешь, что что-то пошло не так, как надо. Послушай, Пэрисс, я ведь не собираюсь заставить тебя предать своих. Если бы ты это сделала, то тебя бы казнили, не так ли?

— Да, Но я же не стану сидеть и ждать, пока они это сделают.

Он долго обдумывал ее слова и, наконец, произнес:

— Понятно. Я рад. Остается проблема, что мы могли бы казнить тебя.

— Если бы я приняла решение остаться у вас?

— Ну, это будет зависеть от того, что произойдет. Ты упомянула, что есть четыре группы... Пэрисс, я умею быть совершенно беспристрастным. Возможно, я смогу тебе помочь. Ты можешь мне объяснить, не предавая своих, что тебя волнует?

— Да, могу. В Форте Платон умерли двести землян и столько же адамитов. Причем погибли они не в сражении.

— Это плохо, — спокойно ответил Хью.

— Я знаю, что это очень плохо.

— Ты можешь рассказать мне подробнее?

— Там был бунт, а затем репрессии. Первыми начали земляне.

Хью сидел молча и глядел на иллюзорное море, чтобы прийти в себя.

— Что ж, это может помочь. Ты сказала мне правду о цели вашей операции? Вы просто хотите побольше узнать о нас?

Пэрисс молчала.

— Значит, есть еще что-то.

Она продолжала молчать, потом внезапно стиснула ему руку.

— Хью, я хочу тебе все рассказать. Но если бы я только знала, что это пойдет на пользу всем нам...

— Почему ты не можешь рассказать мне о трех других группах, участвующих в этой операции? В конце концов, мы же все равно узнаем о них. Ну, так что?

Пэрисс кивнула.

Сначала нерешительно, затем все более свободно, она рассказала ему о четверне близнецов: Уиле, Фаре, Доне и Сэле, и о четверне дочерей Уила: Томи, Джилин, Верне и самой себе.

Хью внимательно слушал, время от времени задавая вопросы.

— Понятно, что произошло на Форте Платон, — сказал он, когда Пэрисс закончила. — Твой отец действовал там точно так же, как и твой дядя здесь. Адамиты вовсе не захватили там власть. Резня произошла потому, что ей разрешили произойти. Понимаешь, Пэрисс? Вы идете к катастрофическому концу.

Он произнес это с такой убежденностью, что Пэрисс внезапно побледнела.

— К концу?

— Я мог бы уже через час снова захватить эту станцию.

— Ты клянешься, Хью? Это не просто какая-то хитрость? Но почему ты рассказал это мне?

— Потому что, — медленно проговорил он, — я хочу спасти тебя, если сумею.

КОНТАКТ был установлен легче, когда Сэл вышел из больницы.

ВЕРНА-СЭЛ (Внешняя Планета): Я пошла дальше, чем Пэрисс. Я вышла замуж за Реда.

ТОМИ-УИЛ (Форт Платон): Верна, ты сошла с ума!

ВЕРНА-СЭЛ: Возможно. Но разве не сумасшествием было казнить двести землян?

ТОМИ-УИЛ: Возможно. Стюарт считает, что я должна была это как-то остановить. Так или иначе, но теперь мы зажаты здесь в угол.

ПЭРИСС-ФАР (Станция 692): Разве вы не с самого начала были зажаты в угол? Хью говорит, что боится даже думать о том, что произойдет в Форте Платон.

ТОМИ, ДЖИЛИН, ВЕРНА: Ты что, рассказала ему? Ты рассказала ему все?

ПЭРИСС-ФАР: Нет, только не о нашей главной цели. Но он тоже рассказал мне много чего. Нам очень повезет, если мы сумеем убежать.

ТОМИ-УИЛ: Ерунда. Эти земляне не так уж и хороши.

ДЖИЛИН-ДОН (Мюнхен): Что касается меня, я готова улететь хоть сейчас.

ПЭРИСС, ВЕРНА, ТОМИ: Без семени?

ДЖИЛИН-ДОН: Если мы приложим максимум усилий, то все еще можем смыться осемененными.

ТОМИ-УИЛ: Погодите, погодите! Это просто паника. Мы сокращаем здесь полный контроль...

ПЭРИСС-ФАР: Ты так думаешь.

ТОМИ-УИЛ: Пэрисс, узнай все, что сможешь, но не пытайся залезть в сознание Хью. Джилин, составь план, как можно украсть то, что нам нужно, но не начинай действовать, пока я не дам сигнал. Верна...

ВЕРНА-СЭЛ: Да, стеснительная девственница. И что ты мне посоветуешь?

ТОМИ-УИЛ: Ничего.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВИДУ было сделано так, будто у Стюарта, старшего офицера землян после казни генерала Моррисона, была какая-то реальная власть. Адамиты приводили к нему мелких правонарушителей и почти всегда разрешали самому принимать решения. Главы разных групп, на которые были разделены земляне, регулярно давали ему отчеты.

Девушка, возглавлявшая группу стенографисток, принесла ему на подпись документы, и среди них была маленькая записка:

«ЕСЛИ ВАС ПРИЩЕМИТ ДВЕРЬ ЛИФТА, НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ЧУЖАКАМ ЛЕЧИТЬ ВАС».

Девушка сделала небольшой знак рукой, и Стюарт понял, что должен немедленно съесть эту записку.

Первой его реакцией было раздражение. Первый заговор за-кончился печально. Резней земляне не достигли никакой вы-годы. Теперь у них был другой мелодраматический план.

Не трудно было скомкать смятую рисовую бумажку, сунуть в рот и запить водой.

Через два часа, отправляясь на обед, Стюарту нужно было спуститься на два этажа. Ему очень хотелось воспользоваться лестницей, однако, скорее всего, ему бы этого не позволили. И он поехал на лифте.

В лифт он вошел без всяких проблем и уже было понадеялся, что их план не сработал. Но когда лифт остановился, Стюарта мягко оттолкнули, так что ему пришлось выходить из лифта по-следним. И дверца закрылась, зажав ему ногу.

Он постарался вскрикнуть точно также, как сделал бы, если бы не получил предупреждения. Два охранника-адамита тут же повернулись, выхватив оружие. Дверца лифта тут же открылась, и Стюарт вышел в коридор.

Адамиты знали, кто он такой. Ставяясь проявить к нему вни-мание, они вызвали своего медика.

Нога Стюарта сильно болела, но не была сломана.

Когда его доставили в медпункт землян, дежурный ор-динатор небрежно осмотрел ногу и заявил, что его нужно госпитализировать.

Три адамита не говорили по-английски, поэтому послали за переводчиком. Пришла Томи.

– Забавно, не правда ли? – спросил Стюарт.

Томи, которая и не думала улыбаться, удивленно взглянула на него. Стюарт никогда прежде не выказывал раздражительности.

Тактика Стюарта отлично сработала. Вместо того чтобы про-никнуться к нему сочувствием и настоять, чтобы его поместили в клинику адамитов, Томи поджала плечами и оставила его в земном медпункте в плохом настроении.

Прошло два часа, но ничего необычного не произошло. Ему еще раз осмотрели ногу. Два здешних охранника-адамита совсем им не интересовались.

Наконец, приехал главный медик Нильс Хэкстротт.

— Простите, Стюарт, но мы были вынуждены привезти вас сюда. Предыдущий бунт, — я думаю, вы согласитесь с этим, — был верхом кретинизма. Теперь разработан план, как полностью разгромить адамитов. — Заметив недоуменный взгляд Стюарта, он пояснил: — Да, мы можем свободно разговаривать здесь. Установленный здесь сканнер не работает уже три месяца, и мы убедились, что адамиты не установили свою подслушивающую аппаратуру. Стюарт, я хочу, чтобы вы поняли, что нынешний план коренным образом отличается от предыдущего. Мы уже проконсультировались со всеми руководителями, кроме вас. Этот план вовсе не из числа благих намерений.

— Его цель — освобождение Форта Платон?

— Разумеется. Потом их корабль, конечно, может напасть на нас, но мы надеемся быть готовыми к тому времени.

— Ближе к фактам, пожалуйста.

— Да. Возможно, вы не знаете, но я прежде служил в химических войсках.

Стюарт этого не знал, и это было хорошо, потому что означало, что про это вообще знает мало людей.

— Первый бунт завершился ничем. Но после него адамиты убили мою жену. Возможно, вы засомневаетесь, могу ли я после этого мыслить здраво и рационально? Ну, скажем так... К моему личному разочарованию, в план не входит массовая гибель адамитов. Возможно, вообще никто из них не умрет.

Стюарт молча кивнул.

— Мне удалось исследовать парочку устройств адамитов, на которых они полностью полагаются и считают, что в воздух, воду и еду никто не сможет незаметно подмешать яд. Да, их устройства достаточно эффективны и сразу же подняли бы тревогу. Но на каждое хитроумное устройство найдется своя отмычка.

— И вы нашли способ обмануть их?

Хэкстротт не спешил.

— Есть методы аккумуляции наркотиков, — задумчиво произнес он. — Можно задержать их действие. Например, вы примете их в два часа дня, но они не начнут действовать до шести. Ваш

организм начнет их усваивать, но ничего не произойдет. И вы будете продолжать принимать препарат, пока не получите смертельную дозу, но до шести останетесь живы и здоровы. Используя такие наркотики, я могу все устроить так, что жертвы ничего не заподозрят – потому что не будет никаких явных признаков, – они лишь решат, что просто устали.

– И они входят в состав лекарств, которые вы будете прописывать адамитам?

– Да. А усталость заставит их принимать мои лекарства.

– Понятно. Только трудно будет убедиться, что они действительно принимают их.

– Я сумею это определить.

– Тогда это наш единственный действенный план. И как его осуществить на практике?

– На практике?

– Вы сказали, что исследовали их фильтры. Мы не сможем обработать их запасы продовольствия, это они продумали. Но сможем подмешать ваше снадобье в воду, раз их фильтры не смеют обнаружить его. Но почему вы решили посоветоваться со мной? – спросил Стюарт.

– Потому что вы должны это утвердить, – тихо ответил Хэкстротт.

– Я должен утвердить? Но зачем?

– Затем, чтобы мы все были в этом замешаны. В отличие от идиотского плана первого бунта. Я все приготовил. В любое время мой план может быть приведен в действие.

– А каковы шансы на успех?

– Почти стопроцентные. Снадобье будет подмешано в питьевую воду. Все рассчитано так, что люди начнут уставать примерно тогда, когда они бы и начали уставать.

– Понятно...

Стюарту действительно было все ясно. Как Хэкстротт и утверждал, этот план коренным образом отличался от резни, устроенной партизанами.

Было глупостью начать раздражать опасного врага, не выводя его из строя.

Но победить опасного врага одним ударом стало бы ошеломительным успехом.

Адамиты были предсказуемы. Они все еще судили о землянах по своим меркам.

Стюарт легко мог увидеть дальнейшее развитие нового плана. Разумеется, ночная смена адамитов будет спать, и их это не коснется. Но к счастью, у адамитов, как и у землян, по ночам бодрствовали лишь немногочисленные дежурные. Вся основная работа ложилась на дневную смену, которая на ночь запирала землян примерно в семидесяти отдельных помещениях, которые было легко охранять.

Если план Хэкстротта сработает, как нужно, то Форт целиком перейдет в руки землян, и в нем останется лишь семьдесят дееспособных адамитов.

— Да, — сказал Стюарт.

— Что вы имеете в виду, говоря «да»?

— Я имею в виду, что согласен.

— Я рад, — кивнул Хэкстротт. — Не знаю, что бы я сделал, если бы вы не согласились.

НЕ БЫЛО никакой нужды шептать, хотя они знали, что Джилин и Дон Слент находятся в соседней комнате.

— Вы думаете, они ничего не ощущают, когда вы и миссис Грумейер находитесь так близко? — пробормотал Миллер.

— Мы ничего не делаем, — ответил Великий Николас, — так что, вероятно, они нас не чувствуют.

Грумейер осторожно установил свое устройство. Сам Ник и его очаровательная жена были в серой, неприметной одежде, так что никто не стал бы задерживать на них взгляд.

Мисс Хеилброн отсутствовала, потому что ее ждали дела в другом месте. Двое полицейских молча стояли у двери, ожидая распоряжений.

Легкий стук в дверь сказал ей, что Дон Слент вышел из здания.

Грумейер и Дорис сели. Они не стали брать друг друга за руки, даже не смотрели друг на друга.

— А теперь, — сказал Грумейер Миллеру и двум полицейским, — пожалуйста, молчите, чтобы ни случилось. Говорить буду я. Говорить может Дорис. В отличие от вас, мы не помешаем друг другу сконцентрироваться. — После паузы он сказал небрежным, светским тоном: — Она знает, что ее сознание исследуют, но особо не беспокоится.

Миллер стиснул кулаки, заставляя себя молчать и не задавать вопросов. Девушка особо не волнуется? Адамитка находится тайно среди землян, физически беспомощная против них, внезапно осознает, что в ее разум проникли – и она особо не волнуется?

– Эта девушка, – продолжал Грумейер, – возбудимая и робкая при незначительной опасности. Но когда необходимо, она становится очень храброй. Ее потенциал еще выше, чем я думал. Она знает, что среди нас попадаются телепаты, но удивлена, что у нас есть такие сильные телепаты. Она – одна из четырех... восьми... я пытаюсь получить более ясное представление...

– Они четверняшки, – сказала Дорис. – Ее сестры и братя ее отца.

– Да, теперь я понял. У адамитов есть лишь четыре такие единицы. В сумме у них меньше телепатических сил, чем у землян, но у нас они раскиданы на множество людей, а у них сконцентрированы на четыре пары.

Пока они спокойно и последовательно обсуждали подробности, в то время как Миллер обливался потом от усилий не задавать вопросы. В частности, что здесь вообще делает Джилин?

И случайно он тут же получил ответ.

– Ей все это интересно, как и нам, – сказал Грумейер. – Хотя она пытается что-то скрыть, она... Дорис?

– Она не обижается на нас, – сказала Дорис. – Она негодует на что-то другое... Она не совсем согласна с тем, чем сейчас занимается. И все ее сестры тоже. И все же есть что-то глубоко скрытое, что-то эмоциональное, что делает ее...

– Она ненавидит землян, – воскликнул Грумейер. – Где-то в глубине души.

– Нет, это не ненависть. Можно также сказать, что это любовь.

– Любовь и ненависть. У меня появилась странная мысль, что она – землянка! – продолжал Грумейер.

Дорис вдруг вскрикнула, словно от боли. Грумейер вздрогнул и уставился на нее.

– Со мной все в порядке, – сказала Дорис, хотя была очень бледна. – Просто ей не понравилось это. Она уловила твою последнюю мысль, будто она – землянка, и она попыталась нанести тебе за это удар.

— Но если она нанесли мне удар, значит, она промахнулась по мне.

— Но она не промахнулась по мне...

— Но почему она ответила ударом на саму мысль, что она может быть землянкой?

Миллер, пожалуй, мог бы на это ответить. Все адамиты полагали, что они — Первичные Люди, Настоящие Люди. Высказывание мысли, что Джилин может быть землянкой, наносило удар по ее самой фундаментальной вере.

Грумейер своим путем пришел к такому же заключению.

— Да, она — адамитка. Она родилась на Эдеме, и несколько месяцев назад... Что-то произошло несколько месяцев назад. Дорис, ты можешь найти, что именно? Несколько месяцев назад кто-то заставил ее поверить чему-то, что было неверно... или отрицало что-то истинное... Она борется, чтобы скрыть эту тайну в глубине души, что-то такое, что нельзя разрешить увидеть землянам...

— Ник! — внезапно вскрикнула Дорис и протянула к нему руку.

Но тут же она побледнела и застыла. Грумейер вскрикнул, вскочил и склонился над ней.

И Миллер дал сигнал полицейским арестовать девушку-адамитку.

ВСЕ ОНИ были в комнате Джилин, включая и Дорис. Если Дорис и нанесли вред, то это не проявлялось физически. Джилин была совершенно покорна. Она с любопытством разглядывала Грумейера и Дорис, но ни Миллер, ни полицейские ее не интересовали.

Странно, но они принесли извинения Дорис, которая все еще была бледна и время от времени вздрагивала.

— Мне пришлось остановить вас. Вы разрывали меня на части.

— Дорис? — с тревогой спросил Грумейер.

Дорис улыбнулась ему.

— К счастью, по чистой случайности, я не возражаю, — сказала она. — Я не возражаю против того, что, когда моя ментальная оболочка восстановится, я уже не буду телепатом. Я никогда не хотела быть телепатом. Ваши начальники послали вас в эту миссию с определенной целью, которую вы заблокировали в своем сознании. И некоторым адамитам известна эта цель. — Дорис

покачала головой и откинулась на спинку кресла. Ник секунду постоял, склонившись над ней, прошептал ей несколько слов, а потом обратился не к Джилин, как Дорис, а к Миллеру.

— Этой девушки что-тонушили. Это мы — Настоящие Люди! Она должна поверить в это, а не довольствоваться ложным, чисто эмоциональным суеверием...

Полицейские едва успели остановить Джилин, когда она бросилась на Грумейера, пытаясь заставить его замолчать.

— Вся операция, — продолжал Ник, — была разделена на части, потому что адамиты вечно боятся, что земляне победят их. Это объясняет, почему пятьдесят лет назад они моментально вывели войска с...

— Я не могу открыть вам то, что вы хотите знать больше всего, — прервала его Джилин, — потому что сама не знаю это.

Ник озадаченно поглядел на нее.

— Она пытается скрыть что-то, чего не знает? Это по меньшей мере странно. Дорис?

— Мне кажется, это знает одна из ее сестер.

— Да, но мы не знаем ни их имен, ни где они находятся...

Миллер слегка улыбнулся, глядя на Джилин.

— Это не может быть скрыто так уж глубоко. Мы сможем легко вытащить из нее эти сведения.

Джилин гордо выпрямилась.

— Никогда вы ничего из меня не вытащите.

— Мне кажется, — возразил Миллер, — нам легче узнать это от Дона Слента.

Через несколько минут это было утверждено. После ареста Дону вкатили полную порцию «сыворотки правды». А Маргарет Хеилборн умела задавать нужные вопросы.

ЭРИК не озабочился тем, чтобы советник Хардинг встретился с Верной приватно. В результате она могла потерять работу, но безопасность поселка превыше всего.

В крошечном кабинете Эрика Хардинг сказал:

— Я — советник Хардинг. А вы — Верна? Ну, Верна, уже дважды вы заранее узнали о гномах и хеммерах, и совет хочет знать, каким образом. Это что-то, что мы можем использовать?

— Это просто интуиция, — покачала головой Верна. — Ощущение опасности.

— Да, я знаю про это. Но если мы увезем вас отсюда, то вы сможете организовать группу обороны?

— Но я не хочу уезжать отсюда. Я делаю здесь важную работу. Работа мне нравится, и я выполняю ее хорошо.

Как и большинство обитателей Внешней Планеты, Хардинг был крупным, упрямым мужчиной. Возможно, гномы добрались не до того, кого нужно, подумала Верна.

— Нет ничего более важного, чем истребление гномов. Что вы можете? Например, если вы возглавите группу стрелков на равнине, вы можете отыскать, где прячутся гномы?

— Я сомневаюсь в этом. Я могу ощущать опасность — но ничего кроме этого. Масса других людей...

— А вы могли бы отыскивать таких же, как вы?

Может, она бы и могла, но тогда пришлось бы обнаружить больше телепатических способностей, чем она хотела.

— Нет, — покачала головой Верна.

— Верна, вы не хотите с нами сотрудничать. Я понимаю, что вам понравилось здесь работать, и вы не хотите, чтобы кто-нибудь мешал. Несомненно, у вас важная работа, и есть способности для нее, но дело в том, что ваша работа может и подождать. Мы должны что-то сделать с гномами и хеммерами, если вообще хотим выжить.

— Совершенно верно, — кивнула Верна. — Но почему? Почему вы пытаетесь продолжать строить поселок именно здесь?

— О, дьявольщина! Прекратите! Мы здесь. И точка. И самое важное для нас — уничтожить гномов и хеммеров. Или помешать им уничтожить нас. И вот я прошу вас, ответьте честно — вы можете как-то помочь нам бороться с гномами и хеммерами? Что-то у вас есть. Скажите, как мы можем использовать это?

— Мне нужно сначала обсудить это с Редом.

— Пожалуйста, сделайте это. Ред Конрад поймет, о чем я говорю. А затем придите ко мне.

Верна поговорила с Редом, и он ответил ей прямо и честно.

Вплоть до недавнего времени Верна принимала, как очевидное, что ее нынешняя ситуация — времененная. Теперь же, когда ей пришлось разобраться в своих мотивах, она начала задавать себе вопрос, а сможет ли она действительно когда-либо оставить Реда? После разговора с ним она пошла в ратушу и встретилась с Хардингом.

— Теперь я понимаю, что вы имели в виду сегодня днем, — сказала она.

— О, благодарю за это Христа и всех Богов!

— Мистер Хардинг, мне не нравится, когда ругаются и упоминают божье имя все. Я понимаю, что это всего лишь слова без смысла, выражающие эмоции, но все же...

— Ладно, это неважно. Продолжайте.

— У меня есть кое-какие идеи. Если бы вы на какое-то время освободили меня и Реда от другой работы, дали бы нам дюжину человек, включая и моего отца, а также «крота» с открытым верхом...

— Для чего вообще нужен «крот», если он открыт?

— Для подтверждения моей идеи. Вы можете дать нам поврежденного «крота».

— И что вы будете делать?

— Обыщем окружающие равнины. Откуда-то же приходят эти твари?

Услышав об этом, Сэл не пришел в восторг.

— Мы не пробудем здесь долго, — сказал он. — Мы должны узнать все, что сможем, о землянах, а местные формы жизни не важны...

— Только не для обитателей поселков.

— Я понимаю это, но зачем нам изучать гномов и хеммеров?

Мы никогда не станем пытаться колонизировать этот мир.

— Да, мы бы не стали, верно?

— Все здешнее предприятие обречено на провал. Рано или поздно люди признают, что никогда здесь не смогут выгодно торговаться с другими мирами. Они также признают, что никогда не смогут стать независимой и самоокупаемой колонией. И тогда, в конечном итоге, им придется покинуть эту планету.

— С чего вы взяли, что так будет?

— Они упрямые, но когда-нибудь все равно сдадутся.

— Я так не думаю.

Верна действительно знала, что они никогда не сдадутся, и немного презирала Сэла, потому что он не понимал этого. Земляне упрямые, как ослы — это их характерная черта. Адамиты же слишком рациональны, и всегда отступают, когда видят, что они побеждены.

ОДНАЖДЫ Хэкстротт сам принес Стюарту обед и поставил его на прикроватный столик так, что Стюарт сразу понял – сегодня День Х.

– Поешьте, – сказал Хэкстротт. – Съешьте все, потому что сегодня вы больше ничего не получите.

Стюарт принялся за большую порцию ростбифа, жареного картофеля и гороха.

– Когда начнется? – спросил он.

– Два часа назад, – ответил Хэкстротт. – Нам пришлось подождать, пока в меню не включили те блюда, которые лучше всего подходили для задуманного.

– И когда это заработает?

– Сейчас первый обед. Земляне и адамиты обедают вместе. Вода используется для приготовления всех блюд. Кроме ростбифа и картофеля, и у землян, и у адамитов в меню включен консервированный горох. Примерно триста наших человек знают, что произойдет. И этого будет достаточно.

– А другие ничего не заподозрят?

– А почему они должны что-то заподозрить? У людей разные вкусы. Все наши триста человек не станут есть суп, ограничившись ростбифом и картофелем, никакого десерта, а вместо кофе они возьмут пиво из бутылок. Те же, кто ничего не знает, будут есть суп, десерт, пить лимонад или чай с кофе.

– А адамиты, которые не едят земных блюд?

– Вода сегодня используется во всех блюдах меню. И, разумеется, в их *акате*, который они пьют вместо кофе.

– И никто не умрет?

– Нет. Днем никто даже не почувствует сонливости. Но спустя час после ужина все, кроме наших трехсот человек, захотят спать. Некоторые лягут пораньше. Другие заснут, сидя в креслах.

– А ужин... Он что, тоже?

– И для ужина все блюда будут приготовлены на воде. А наши люди заявят, что не голодны, и ограничатся куском шоколадного пирога и бутылкой содовой.

В больших столовых план сработал безупречно. Все адамиты, кроме Уила и Томи, обедали именно там.

После обеда Хэкстротт снова пришел к Стюарту.

– С девушкой все в порядке, она пила *акат*. Правда, мы ничего не знаем о Сленте. Он, как обычно, заперся у себя в комнате.

— Он частенько ест лишь булочки с сыром, — задумчиво произнес Стюарт.

— И любит *акам*.

— Да, но у него в комнате стоит чайник, который налили рано утром, когда в воду еще не подмешали ваше зелье.

— Это не имеет значения, — уверенно ответил Хэкстротт. — За ним наблюдают и, в случае чего, с ним поступят так же, как и с ночных дежурными.

В ПОЛДЕНЬ Томи пришла к Стюарту. На его раздражительность при последней встрече она решила не обращать внимание. И на этот раз Стюарт стал вести себя по-дружески, потому что это давало ему повод предложить ей чашечку чая. Томи согласилась. Сам же Стюарт выпил налитый из бутылки лимонад.

— Вы помните, однажды у меня было ощущение нависшей опасности? — спросила Томи. — Так вот, я чувствую его снова.

— Опасность? — переспросил Стюарт.

Томи серьезно посмотрела на него.

— Если случится еще один бунт, то репрессии повторятся. Я это имею в виду, Стюарт.

— Вы хотите сказать, что поддержите репрессии?

— Я хочу сказать, что они будут неизбежны. Это будет беда и для адамитов, и для землян. Вы что-нибудь знаете? Что-нибудь заметили?

— Лежа здесь? — рассмеялся Стюарт.

— Что-то происходит, Стюарт.

— Неужели вы никогда не начнете называть меня Джоном?

— Наверное, нет. Одна из моих сестре вышла замуж за землянина. Она и еще одна сестра хотят остаться там, где находятся сейчас.

— У вас что, существует радиосвязь быстрее скорости света?

— Я говорила, что буду откровенна. Но не обещала, что расскажу вам все. Я хочу пойти к отцу и попытаться его уговорить отдать приказ улететь отсюда. Что вы на это скажете?

Стюарт задумался. План Хэкстротта может провалиться. И тогда все это закончится кровавыми репрессиями.

— А что с нашими арестованными? — спросил он. — Ваши люди увезли их на свой корабль. Они должны быть возвращены.

– Понятно, – кивнула Томи.

Внезапно Стюарт подумал еще кое о чем, что до сих пор упускал из внимания.

Ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы следующий вопрос был задан небрежно и выглядел совершенно невинным:

– И сколько времени на это понадобится?

– Корабль может быть здесь через десять часов.

Стюарт стремительно размышлял. Даже если корабль будет вызван немедленно, то через десять часов, когда он прибудет, станция уже будет полностью под контролем землян. В том случае, если все пройдет по плану.

Однако, все, кроме трехсот землян, на Форте Платон будут без сознания еще много часов. Форт не сумеет восстановить обороноспособность, со всеми включенными и отрегулированными системами, за десять часов.

А если прилетит корабль адамитов, начнется бой.

Выход один. Корабль адамитов не должен быть вызван. Или вызов нужно отсрочить как можно дольше. Форту Платон нужно дать максимум времени, чтобы снова стать Фортом, космической крепостью землян. А это будет лишь в том случае, если Томи и Слент станут недееспособны.

– Нет, – сказал Стюарт. – Я не думаю, что вам нужно улетать.

Томи посмотрела на него с прежним подозрением. Стюарт понял, что ему нужно как-то успокоить ее.

– Вы сказали, что две ваши сестры хотят остаться там, где находятся сейчас. И я понял, почему не хотите остаться вы.

– Почему же?

– Потому что вы познакомились только с одним землянином – со мной. А мы с вами не сумели найти общий язык, и я сомневаюсь, что когда-нибудь найдем.

– Вы правы, – решительно заявила Томи.

Прекрасно, подумал Стюарт, хотя и с горечью сожаления. Он потерял ее навсегда, но привлек ее внимание.

– Как и вашим сестрам, вам нужно найти землянина, который будет, по крайней мере, вам интересен.

– И как это сделать?

– Позвольте мне помочь вам. Пойдите прямо сейчас и отыщите моего брата.

– Вашего брата? Контролера?

- Бывшего контролера.
 - Но почему именно его?
- Стюарт откинулся на подушки.
- Братья часто живут не очень дружно, и виноваты в этом их общие черты характера. Аллан во многом похож на меня. Но я чувствую – и всегда чувствовал, – что мы с ним различаемся как раз тем, что вы хотели бы найти во мне.
 - Вы прежде никогда не говорили мне об этом.
 - Разумеется. Я ведь действительно заботчусь о вас, Томи. Вернее хотел бы заботиться.
- Она уставилась на него с изумлением и подозрением.
- Согласна, я здесь одинока. Но если вы решили, что я настолько одинока и сексуально не удовлетворена, что...
 - Ни о чем таком я не думаю, просто Аллан – молодой землянин, с которым вы могли бы хорошо проводить время. Хотите попробовать?

Томи встала.

- А почему бы и нет?

Когда она вышла, Стюарт облегченно вздохнул. Он сыграл на ее чувствах и на время отвлек от намерения вызвать корабль.

И, хотя попытка свести вместе эту парочку была чисто вынужденной, она могла бы и удастся. Им с Алланом всегда нравились одни и те же девушки.

Стюарт еще раз вздохнул и проверил ногу. Нога была лучше. Он уже был в состоянии, хоть и хромая, идти самостоятельно, если в этом будет необходимость.

ФАР СЛЕНТ был намеренно не допущен на эти короткие переговоры.

ДЖИЛИН: Пэрисс, я должна знать. То, что ты прячешь в своем сознании...

ПЭРИСС (Шок, недоверие. Джилин связалась с ней, издавая странное ментальное потрескивание, словно помехи при радиопереговорах. Джилин с такой силой мысли, которая сделала ее совершенно иным человеком. Джилин, всегда робкая Джилин, ревет теперь, точно львица – без Дона, без поддержки кого бы то ни было. Я вот так не могу...)

ДЖИЛИН: Пэрисс, я должна это знать. Пэрисс, мы получим его. Семя. Оно будет у нас на корабле.

ПЭРИСС: Вам что, удалось украсть его и смыться?

ДЖИЛИН: Нет, здесь все контролируют земляне, и они еще не дали его нам. Но сказали, что могли бы...

ПЭРИСС: Вот так просто могли бы?

ДЖИЛИН: Пэррис, мы должны заключить с ними сделку. Пойми, что мы побеждены.

ПЭРИСС: Вы сдались землянам?

ДЖИЛИН: Нет, но я хочу заключить сделку. У них есть семя, а ты знаешь что-то важное. Если ты скажешь мне, что прячешь, у меня будет с чем заключить сделку.

Она получила то, что просила. И Великий Николас тоже.

ПОСЛЕ ужина Стюарт с тревогой ждал новостей, лежа в постели. Он хотел знать, не случилось ли чего, пробудившего тревогу у адамитов. Но усыпляющий препарат служил также и успокоительным. Люди просто стали зевать и говорить: «Давайте-ка готовиться ко сну». Дети охотно ложились спать рано, а также и взрослые, у которых раньше не было такой привычки.

Томи, глубоко задумавшись после разговора с Аланом Стюартом, который, как оказалось, всегда считал ее самой замечательной девушкой, не замечала накатывающей на нее сонливости.

В восемь часов вечера полковник адамитов, наконец, заподозрил что-то неладное и приказал произвести проверку воздуха. Когда результаты проверки оказались отрицательными, он пожал плечами и на минутку прилег. Через пару минут он уже вовсю храпел.

Тогда триста землян стали действовать. Адамиты были разоружены во сне.

Стюарт, хромая, вышел из больницы, сопровождаемый Хэкстроттом.

— Поглядите на них, — торжествовал Хэкстротт. — Ну, прямо спящие красавцы! Только теперь нужно нечто большее, чем поцелуй, чтобы разбудить их.

Освобождение Форта длилось ровно сорок минут, и кое-где не обошлось без крови. Семьдесят адамитов ночной смены были захвачены поочередно, группа за группой. Против них было триста вооруженных землян, так что в исходе никто не со-

мневался, но на Форте появилось тридцать новых трупов, как адамитов, так и землян.

Томи и Алана Стюарта нашли в объятиях друг друга на лужайке. Они крепко спали. Что ж, подумал Джон Стюарт, это даже символично. Томи помогла захватить Форт Платон на этой лужайке, и здесь же потерпела поражение в компании того же Алана, который на сей раз оказался в числе победителей.

Еще не было девяти часов, когда Стюарт открыл дверь комнаты Уила Слента и, хромая, прошел внутрь. В руке у него был лучевой пистолет, чтобы ситуация сразу стала ясна.

— Добрый вечер, — весело сказал он. — Директор Уил Слент, должен вам официально сообщить, что Форт Платон снова в наших руках.

Уилу понадобилось лишь несколько секунд, чтобы понять, что это никакой не обман. Хэкстротт, вошедший в комнату вслед за Стюартом, тоже был вооружен. Уил вскочил, отступил к стене и выхватил из кармана прозрачный предмет, похожий на большую слезинку.

— Не стреляйте, — спокойно сказал он Хэкстротту. — Если убьете меня, это будет фатальным для нас обоих.

— Вы вызвали свой корабль?

— Да. Мне кажется, вы должны знать, Стюарт, что я не могу сдаться? Если я отпущу кнопку, которую сейчас нажимаю большим пальцем, то весь Форт разлетится по космосу. Это предосторожность, которую я приготовил с самого начала. Просто на всякий случай.

Стюарт, нога у которого сильно болела, сел поудобнее в кресло.

— Ну, хорошо. И чего вы хотите?

— Для вас это стало бы гораздо большей трагедией, чем для нас. У нас погибнет четыреста человек. У вас — пять тысяч...

— Думаю, это не единственный вариант, какой вы рассматривали.

— Стюарт, я знаю вас и буду с вами разговаривать. Скажите, чтобы он вышел и закрыл за собой дверь.

Стюарт оглянулся через плечо. Хэкстротт стоял, пошатываясь, левый глаз у него дергался.

— Сделайте, как он сказал, — спокойно попросил его Стюарт.

Хэкстротт, ни слова не говоря, закрыл за собой дверь.

— Вы убили моих людей? — спросил Уил.

— Только тех, кто сопротивлялся. Примерно человек двадцать. Остальные целы, но пока что находятся в беспомощном состоянии.

— А Томи?

— Крепко спит, как и все остальные.

— Как вы это сделали? — спросил Уил.

— Это не имеет значения. Главное, что мы это сделали. Уберите свой взрыватель, Слент.

— Нет. Он даст мне возможность заключить с вами сделку.

— Не уверен.

— Но вы же разбираетесь в нашей психологии. Если я окончательно побежден, то мне просто незачем жить. С таким же успехом я могу и умереть.

— Значит, вы взорвали бы Форт Платон и всех, кто находится в нем, и землян и адамитов, только чтобы захватить их с собой?

— Это не было бы эгоистично, Стюарт, — усмехнулся Уил. — Это было бы самоотверженно. Уж лучше так, чем полное поражение.

— А Томи?

— Видите ли. У меня самое необычное преимущество перед остальными — существует четыре экземпляра меня и четыре — Томи. И хотя у меня нет никакого желания умирать, и уж тем более нет желания, чтобы умерла Томи, если я отпушу эту кнопку, это не будет значить, что я полностью уничтожил нас обоих. Вы понимаете меня?

— Кажется, понимаю. Но я полагаю, вы чего-то хотите добиться своей мелодраматической тактикой. Чего же именно?

— Я хочу, чтобы вы позволили нам улететь.

— Всем вам?

— Естественно. Даю слово, что когда прилетит корабль, он просто заберет нас на борт и вернет ваших заключенных.

Стюарт задумался. Он был склонен принять предложение Уила.

Но тут в дверь громко постучали.

— Не отвечайте, — резко сказал Уил.

Стюарт встал, опираясь на трость.

— Все уже знают о сложившейся ситуации. Может, вспомните, что у нас есть наблюдательный пост? За нами все время наблюдают.

— Немедленно свяжитесь с кораблем, а если что-нибудь произойдет со мной, то...

— Мы все это знаем, — успокаивающе произнес Стюарт, надеясь, что не ошибся.

Он открыл дверь. Увидев, что Стюарт собирается выйти, Уил сказал:

— Останьтесь здесь. Если вы уйдете, то...

— То вы ничего не сделаете, — сказал Стюарт. — По крайней мере, пока продолжаются переговоры.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Пусть лучше так, подумал он, Уил не услышит того, что будет сейчас сказано. И он оказался прав.

Почти сразу Стюарт вернулся.

— Очень интересно, — сказал он, усаживаясь в кресло.

— Что именно?

— Слент, нам придется подождать примерно час. Может, чуть больше, но не слишком. Я предлагаю вам сесть. И будьте осторожны, не отпустите случайно вашу кнопку.

— Что вам сказали?

— Давайте просто подождем, а?

Уил покачал слезинкой, но Стюарт только улыбнулся.

Вы не сделаете таких глупостей, как, например, разнести Форт на кусочки, пока не узнаете, что происходит. Вот этим мне и нравятся адамиты. Все они любят точные, конкретные сведения.

И они стали молча ждать.

Наконец, в дверь постучали.

— Поосторожнее с вашим взрывоопасным пальцем, директор. Вам легко будет разнести нас на куски, но трудно собрать обратно.

Он открыл дверь. Вошли четверо, и Уил не отпустил кнопку, потому что двумя из них были Джилин и Дон.

СТЮАРТ и Миллер сразу же нашли точки соприкосновения. Они оба были одиноками, которым нравится работать без указки свыше. При других обстоятельствах они, возможно, были бы противниками, но теперь оба согласились о жизненной необходимости прояснить ситуацию до того, как правительство сунет сюда свои лапы.

Корабль адамитов улетел с Уилом и Доном на борту, но без Джилин и Томи.

В отличие от Верны и Пэрисс, которые, после переговоров по телепатической связи, объявили, что и думать не хотят о возвращении на Эдем, Джилин и Томи еще хорошенько подумали, прежде чем решили остаться.

Это просто абсурдно, заявил Уил, что Джилин всерьез подумывает выступать в кабаре вместе с Великим Николасом. Джилин в ответ лишь пожала плечами и сказала, что, возможно, земное правительство все равно не разрешит ей это. Но предложение Грумейера давало ей место среди землян, место для трамплина, возможность, которую раньше ей никто не предоставлял. Верна и Пэрисс уже определили свое будущее, а она пока что искала свое.

Двадцати четырьмя часами ранее Томи наверняка бы не осталась. Но сейчас она, как и Джилин, чувствовала, что приключения лишь начинаются. Она не влюбилась в Алана Стюарта, но, тем не менее, была готова встречаться с ним, или с другими землянами, кроме служащих в Форте Платон, потому что те всегда будут ненавидеть ее за то, что ее отец приказал казнить двести землян.

Томи спросила Миллера в качестве достаточно беспристрастного лица, как к ней станут относиться на Земле. Миллер ответил с кислой усмешкой:

— Вы молоды и хорошо сложены. Вы станете героиней. Вы быстро сделаете свой первый миллиард и раз восемь выскочите замуж.

Но что, наконец, сыграло для нее решающую роль, так это возможность новых способов телепатических контактов, в которых отец и дяди не участвовали.

ПЭРИСС-ХЬЮ (Станция 692): Это наш единственный путь. Мы все, конечно, должны остаться. Томи и Джилин, вам придется поверить мне на слово, а Верна, наверняка, уже в курсе, но мы просто не можем вернуться. Ну, как, Хью действует хорошо? Бедный парень даже понятия не имеет, что происходит, но старается изо всех сил.

ДЖИЛИН-НИК (Форт Платон): Не так уж и хорошо, откровенно говоря, но удивительно, что это вообще работает. Ведь

они же только люди со слабыми следами телепатического потенциала.

ВЕРНА: Почти. Но у меня тут группа, мы работаем над конкретной проблемой, и мы потрясающие. Мы не только выслеживаем гномов и хеммеров, но и можем иногда оглушить их. Сами земляне могли работать над этим много лет и не добиться никаких сдвигов, но с небольшой моей помощью – и с помощью Сэла, пока он не улетел, – мы почти что решили эту неразрешимую проблему... Но это мои дела, вас это не касается. Почему земляне дали вам то, что вы хотели? Могу ответить в четырех словах: потому что для них это пустяки.

ПЭРИСС: Верна, ты действительно понимаешь их! Наверное, Ред для тебя то же самое, что для меня Хью!

ВЕРНА: Вряд ли, Пэрисс, вряд ли. У вас там большая любовь, а у нас – трудовое соглашение. Интересно, что нам с Редом пришлось пожениться, в то время, как вы с Хью...

ПЭРИСС: О, мы тоже поженимся. Но мы хотим сначала все выяснить.

ВЕРНА: По крайней мере, они дают нам семя – прежде всего, хорошо, что у них его навалом. Точно, Джилин? А во-вторых, они вовсе не возражают давать его нам. Ничуть.

ПЭРИСС: Они отпускают об этом грубые шуточки.

ВЕРНА: Ну да, они говорят, что мужики адамиты, наверное, самые ленивые во всей Галактике, раз они даже не заботятся о том, чтобы зачинять собственных сыновей.

ТОМИ: Ладно, значит, вы все знаете об этом. А затем скажите мне честно, почему должны остаться мы с Джилин?

ПЭРИСС: Потому что иначе вы будете жалеть об этом всю свою жизнь. Потому что земляне – Настоящие Люди. Это частичка того, что я уже знаю, а вы – нет. А кто может заранее знать, что мы узнаем и испытаем еще? О, Томи, останься!

МАЛЕНЬКИЙ корабль адамитов забрал Сэла Слента с Внешней Планеты. При этом он не открыл землянам, кто такая Верна и что она вовсе не та, кем выглядит. Другой корабль взял Фара Слента и остальных адамитов, кроме Пэрисс, со Станции 692. И только когда корабль улетел, но не раньше, Хью показал Пэрисс устройство, которое позволило бы ему в любой момент вернуть власть над станцией. И Пэрисс поняла, почему

он не хотел его использовать. Это был вибратор, настроенный на определенный тип мозговых волн, который заставил бы всех, — и адамитов и землян, — кроме самого Хью Суянга, корчиться в муках сколь угодно долго. Никому это не показалось бы забавным, но, поскольку у Пэрисса была высокая телепатическая чувствительность, ее бы, скорее всего, этот прибор просто убил.

Из Форта Платон были посланы приказы всем кораблям адамитов немедленно покинуть Солнечную систему и оставить землян в покое. Миллер и Стюарт правильно рассчитали, что эти приказы, посланные от имени командующего Фортом Платон, не могут быть отменены.

— Весьма забавно, — сказал Миллер, — что мы с вами, Стюарт, вынуждены действовать великолепно, по-донкихотски. Разумеется, мы правы. Правильные отношения между землянами и адамитами явно не начнутся еще пару поколений. Мы просто даем им шанс вообще начаться. Но все равно, забавно, что это делаем именно мы.

IX

МИЛЛЕР с удивлением увидел среди членов комиссии Маргарет Хеилброн, и почувствовал, что склонен, пожалуй, обидеться. В некотором смысле, он находился под следствием. И поместив его по одну сторону стола, а мисс Хеилброн — по другую, показалось ему намеком на то, что в данной ситуации она загребла жар его руками.

Первым дали слово Джону Стюарту. Глядя на семерых мужчин и четырех женщин, он спокойно начал:

— Было предложено, чтобы уход адамитов из системы, за исключением четырех девушек, был организован почти что с неприличной поспешностью. Кроме того, были предложены долгие переговоры. Позвольте мне сразу пояснить, что это было мое решение — и оно было необходимо лишь для того, чтобы не дать возникнуть ни малейшей стычке.

Некоторые из этих шести высокопоставленных офицеров, трех гражданских лиц и двух наблюдателей, слушавших его, одобрительно кивнули. Стюарт использовал свою обычную тактику в суде, в которой он был мастером. Он упомянул о том, что

была опасность начала военных действий, а потом подытожил неизбежное в этом свете решение.

А раз никто не бросился возражать при фразе «малейшая стычка», значит, его решение было молчаливо одобрено.

— Доктор Миллер, — продолжал Стюарт, — который начал действовать даже раньше, чем власти поняли, что имеют дело с адамитами, объяснит мотивацию их поступков сразу после того, как я закончу. Между прочим, вам, наверное, не сказали, что три из четырех девушек — Томи, Перрис и Джилин — находятся сейчас здесь и готовы при необходимости дать показания.

Стюарт отлично знал, что комиссии про это не сказали, но он никогда не вел дело без тузов в рукаве.

— Нам будет очень интересно выслушать их, — сказал председатель комиссии. — Трое, вы сказали?

— Четвертая, Верна, все еще находится на Внешней Планете. Там не стали разглашать, кто она такая, но, возможно, это уже не имеет значения. Верна там что-то вроде национальной героини. Но с другой стороны, — и вы все точно знаете, что я имею в виду, — можно было бы квалифицировать всю эту историю, как неофициальный государственный визит. Давайте на мгновение взглянем на него с другой стороны. Если бы у нас появился шанс шпионить за адамитами, неужели бы мы не воспользовались им?

Все сидели молча, пока майор военно-воздушных сил в отставке не сменил тему, спросив, а почему, собственно, именно Сленты оказались владеющими этими специфическими талантами.

— Насчет этого была выдвинута теория, что причина может заключаться в том, что мужчины Сленты наполовину, а девушки — на четверть земляне.

Это произвело на комиссию значительное впечатление, и Стюарт, воспользовавшись этим, вежливо предоставил слово Миллеру.

— ЧТОБЫ прояснить ситуацию, — заявил доктор Миллер, — мне придется вернуться на десять тысяч лет назад.

Раздражительный экс-майор тут же заворчал в том смысле, что он пришел сюда не лекции слушать.

Миллер сдержался, только огрызнулся:

— Если бы вопросы, которые я собираюсь сейчас осветить, не были бы столь важными, то я не стал бы впустую тратить ваше и,

что еще более важно, мое время, чтобы подробно их разъяснить. А теперь, если позволите мне продолжить... адамиты знают свою историю не лучше, чем мы свою до египетской цивилизации. Но вот что мы знаем: когда-то продвинутые технологии древних основывались на химии больше, чем сейчас, в век техники. То, что ныне мы делаем с помощью машин, раньше делалось с помощью химии. Древние секреты достижения звезд ныне утрачены, но мы можем справедливо предполагать, что древние использовали для этого химические, а не механические средства. Религия этой древней расы, предков адамитов и землян, фанатично выступала против физических изменений в организме человека. «Создан по образу Божьему» – это осталось в нашей религии и по сей день. Адамиты нашли способ остановить эволюцию человека, поставить ее на научные рельсы. Сделали они это с помощью химии – я только это и могу вам сказать. Суть там была в том, что они стабилизировали гены, и колонисты не стали изменяться и развиваться физически. Именно в силу этого адамиты, живущие в мире, похожем, но не совсем идентичным с Землей, не приспособились к нему в физическом плане.

– Только недавно они обнаружили, что способность изменяться является рецессивной, – тут же прервал его лекцию один из членов комиссии.

– А верно ли, что многие адамиты бесплодны? – спросила мисс Хейлброн.

Миллеру не понравилось, что его прервали.

– Да, – коротко сказал он.

– И это – причина того, зачем им нужен земной банк спермы?

– Пожалуйста, мисс Хейлброн, позвольте мне рассказать так, как я хочу.

– Я просто хотела вам помочь, – услужливо промолвила она.

Не обращая на это внимание, Миллер быстро продолжал:

– Бесплодие стало большой проблемой только тогда, когда они начали колонизировать другие планеты. Окружающая среда этих миров потребовала определенных физических изменений. Но адамиты не могли измениться. И вот пятьдесят лет назад адамиты встретили землян. Земляне могли приспособливаться – они нет. Земляне свободно могли размножаться в различных новых мирах – они не могли. Именно осознание собственной неполноценности больше, чем что-либо другое, заставило адамитов отступить. Но примерно сорок лет назад возле Эдема появился

земной корабль. Он был неисправен, а Эдем оказался единственной населенной планетой, до какой он сумел добраться. При посадке на Эдем он потерпел крушение. Из семи выживших только один полностью излечился. Четверо умерли в течение месяца, двое других остались беспомощными калеками и через год-другой тоже умерли. Выжившим человеком был Джеймс Робертсон, второй радиооператор. Очевидно, жизнь его на Земле сложилась неудачно, потому что он с радостью предпочел остаться жить на Эдеме. К нему отнеслись вполне дружелюбно. Поскольку адамитам было нужно узнать все, что можно, о Земле, он стал важной персоной. Вопрос о его возвращении на Землю не возник, да он и сам не хотел этого. Он даже взял себе адамитское имя, женился на адамитке и произвел на свет четырех близнецов, которых называли Уилом, Фаром, Доном и Сэлом.

Все молчали. Никто не проронил ни слова.

— То, что заинтересовало адамитов, покажется нам незначительным, но для них это было очень важно. У младенцев не было генов, мешающих физическому развитию. Они могли развиваться. И их дети тоже могли приспособливаться к окружающим условиям. Развитая эмпатия между братьями Слент не вызвала у адамитов особого интереса — их двойняшки и тройняшки тоже обладали такими способностями. Но вот что у четырех девочек имелся телепатический дар, было совсем другим делом. Это доказывало, что Эдему была необходима земная кровь. Было ли это предназначением или нет, но именно она явилась ключом, отпирающим генетическую темницу адамитов. Они могли вернуть себе все, утраченное за сотни поколений. Например, у адамитов весьма маленький рост. У нас землян, за последние несколько сотен лет произошло увеличение среднего роста и веса. Адамиты же...

— Доктор Миллер, — опять прервала его мисс Хейлброн, — но адамиты, которые прилетели к нам...

— Я знаю, что вы хотите сказать, — огрызнулся Миллер. — Сленты весьма высокого роста по вполне очевидным причинам. А для всего другого персонала, участвовавшего в этой операции, были выбраны очень высокие адамиты. У Робертсона больше не было детей, а все его сыновья оказались бесплодны, кроме Уила. Адамиты знают не меньше нашего об искусственном оплодотворении, так что есть буквально сотни мужчин и женщин, потомков Робертсона, и у некоторых из них обнаружены телепатические

способности. Робертсон уже мертв. Он умер семь лет назад, еще до того, как стало известно в полной мере значение его дара Эдему. И хотя у Слентов есть лишь четыре девушки Уила, у них также есть сотни искусственно выращенных потомков, среди которых нередки телепаты.

Собственно, дальнейшие объяснения Миллера были уже не нужны.

Главной целью операции адамитов являлся захват земной спермы. Четыре девушки, явно талантливые, должны были забеременеть, но, главное, они намеревались украсть сперму из земного банка спермы. И это имело бы решающее значение для всех адамитов.

Адамиты, отчаянно нуждаясь в земном семени, даже не подумали просто попросить. Они решили, что должны украсть его, и пытались спланировать операцию так, чтобы не развязать космическую войну.

АТМОСФЕРА на встрече сторон вначале была далеко-далеко от дружественной.

Генерал Принт был еще жив, но на слушаниях он уже выказался в том ключе, что жалеет, что не умер до того, как стал свидетелем возвращения на Землю четырех побежденных руководителей этой операции без их главной силы – дочери и племянниц.

– Мои дочери составили особую команду, генерал, – со спокойным достоинством ответил Уил. – Вы сами согласились на это. Я не собираюсь оправдываться, но вы не можете винить никого из здесь присутствующих за то, что они приняли решение остаться.

– Да, – признал генерал, – но вы потерпели поражение. Вы же сами признали это. Земляне одержали победу на всех четырех участках вашей операции.

– А вот здесь, – сказал Сэл Слент, – вы не только несправедливы, но и совершенно неправы, генерал. У нас нет никаких оснований думать, что на Внешней Планете в нас когда-нибудь опознали бы адамитов. Отчет Верны состоит из сплошных успехов во всех ее действиях.

– На Станции 692, – добавил Фар Слент, – землянин по имени Суянг, возможно, и освободил бы ее от нас. Но мы просто не знали, что он телепат, а потому не могли прочитать его мысли.

— Не нравится мне все это, — поморщился генерал Принт. — Вы просто стремитесь избежать ответственности. Сначала вы вините этих четырех девушек за то, что в команду они вошли одни, без вас. Затем оправдываетесь. В мое время офицеры-адамиты в битве стояли до конца и либо побеждали, либо погибали.

— И опять вы неправы, намекая, что этому мы научились у землян, — сказал Уил. — В некоторых национальных армиях царили порой подобные убеждения. Но нужно уметь менять убеждения, иначе вы проиграете.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил генерал, пытаясь сохранять самообладание.

— То, что если мы потерпели неудачу, то сделали это как руководители адамиты, следуя традициям адамитов. И если по законам мы должны быть за это казнены, то я скажу сейчас то, что повторю, когда мне предоставят последнее слово: если вы станете бороться с нами таким способом, то проиграете.

— Это ваше продуманное мнение?

— Это мнение всех нас, — ответил Уил, и трое его братьев кивнули.

— Этому будет отдано должное.

Встреча продолжалась еще долго, и старый генерал Принт очень устал. Но он и другие члены комиссии вынуждены были, наконец, признать, что сидящие перед ним четверо офицеров занимали теперь совершенно иную полицию, чем прежде. Они не были теми же самыми, что в начале операции.

ПЭРИСС поссорилась с Хью, потому что была беременна и капризничала. Они никогда еще не бросали друг другу таких упреков и были потрясены всем сказанным. Последовавшее за этим примирение было громадным облегчением для них обоих.

Хью, ее Хью, ее почти идеальный Хью, долго извинялся и открыто и совершенно искренне признал, что относится к ней не просто как к жене, но и как к человеку, как к личности.

— Мы — Настоящие Люди, — внезапно сказала Пэрисс.

— Прошу прощения? — не понял Хью.

— Мы — Настоящие Люди!

— Да, я так и услышал. Но что это значит? Мы с тобой? Мы с тобой и наш будущий ребенок? Мы с тобой и...

— Ты не понял, любимый. Мне жаль, но это правда. Ты — всего лишь землянин и признанный, но не очень сильный телепат.

— Что значит, не очень сильный? Последние испытания показали...

— Да, любимый. Я люблю тебя независимо от того, как прошли твои последние испытания. Ты для меня самый замечательный. Ты просто чудесный! Но мы — люди, считающие, что все равны. Адамиты и земляне, и потомки этих двух рас. Нас четверо. Верна и Ред живут и работают на Внешней Планете. Ты теперь полковник и прекрасно знаешь, что никогда бы не получил свое звание в этом возрасте, если бы не женился на мне. Томи и Алан занимают высокие посты в ООН, а Джилин так богата, что может делать все, что ей только захочется...

Хью поцеловал ее.

— А теперь, пока ты меня не побила, — заявил он, — я хочу сказать тебе прямо. Ты наполовину права. Но только наполовину. Ты и твои сестры просто невероятны... Но скажи мне, кем стала бы Верна без Реда? Джилин без Ника или другого мужчины, поддерживающего ее телепатические силы? А Томи без Аланы? Или ты сама без...

— Ты прав, любимый!

— Но ты только что говорила...

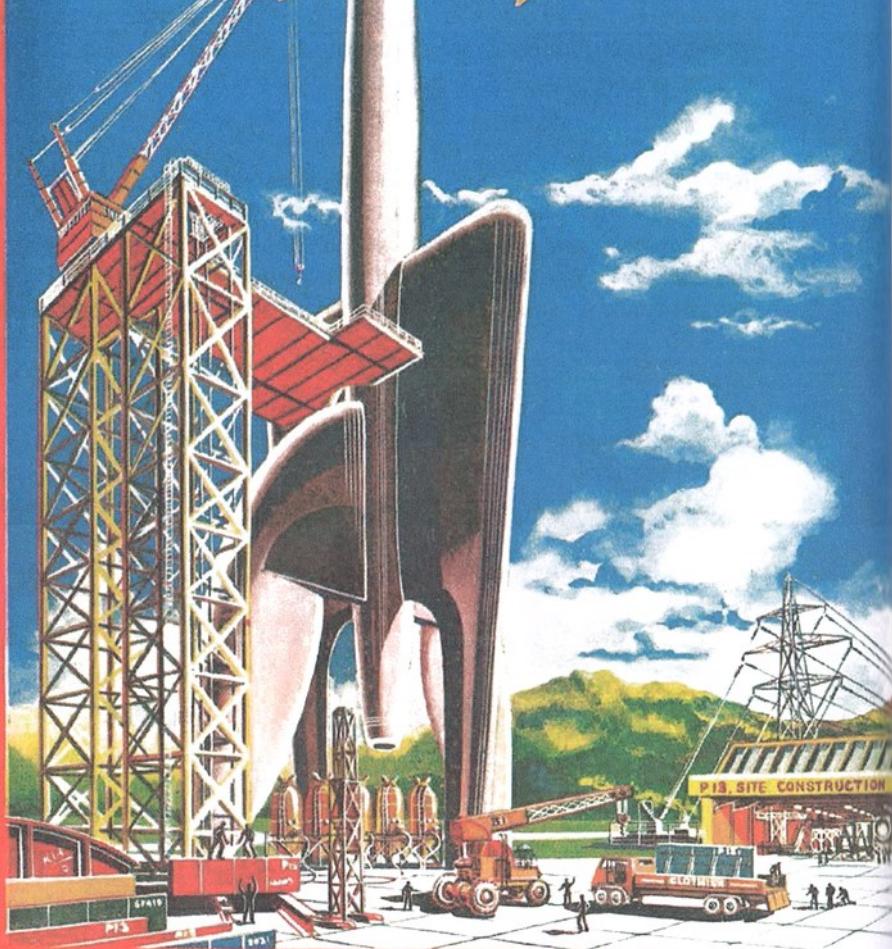
— Язык слишком беден, чтобы передать то, что я хотела сказать, — вздохнула Пэрисс. — Настоящие Люди — это те, кто нуждается друг в друге. И ты понял, что я имела в виду именно это.

(If, 1971 № 11-12)

WINTER
1951

NEW WORLDS

fiction of the future

**TWO
SHILLINGS**

КОГДА ЧУЖАКИ ВСТРЕЧАЮТСЯ

МОЕГО ОТЦА расстреляли, как предателя. Конечно, он был убийцей, но посчитали, что предательство хуже, чем просто убийство, об убийстве едва упомянули на коротком, но справедливом суде.

Мне было тогда пятнадцать, но выглядела я на все двадцать пять. На дюйм ниже пяти футов, дочь предателя, молчаливая, бесстрастная, и одновременно — генерал армии. Да, генерал Прайс — генерал Филлис Прайс, генерал, равного которому по званию не было в армии. Я была также невероятно красива, но все знали, почему. Однако, никто, кроме меня, не знал всех подробностей и вряд ли когда-нибудь узнает, но в общих чертах эту историю знали все на Земле.

Я была генералом, а потому должна была сидеть на всех заседаниях, и знать все, что происходит, и говорить, одобряю я это или нет. Но не могла обычная гражданская женщина противоречить премьер-министру, военному министру, министру авиации, фельдмаршалам и адмиралам. И мне временно дали звание генерала, потому что Земля стояла лицом к лицу с двумя великими врагами, и я была единственным человеком, который хоть что-либо знал о них, не считая моего отца. Когда он умер, никто не упомянул о том, что я его дочь. По молчаливому признанию, я ничем не могла помочь ему.

Два года назад двадцать тысяч человек собрались за пределами Лондона, чтобы прокричать приветствия Джиму Прайсу, улетающему на Марс, и отвернуться с полными слез глазами, когда его корабль исчез из виду. Я и не предполагала тогда, как хорошо, что я знала этот корабль. Тогда Джим Прайс был героем, человеком, покорившим Луну и открывшим всему человечеству путь к звездам. Я тоже была там, но тогда у меня было лишь слабое сходство с Филлис Прайс два года спустя. Я была бледным мальком в синем хлопчатобумажном платье, как и большинство тридцатилетних девочек, когда камеры корреспондентов запечатлели Первого Человека на Луне Прайса, нежно прощавшегося с любящей дочерью перед тем, как раздвинуть на несколько миллионов миль границы Человечества. Он не стал много го-

ворить мне, а просто сказал: «Я все расскажу тебе, Фил, когда вернусь».

Целый год я была одна, думая о том, могу я считаться сиротой или нет. Жила я со старшей сестрой матери, тетей Маргарет. Я была обычной девчонкой, больше интересовавшейся качелями, звездами экрана, модами и мальчишками (которые не очень-то интересовались мной), чем отцом где-то там, в космосе. У меня никогда не было возможности полюбить его по-настоящему. Я послушно пыталась, но не могла не думать о том, что если он не вернется, то это не будет иметь для меня почти никакого значения.

Однажды ночью я сидела в постели, подхваченная водоворотом эмоций юности, когда тихо открылась дверь и кто-то вошел и остановился возле круга света, отбрасываемого моим ночником. Я стиснула руками простыню, испуганная и одновременно охваченная любопытством, думая о том, не произойдет ли со мной впервые в жизни что-то достойное газетных заголовков. На дочь героя космоса напали в спальне...

— Ты не помнишь меня, дитя? — тихо сказал он.

Он был точно таким же, как раньше, одетым в тот же комбинезон. Я вскочила с кровати и бросилась к нему. Его смерть имела бы для меня слишком маленькое значение, но бывают моменты, такие, как этот, когда вы оказываетесь в паутине эмоций, радости и слез, пораженные чем-то внезапным. Я обняла и поцеловала его. В этот момент ничего в мире не имело значения, ведь он вернулся.

— Корабль стоит на аллее, — внезапно сказал он, нарушив молчание. — Одевайся.

Я перестала рыдать и с любопытством уставилась на него.

— Я вынужден сделать это, Фил, — сказал он.

Лицо его было в тени, так что глаза казались лишь черными провалами.

— Что сделать? — спросила я.

— Я не могу пойти сам, — продолжал он, словно говоря сам с собой, — но кто-то ведь должен. Это — единственная надежда. Если бы у меня был сын, это должен был бы сделать он. Но...

Я потащила его на свет, со страхом ожидая увидеть изуродованное, страшное лицо. Но он не изменился, не считая того, что глаза его избегали встречаться с моими.

— Ты хочешь забрать меня на Марс! — испуганно прошептала я.

— Нет. Никуда я не собираюсь тебя забирать. Ты летишь одна. И не на Марс, а на Венеру.

Мир завертелся вокруг меня, но тут же замер, выглядя куда более многообещающим.

— А ты не был на Венере? — с упреком спросила я его.

Он покачал головой. Тут же я представила себе то, что мне очень понравилось. Девочка покоряет космос. Филлис Прайс — первый человек, приземлившийся на Венере. Это было бы в учебниках истории и через тысячу лет. И через двадцать тысяч лет меня бы по-прежнему помнили. Дети в школе учили бы дату высадки Филлис Прайс на Венеру. В венерианских городах были бы площади имени Филлис Прайс...

— Почему ты раньше не говорил мне это? — задумчиво пробормотала я.

Он холодно улыбнулся, возможно, запоздало поняв, как должен общаться со мной. Я забыла про опасности. Точнее, поскольку я не полная дура, я решила просто не думать о ней, пока нет необходимости. Меня ослепил блеск будущей славы.

— О... Ну, в общем... Если это необходимо... — пролепетала я.

— Хотел бы я сам знать. Это было ужасной ошибкой.

Но меня не интересовало то, что он там говорил. Он выпустил меня из объятий, чтобы я оделась.

— Не трать напрасно время, надевая много одежды, — сказал он. — Там жарко.

— Жарко — в космосе?..

— Ты не поймешь, если я начну подробно объяснять. Атомные двигатели создают тепла больше, чем корабль успевает отдавать в пространство. Но я записал все, что ты должна знать.

Так что пять минут спустя я вышла, дрожа от прохлады осенней ночи, одетая для теплой погоды. И снова отец подгонял меня, не давая времени подумать. Мой энтузиазм быстро испарялся. Если я должна одна лететь на Венеру, то мне бы хотелось, чтобы меня провожали толпы людей под звуки духового

оркестра, как провожали Джима Прайса. И я, наверное, что-то сказала об этом.

— Если бы люди узнали то, что знаю я, — сказал он, — то они вообще не позволили бы тебе никуда лететь. Именно поэтому я так поспешно отправляю тебя одну.

— Они бы остановили меня? Потому что для меня это опасно?

Отец усмехнулся во мраке ночи.

— Никто бы не стал останавливать тебя только потому, что это опасно, — сказал он. — Они бы просто пожелали тебе удачи.

Мы дошли до небольшого корабля, посаженного аккуратно на аллею, точно автомобиль. Корабль был одноместный, но все равно раз в пять больше любого автомобиля.

Отец открыл люк. Я невольно отступила на шаг.

— Но это просто смешно, — сказала я. — Я не умею управлять им. Я...

— Я позаботился обо всем. На столе ты найдешь записи, где сказано все, что тебе нужно сделать.

Он тихонько втолкнул меня в люк и запер дверь.

Возможно, мне нужно было колотить в нее, пока он не выпустил бы меня, но у меня перед глазами все еще было розовое видение героического полета, и под его влиянием я прочитала записи отца и запустила двигатели. Курс был задан заранее. Прежде чем я успела все понять и обдумать, я уже вылетела за пределы земной атмосферы.

Разумеется, стало жарко. Я начала читать подробные инструкции, и пот градом катился у меня по лбу.

Все было не так просто, как он считал. Мне нужно было научиться управлять кораблем, и много чему еще. Потянулись бесконечные дни, потерянные дни, потому что в памяти у меня не осталось ничего, чем бы они отличались от других. Мне нужно было привыкнуть к постоянной жаре — это было похоже на привычку жить в турецкой бане. Мне нужно было развить у себя чувство времени, которое было бы независимым от смены дня и ночи. Весь мой маленький ум был напряжен до предела просто для того, чтобы оставаться нормальным. Но все же я не была недовольной. Я чувствовала себя героиней космоса.

Я долетела до Венеры. Наверное, это глупо, но перед приземлением я надела одежду, которую сбросила уже после того, как

пролетела от Земли лишь несколько тысяч миль. Нельзя сказать, что без одежды было прохладнее, но, по крайней мере, ничто не пропитывалось потом. Поверх одежды я натянула эластичный спецкостюм, который позволял мне выжить в ядовитой венерианской атмосфере. Я не физик, но читала записи лекций о Венере. Здесь было мало кислорода и гораздо больше углекислого газа. Без спецкостюма я не прожила бы и тридцати секунд в этой горячей, влажной атмосфере.

Я никому не рассказывала подробно, что произошло на Венере – и никогда не расскажу. Я не боюсь за свой здравый ум – он достаточно крепкий. Я боюсь за здравый ум других... ну, все зависит от того, как у них развито воображение. Так или иначе, все это не касается землян. Все это останется между мной и венерианами.

Да, венериане существуют. Они мало чем отличаются от людей в том смысле, что у них есть две ноги, туловище, голова и две руки. Но когда они стоят, то больше походят на стоящий на хвосте самолет, с короткими ногами и маленьким хвостом, наклоненным вперед телом и раскинутыми в стороны, точно крылья, руками. Вот только они не летают. И тела их не были ни на что пригодны.

Они вдыхают углекислый газ и выдыхают кислород. Их легкие – а легких у них два, как и у нас – разлагают атмосферу Венеры на сотню компонентов и дистиллируют чистый углекислый газ.

Они мыслят, но не так, как мы. Мыслят они подобно двигателю внутреннего сгорания, серией крошечных взрывов, и проявляют в этом потрясающую мощь. Если вы встретите венерианина, то вскоре сможете разговаривать с ним, даже если вы окажетесь первым встреченным им человеком. Он вынудит вас сказать что-нибудь – для него не имеет значения, что именно, – и он проанализирует это, а через час-другой уже будет разговаривать по-английски так же, как вы, или даже лучше. И голос его будет точной копией вашего голоса.

Когда я рассказала им обстоятельства своего появления на Венере, как мой отец вернулся с Марса и тут же послал меня на Венеру на своем корабле, они вдруг проявили неожиданный интерес к моей истории.

Они обсудили ее тут же, в моем присутствии, на моем языке.

— Мог он надеяться на нашу помочь в борьбе против марсиан? — спросил один венерианин, излагая мысли вслух. — Очевидно, марсиане нападут и захватят Землю, если не вмешаемся мы. Так всегда случается, когда две неравные расы вступают в контакт. Земляне ведут себя так, словно не знают об этом. Но раз он знал о нашем существовании и послал девушку сюда, то у него должны быть какие-то источники информации о нас. И это можно вычислить методом дедукции.

— Земляне не могли сделать такие выводы, — ответил другой. — Должно быть, это были марсиане.

— Погоди, — сказал первый венерианин. — Земляне ведь могут измениться. Наверное, у них есть большие потенциальные возможности, чем у тех, что они уже проявили. Джим Прайс может быть один из великих мыслителей Земли. Суперчеловеком.

— Нет. Насколько мы узнали от девушки, они мало меняются. Они до сих пор думают, что прогрессируют из низших существ, в то время, как они явно регressingируют из высших.

Запомнить можно лишь то, что понятно. И когда венериане были озадачены и пытались сделать выводы, я получила возможность понять их мыслительные процессы.

— Из того, что мы знаем о Прайсе от его дочери, — сказал первый венерианин, — он, должно быть, надеялся, что она вернется. Так же, как марсиане позволили вернуться ему. А зачем они это сделали?

— Наверное, только для того, чтобы потребовать от землян сдаться, — ответил кто-то еще. — Разумеется, наша цель будет чисто этичной. Но теперь, когда все три расы могут начать летать друг к другу, назревает вопрос: которая раса самая развитая — мы или марсиане?

Что касается меня, то я не могла бы представить расу, которой они могли бы испугаться. Но я вообще не могла их представить, пока не встретилась с ними.

Разум венериан так устроен, что ему не нужно ничего — ни математика, ни техника, ни общество. У них был разум, который брал начало в некоей общей схеме Вселенной, разум, который не могли уничтожить никакие физические силы, ничего, кроме расстояния. Единственное, что ограничивало венериан, это их

медлительные, плохо приспосабливающиеся тела, в которых, как в пленау, был заключен их разум.

Даже тогда, перепуганная, полубезумная, испытывавшая постоянные физические и душевые муки, я поняла, что у венериан есть своя слабость, и если когда-нибудь какая-либо раса узнает о ней...

Одно было мне ясно. Космические полеты могла открыть лишь земная наука. Марсиане, если верить венерианам, были чисто логической расой без всякого воображения. Они не смогли бы использовать метод проб и ошибок, единственный метод, годный для открытия космических полетов. Венериане поклонялись красоте, справедливости и гениальности. Они не были учеными в точном смысле этого слова. У них не было технических способностей. Они не создавали машин. Получив космический корабль, они могли продублировать его, увеличить в размерах, понять, как действуют все его механизмы, но никогда не сумели бы развить и модернизировать его.

Но и без машин они могли оказаться ужасным врагом. Почему отец отправил меня на Венеру, чтобы передать венерианам тайну космических полетов? Этого не знали даже сами венериане. В качестве рабочей гипотезы они использовали предположение, что он хотел получить от них помощь против марсиан. Но они понимали, что этой гипотезе совершенно не соответствует то, что отец выбрал в качестве эмиссара меня, а не себя самого.

Я не подвергала сомнению выводы венериан. Любой из них мог бы, ничего не зная об автомобилях, запросто сделать выводы о том, какое для них более пригодно топливо.

Когда они закончили со мной, то, возможно, они бы отпустили меня обратно на Землю. Но даже если бы у венериан были бездомные собаки, то и они бы с жалостью глядели на меня. Венериане не были садистами и не собирались сознательно калечить меня. Но наверняка какой-нибудь венерианский философ тоже когда-то высказал изречение, что нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

Так что они любезно реконструировали меня. Разумеется, силой разума, у них ведь не было техники. Я принадлежала к чужой расе, но это для них не имело никакого значения. Единственное сходство между венерианами и землянами кроется

в одинаковых стандартах красоты. Зная секреты абсолютной красоты, они сделали меня такой, какой еще не была ни единая женщина. Представьте, что в мире, где вообще не знают радио, появился супергетеродинный приемник с восьмью каналами. Я стала чем-то вроде этого.

Когда я вернулась на Землю, то и без всяких зеркал знала, что я самая красивая женщина на планете. Рядом со мной были бы одинаково отталкивающими и звезды экрана, и отвратительная старуха. Кроме того, срок моей жизни увеличился лет до пяти-сот. Мой разум был очищен, перестроен и обострен так, что стал гениален даже по сравнению с самими венерианами. Я могла получить от жизни больше, чем любой другой человек на Земле. Это было частью решения этической проблемы венериан, что со мной делать. Но тут крылось и еще кое-что. Когда они захватили власть на Земле, я все еще была в фаворе. Возможно, для того они меня и создали.

Как можно объяснить необъяснимое? Это риторический вопрос. Этого сделать нельзя. Можно лишь понять, что произошло. Хотя иногда и это достаточно непостижимо. Я не понимаю венериан. И не пытаюсь понять их. И, по крайней мере, я не ошибаюсь настолько, как те, кто знает о них гораздо меньше меня.

Во время полета я узнала о себе много такого, чего не знали даже венериане. Они не учли способностей человека к развитию. Или, по крайней мере, не обратили на это внимания. Они показали мне то, что, по их мнению, я никогда не смогла бы сделать сама. Но у человека есть действительно удивительные способности.

Я вполне открыто совершила посадку на Земле возле Лондона. Я предполагала, что мне придется вступить в переговоры с отцом, премьер-министром, армией и передовыми учеными Земли. И оказалась права.

Я обнаружила, что вся Земля уже подчинена военному режиму.

Я отсутствовала семь месяцев. И лишь спустя это время я узнала, что мой отец привез с Марса.

Естественно, венериане оказались правы. Марсиане были сугубо логической расой. Сами они никогда бы не открыли тайну космических полетов. Это совершила Земля, презираемая как

марсианами, так и венерианами, и распахнула тем самым двери двум самым страшным врагам.

Сразу после приземления меня окружили солдаты. Это не были грубо-ватые, но добродушные томми¹ из романов и относительно галантных местных войн. Это были суровые бойцы, которым уже доводилось стрелять из автоматов по охваченным истерикой толпам и видеть друзей и родственников в концлагерях. Земля не могла позволить себе паники. Демократия и права человека были заморожены до соответствующего приказа.

— Вперед, куколка, — сказали они и попытались подтолкнуть меня, только чтобы показать, что не считают меня кем-то лишь потому, что я прилетела с Венеры.

Они были грубы со мной, потому что научились быть грубыми со всеми. Они научились этому, обыкновенные, приличные люди, имеющие семьи, как учатся прислужники любых диктатур.

Однако, со мной это не прошло. Я достаточно научилась у венериан, чтобы показать им, что, даже безоружная, я вовсе не беззащитна, и что хотя их двадцать человек, я могу пойти с ними, а могу и отказаться. Как мне захочется.

Этой же ночью состоялось совещание. Я не видела своего отца, пока нас не посадили друг против друга перед Советом из пятидесяти государственных мужей, военных, ученых и пропагандистов.

Маленький инцидент сказал о многом. Прежде, чем началось совещание, отец поднялся и хотел подойти ко мне, но его с силой посадили обратно на стул. Он снова попытался встать, но его буквально швырнули на место. Если подумать, это прекрасно продемонстрировало характер всего мира.

Я по-прежнему не отличалась радикально по характеру от ребенка, которого отправили на Венеру. Выглядела я по-другому и мыслила иначе, но была той же самой девчонкой. С порывистостью подростка я вскочила и прошла к отцу сквозь охрану. Они шлепнули бы меня, если бы смогли.

Но когда человек решает что-то сделать, его мысли находятся не только в голове, но и вокруг него. Я не была телепатом —

1 Томми — простонародное название английских солдат.

строго говоря, венериане тоже не были телепатами. Я не умела читать чужие мысли по своему желанию, но могла перемешать их со своими. Никто не сумел бы убить меня, даже когда я спала. Я всегда могла потянуться и так исказить любую направленную против меня мысль, что убийца застрелился бы или упал и стал корчиться в муках. Я не умею управлять людьми. Я только могу помешать им управлять самими собой.

— Зачем ты послал меня на Венеру? — тихо спросила я отца.
— Потому что, если существует выход, то он именно в этом.
— Ты знал, что они сделают со мной?
— Марсиане при помощи логики вычислили характер венериан так же, как и землян. Я примерно знал, что должно произойти. Фил, скажи мне, это помогло? У тебя есть идея, как спасти Землю?

— Почему ты не полетел сам? — спросила я, игнорируя его вопрос.

— Потому что тогда венериане узнали бы все, что я знаю о Марсе. А также о большей части земной науки. От тебя же они могли мало что узнать.

— Значит, ты знал, что они вытащат из меня все, что я знаю?
Он устало пожал плечами.
— Так было и со мной. Марсиане узнали то, что хотели, с помощью сыворотки правды и их собственного варианта детектора лжи — а иногда они использовали вычисления и анализ. Когда же ничего не помогало, они так воздействовали на мои нервы, что я криком кричал от боли и выкладывал им все, что знаю. Как и ты, я ничего не мог скрыть от них.

Совет загудел, готовый начать совещание и прекратить эту фантастическую беседу между отцом и дочерью, которую никто больше не слышал... но любой, кто пытался вмешаться, падал на пол и начинал корчиться, как раздавленное насекомое.

— Почему ты думаешь, — тихо спросила я, — что я ничего не могла скрыть?

Глаза его вспыхнули.
— Но, Фил... Как ты могла...
— Они пытали тебя, — холодно заявила я, — и ты сломался.
Он молча кивнул.

— Но на тебе не видно никаких следов, — бросила я, небрежно осмотрев его.

— Да, следов не осталось. У них слишком хорошо развита медицина, как и другие науки, чтобы калечить меня. Простое прикосновение к кнопкам... — Он задрожал.

— На Земле мы не так извлекаем из людей информацию, — продолжал отец после паузы. — Мы не такие равнодушные. Мы заставляем людей говорить под воздействием сыворотки правды, но они постепенно сходят с ума. Мы садистки пытаем их, и люди умирают на допросах. Марсиане же знают, что могут продолжать свои опыты сколь угодно долго. Я знал, что не умру. И что это будет продолжаться вечность... Когда марсиане узнали все, что хотели, они стали перепроверять. Мне пришлось самому обыскивать свою память, чтобы сказать им хоть что-то, что могло бы их заинтересовать. И когда, наконец, я не сумел ничего найти, только тогда они остановились. Что же тут можно скрыть, Фил?

Я отвернулась от него и вернулась на свое место. Я знала, что будет дальше. Это было жестоко, почти так же жестоко, как и посыпать меня на Венеру.

Совещание длилось двенадцать часов. Мой отец, очевидно, в сотый раз повторил то, что мог рассказать о Марсе. Марсиане были двуногой, холоднокровной, многофункциональной формой жизни. Они могли жить на своей планете, на Земле и, вероятно, на Венере. Они могли ограничивать свою численность или быстро размножаться. Они намеревались через несколько недель прилететь на Землю и захватить ее. Именно так.

Их наука прошла мимо космических полетов, но не упустила многое другое. В отличие от венериан, они бы прилетели не на кораблях, скопированных с земного. Они прибыли бы на громадных кораблях, способных летать быстрее в десятки раз.

— А зачем, — спросил кто-то, — вы послали свою дочь на Венеру? Чтобы мы получили второго врага, хотя и с первым не могли справиться?

Интерес, с которым все ждали ответа, показал, что на этот вопрос отец ранее отказывался отвечать.

Но сейчас он был готов ответить на него.

– Потому что марсиане боятся венериан, – сказал он. – Они не держали это в тайне от меня, потому что собирались отправить меня обратно, чтобы я вернулся на Землю, рассказал о марсианах, и мы сдались бы им без сопротивления. Но вспомните, как теоретики, они куда лучше нас. Они точно знали, на что похожи земляне, задолго до того, как получили то, что мы называем доказательствами. Им также была известна природа венериан, хотя они никогда не имели с ними связи. Но в то время, как мы не представляли для них проблемы, они боялись того, что могло произойти при их столкновении с Венерой. Они боялись ментальных сил и гипноза венериан. И чтобы попробовать хоть как-то спасти Землю, я послал свою дочь на Венеру, чтобы раскрыть венерианам тайну космических полетов, хотя она и не знала, с какой целью летит.

– И что вы предлагаете нам сделать теперь?

– Сдайтесь марсианам.

Первое слово было произнесено в тишине, но второе заглушили гневные крики. Отец вскочил на ноги.

– Выслушайте меня! – закричал он. – Если мы сдадимся марсианам, то окажемся вне конфликта, который начнется достаточно скоро. Когда чужие расы встречаются, между ними не может быть никакого сотрудничества, а только борьба за выживание. Я понял это. Если мы сдадимся, марсиане будут вынуждены защищать нас, иначе потеряют все выгоды от нашей сдачи. Их борьба с венерианами может продолжаться много лет, даже столетий. А мы за эти столетия можем достигнуть чего-то такого, чего не сумеем достичь за несколько недель.

После этого наступила тишина, пока члены Совета обдумывали предложение Джима Прайса. В его плане была нехорошая подоплека, но он, без сомнения, был достоин обсуждения, даже если потом его отклонят. По крайней мере, никто до сих пор не предложил ничего другого.

– Мы еще не выслушали Филлис Прайс, – сказал полковник Термер.

Он был одним из тех, кто корчился на полу в неразумной попытке добраться до меня. Возможно, потому, что он был молод и полон сил, он пришел в себя быстрее остальных. Он наблюдал

за мной, а я наблюдала за ним с естественным интересом, который не был чисто безличным.

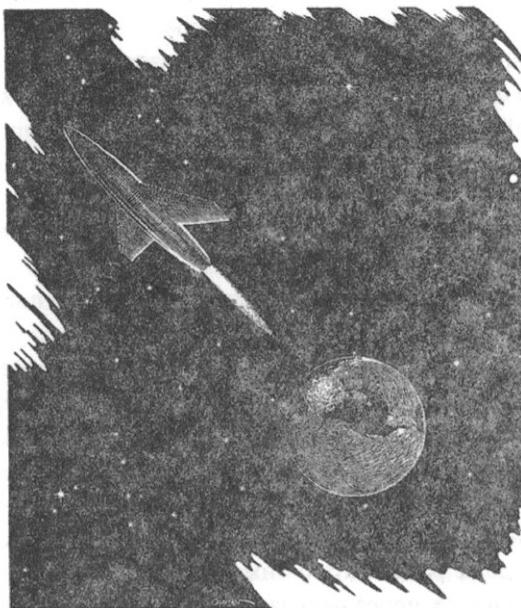
Я встала. Венериане не сделали меня слишком высокой, так что нельзя сказать, что я посмотрела на всех собравшихся свысока.

— Мой отец прав, — сказала я. — Я могу даже расширить его предложение. Несколько минут назад вы видели один из эффектов той силы, которую венериане передали мне. Возможно, стоит объяснить, что это такое. У человеческого разума есть потенциальные возможности, которыми он не пользуется в обычной жизни. Мы это знали задолго до того, как мне рассказали венериане. Один из любопытных аспектов этого — то, что люди могут делать почти все, что считают возможным. Например, можно веками думать, что что-то невозможно. Но потом кто-нибудь делает это, и вскоре за ним следует множество других людей. Подобные случаи происходят в легкой атлетике, альпинизме, психологии, технике музыкального исполнения, высшем пилотаже — почти в каждой области, которую мы развиваем. Невозможное часто становится возможным не из-за новых открытий, а потому, что мы видим, что это уже было сделано однажды, а значит, может быть сделано снова. Это та способность, — сказала я, выделяя каждое слово, — которой нет у марсиан и венериан. Разве я не права? — обратилась я прямо к отцу.

— Нет, не думаю, но я...

— Именно из-за этого обычный ребенок, которого отправили на Венеру — уж простите мою нескромность, — стал кем-то особыенным. Я думаю, мне удалось скрыть от венериан две вещи. Во-первых, это фантастическая быстрота моего ментального развития, как только я узнала, что можно сделать одним лишь разумом. Признаю, я лишь начала развиваться, но не вижу, что могло бы меня остановить. Думаю, что через несколько недель мне лично нечего будет бояться на Земле, на Марсе и даже на самой Венере.

Я не думаю, что венериане учили это. Они знали, что у нас большие потенциальные способности, но не понимали, как легко и быстро мы сумеем их развивать. Через несколько лет я сравняюсь с венерианами по силе мысли. И к тому времени я смогу передавать свои способности другим, как венериане пе-

редали их мне. Это будет медленный процесс, я смогу обучать лишь несколько человек за один прием. Но лет через пятьдесят, а может, и меньше, Земля уже не будет беззащитной. Она станет равной, а может, и превзойдет Венеру — и уже будет способна к контактам с такой чисто материалистической расой, как марсиане.

— А вторая вещь? — спросил мой отец.

Я улыбнулась.

— Не думаешь же ты, что я скрыла ее от венериан лишь затем, чтобы выболтать всем присутствующим здесь? — насмешливо сказала я. — Марсиане выбили бы ее из тебя за пять минут.

Снова понялся шум. Но я видела, как полковник Термер слегка кивнул, а отец чуть улыбнулся. Я подождала, когда шум стихнет, а затем продолжала:

— Это очень простая вещь, которую вы все можете понять сами, но которую никогда не поймут венериане, и о которой не будут в состоянии и подумать марсиане. Она могла бы иметь для нас большую ценность, а могла бы и принести полное разочаро-

вание. Если кто-то из вас понял, о чем я говорю, то мне кажется, ему было бы лучше держать это при себе.

Обсуждение моих слов длилось гораздо дольше предыдущего. Когда отец повторил свою просьбу о сдаче, доктор Линдрум, ученый-атомщик, оторвался на него:

— Мы знаем, что вы — предатель, купивший себе жизнь тем, что вернетесь и потребуете от нас сдаться. Это ставит под сомнения высказанный вами план. Вероятно, каждое слово, что вы тут нам сказали, было инструкцией от марсиан.

В течение следующих недель они повторяли друг другу одно и то же, Линдрум и Прайс.

— Откуда нам известно, что вообще существуют какие-то марсиане и венериане? — спросил кто-то еще. — У нас есть лишь слова этого человека и его дочери.

Отец мрачно улыбнулся.

— Скоро вы это узнаете, — сказал он.

Я отказалась демонстрировать новые способности, которые развивала, и даже рассказать о них.

— Самое большее, через несколько месяцев, — заявила я, — марсиане узнают все, что знаете вы. В мои планы не входит, чтобы они поняли, что должны уничтожить меня, чтобы устраниТЬ источник потенциальной опасности.

— Но они все равно это узнают, — сказал мне отец. — Все, что ты тут сказала, станет им известно вскоре после их прибытия — независимо от того, что думают присутствующие здесь.

Снова поднялся шум и крики.

— Правильно, — кивнула я. — Но меня здесь не будет. И никто не будет знать, где я нахожусь. Я просто не хочу, чтобы марсиане узнали обо мне еще больше.

Все продолжалось и повторялось на последующих совещаниях. Отец твердил одно и тоже, я вообще говорила мало. Но в перерывах между совещаниями я беседовала с ним и узнала все, что он знал о марсианах, включая мельчайшие подробности, которые завершили картину. Взамен я ничего не рассказывала ему.

— Ты мне совсем не доверяешь, — как-то сказал он мне, вымученно улыбаясь. — Ты права, конечно. Как тебе удалось удержать что-то в тайне от венериан? Я думаю, они были ужасны?

— Это произошло не специально, — ответила я, — а просто случайно. Может, я на время сошла с ума? Естественно, их интересовало все. Как я сумела что-то скрыть? Иногда мне кажется, что женщины вообще сильнее мужчин. Вначале я просто заперла эти две вещи в глубине памяти, а потом, когда рассказывала все, что знала, они не всплыли наружу. И я поняла, что, рассказав о них, мне не станет легче. Так что я не стала их открывать.

— Но разве венериане не сумели исследовать твой разум?

— Нет. Это походит на удобную ложь о гипнозе — ты знаешь ее, — будто никто никогда не может заставить другого под гипнозом сделать то, что тот считает нравственно неправильным. Только это не ложь. Никто никогда не сможет прочесть мысли другого человека, если тот сам подсознательно этого не желает. Тут не имеют значения ни особенности расового развития, ни сила разума. Венерианам было не легче и не труднее исследовать мой разум, чем разум другого венерианина. Я могу прочесть твои мысли, если ты позволишь мне это. Когда ты беседуешь со мной, я принимаю случайные мысли. Единственным исключением являются сильные намерения. Я бы узнала, например, если бы ты решил задушить меня. Ты не сумел бы это скрыть.

— Именно тебя? — спросил он. — Я имею в виду, ты узнала бы, если бы я решил задушить кого-то другого?

— Это довольно сильная мысль, — утвердительно кивнула я. — Ты можешь скрыть большинство мыслей, но не такие.

Вот так он это узнал. Несколько недель спустя Совет Обороны выехал, так сказать, на место действия. Мы осматривали атомную оборонную станцию. Экскурсию нам проводил доктор Линдрум. Любопытно, что он и мой отец были двумя главными силами, тянувшими Совет в противоположные стороны. Отец твердил о сдаче. Доктор Линдрум — о борьбе с марсианами. Атомные ракеты не сумеют их сокрушить, говорил он, но покажут Марсу, что Земля не сдается.

Обстановка была настолько ясна, что даже странно, почему никто не понял, что произойдет. Доктор Линдрум был единственный, кто мог возглавить оборону Земли. Больше его, никто не знал. И все же, пока мы стояли на станции, несколько долгих секунд никто не шевельнулся, когда мой отец воспользовался шансом и схватил доктора Линдрума за тонкую, желтую шею.

Казалось, прошли минуты, прежде чем кто-либо сумел шевельнуться. Жилы на руках отца, сжимающего шею Линдрума, напряглись. Наконец, все очнулись и попытались оттащить Джима Прайса, затем стали бить его по голове, но он не ослаблял хватку. Он не разжал руки даже после того, как Линдрум был уже мертв.

Когда отца уводили, он смотрел на меня. Он знал, что я знала, что он собирается сделать. Он знал, что я могла бы его остановить. Но я ничего не сделала.

Я встретилась с ним еще раз после суда, за несколько минут до того, как его расстреляли.

— Я ведь был прав? — спросил он.

— Это было необходимо, — кивнула я. — Земля должна сдаться или оказать такое слабое сопротивление, что это не будет отличаться от сдачи. И это даст мне шанс. Линдрум был убежденным в своей правоте, и единственной возможностью остановить его было убийство.

Я поняла, какими холодными и бесчеловечными стали мои мысли. Но в их холодности и жестокости крылась сила. И отец, казалось, ощущал ее.

— Интересно, — сказал он. — Я уверен, что ты победишь. Именно ты, Фил, а не Земля. Каким же ты стала невероятным существом! И ты наверняка права насчет венериан — они сами не знали, что делали, иначе они никогда бы не отпустили тебя.

— Они были вынуждены отпустить меня, — ответила я. — Они следовали своим правилам этики. Я открыла им тайну космических полетов, и они не могли после этого убить меня или держать в заключении. Они чувствовали, что обязаны мне за это, и еще не расплатились.

— Это и есть твоя тайна, Фил? — спросил отец. — Что-то касающееся их странной этики? Ты хочешь, чтобы они были должны Земле, и тогда, по их этическим правилам, для них было бы невозможно Земле навредить?

Я покачала головой.

— Это невозможно. Только не так. Все можно сделать гораздо проще, если получится.

— И ты не можешь рассказать мне об этом даже сейчас? — спросил он.

Я посмотрела на него, на человека, который должен умереть через двадцать минут.

— Прости, — сказала я, — но тебе могут дать отсрочку. Они могут даже понять, что ты не предатель, а лишь делаешь то, во что веришь. Даже если для этого нужно отправить свою дочь к черту на рога или убить одного из величайших ученых Земли. Это... марсиане не должны это узнать. Я отношусь к венерианам, как к друзьям, — задумчиво продолжала я. — С ними можно подружиться. С марсианами может быть только война.

Отец долго смотрел на меня.

— Наверное, я должен благословить тебя, пожелать тебе удачи или что-то подобное, Фил, — сказал он. — Но для тебя это ничего бы не значило. Ты уже отринула все человеческие чувства, не так ли? Ты ведь уже больше не человек?

— Может быть, — ответила я и почему-то вспомнила полковника Термера. — Я могу включать и выключать свои чувства. Но ты прав, сейчас я отринула их. Если бы я их сейчас включила, то разрыдалась бы, а это не помогло бы никому из нас.

— Но ты ведь можешь, я думаю, помешать им расстрелять меня, — небрежно спросил отец.

Я надеялась, что он не скажет это. Да, теоретически, я могла бы остановить их. Ничто не могло бы помешать мне сделать это, кроме знания — почерпнутого из венерианской этики, — что в данном случае я не имею никакого права вмешиваться. Я могла бы направить свои громадные силы и поистине космические возможности на многое: на войну или мир, ради жизни или смерти, но не ради того, чтобы сохранить жизнь Джиму Прайсу. Я ничего не ответила, и больше нами не было ничего сказано.

После того, как я посмотрела расстрел отца — а встретил смерть он так же спокойно, как я и ожидала, — я пошла к своему кораблю и проверила его. Корабль был готов к полету. Я уже собиралась уйти, но тут ко мне подбежал один из охранников и дико заорал мне в самое ухо, хотя был лишь в шаге от меня.

— Я вас слышу, — спокойно ответила я. — Я полечу на корабле. Он быстрее, чем любой самолет.

Это появились марсиане... а может, венериане. Они уничтожили Ливерпуль, по-видимому, чтобы продемонстрировать свою силу. Ливерпуль превратился в облако взметнувшейся в

небо пыли. У марсиан погиб один корабль, попавший под удар взрывной волны. В следующий раз они были более осторожны.

Вооруженные силы почему-то решили, что это напали венериане, но я подумала, что это весьма маловероятно. Венериане никогда бы не превратили в облако пыли город Земли. Венериане пользовались лишь силой разума. Так что город, скорее всего, остался бы цел, только на улицах корчились бы в агонии все его жители. Венериане ничего не разрушали. Они только изменяли.

Я оказалась там уже через несколько минут и, из всех людей, встретила прежде всего полковника Термера. Он стоял перед странными красными кучами пыли.

— Нет, — покачала я головой, — это не венериане. Это наверняка марсиане. Я думаю, теперь они будут ждать сообщения по радио о том, что мы сдаемся. Или, возможно, летят, чтобы так же разрушить Париж или Лондон.

— Если бы только доктор Линдрум был жив, — сказал Термер, уставившись в небо.

— И вы думаете, он бы помог? — невесело усмехнулась я.

Впервые мы разговаривали с ним один на один. Вокруг были сотни снуящих людей, но мы говорили один на один.

— Значит, вы думаете, что все безнадежно? — спросил Термер.

Он был не тем человеком, которому пришлось бы к лицу бездействие и безнадежность. Он никогда бы не поверил, что все безнадежно.

Я позволила себе на несколько секунд стать просто юной девушкой и посмотрела на него. Похоже, что он почувствовал произошедшую во мне перемену. Мы стояли в метафорической тени мертвого Ливерпуля, коренастый, светловолосый молодой человек в военной форме и маленькая, невероятно красивая девушка в запачканном, но ладно сидевшем на ней комбинезоне, и думали о том, есть ли вообще будущее у нас двоих и у всего нашего мира.

Затем я прервала свой короткий отдых и, как и в первый раз, он сразу это почувствовал.

— Хотите осмотреть остатки рухнувшего корабля? — спросил он.

Для Термера я была чем-то вроде богини. Однажды он уже ощущил силу моего разума, точно удар плетью, и с тех пор испытывал глубокое уважение к моим способностям. Он думал, что

я могу просто взглянуть на обломки корабля и тут же мысленно восстановить его.

Я слабо улыбнулась.

— Полковник, я не ученый, — ответила я. — У меня иные таланты. Я почти что венерианка, а они совершенно не разбираются в машинах. Я знаю о технике только то, чему научилась здесь.

— Вы улетаете? — спросил он, когда я повернулась.

— На Венеру, — сказала я.

Глаза его потемнели.

— Но вы же не бросите нас, не так ли?

— Вы думаете, я трусиха и на Венеру улетаю от страха? А я вот прикидываю, не слишком ли я геройствую.

Глаза его вновь осветились неудержимой надеждой, что я могу что-то добиться. Но девушка, которая испытывала удовольствие, глядя в глаза молодых полковников, уже крепко спала во мне.

Долгое время я в нерешительности сидела перед пультом управления моего корабля. Никакой венерианин не может навредить другому венерианину. Но действительно ли я достаточно сильна, чтобы они посчитали меня своей? Я не сомневалась, что в итоге я стану такой. Но Земля была в опасности, и я не могла ждать еще пять лет, год или хотя бы месяц.

Когда я, наконец, решила лететь, это было чисто человеческое решение. Венерианин стал бы ждать, пока не почувствовал бы, что уверен на сто процентов, даже если для этого потребовалось бы сто лет.

Я не стала приземляться возле какого-нибудь венерианского города. Практически, я села как можно дальше от цивилизации и целую неделю оставалась в джунглях Венеры. Затем, чувствуя себя игроком, рискнувшим поставить все на кон, я полетела в тот город, где была в прошлый раз. Его названием была пятая буква венерианского алфавита, поэтому я стала называть его Д.

Венериане были удивлены, что я вернулась. Но немедленно, прежде чем я заговорила, они начали понимать создавшееся положение.

— Мы недооценили тебя, Филлис Прайс, — сказал венерианин — я никогда не различала их, как индивидуальностей.

— Да, — ответила я. — И я хочу показать вам, насколько. Мне кажется, вы сочтете это интересным.

— Конечно.

Разъяснение ошибок всегда было интересным.

— Очевидно, вы уничтожите марсиан. Это станет необходимым для самозащиты, — сказала я.

— Это может случиться, а может — и нет.

— Я немного узнала о них, и уверяю вас, что так будет.

Они изучали мой разум, но я не чувствовала опасности для себя. Они могли бы попытаться опять изменить мой разум и тело. Это было бы реальной проверкой, так как я до сих пор не знала, сумею ли им противостоять.

— Мне кажется, — продолжала я, — было бы лучше, если бы вы занялись Марсом и оставили Землю в покое.

Это было официальным объявлением моей позиции. Мы говорили на земном языке, но пользовались понятиями венериан.

— У вас есть на это причины? — Это было сказано тоже официально.

— Я прилетела показать вам одну из них. Но, пожалуйста, перестаньте исследовать мой разум. Если бы я была слишком слаба, чтобы противостоять ментальному вторжению, то мы все это уже бы поняли.

Их было девять. Они стояли передо мной, как самолеты, поставленные на хвосты. Тот, с которым я вела беседу, слегка кивнул, подражая человеческим жестам.

Произошло невидимое, неслышимое сражение. Никто не шевельнулся, но десять разумов схлестнулись в полную силу. И ничего не случилось. Мое сознание преисполнено торжеством. Значит, они никогда не смогут навредить мне. Ни один венерианин, ни целая тысяча. Даже если бы они попытались уничтожить меня физически, я и тогда сумела бы их удержать. Их лидер признал этот факт.

— Да, мы недооценили вас, — согласился он. — Интересно, поскольку теперь вы уже не в нашей власти, то, может, ответите, вы уже достигли пределов своего развития?

— Нет. Я думаю, это займет примерно пять земных лет.

— Значит, мы с вами квиты. Вы понимаете, что долг выплачен, и теперь мы бы уничтожили вас, если бы смогли?

— Понимаю. — Разумеется, он имел в виду, что мое развитие лишило законной силы получение ими подарка — тайны космических полетов. — Я прилетела, чтобы предложить вам свою помочь взамен вашей. Мне кажется, это может быть хорошая сделка. Я могу оказать вам большую помощь.

— Взамен на что?
— Защиту Земли от марсиан.
— А что дадите вы? Оружие? То, что вы называете скрытым преимуществом?

Я холодно улыбнулась.

— Вы несчастны, — ответила я, — но едва ли осознаете это. Я могу уничтожить вас. Я думала об этом, когда еще была обычным существом, что прилетело к вам. Но тогда это было просто желание. Теперь я знаю это наверняка. — Я достала кое-что из кармана комбинезона.

— Красиво, — сказал венерианин. — Это земной цветок?
— Это маргаритка, — кивнула я. — Это роза. А это тюльпан. Как вы сказали, они красивые, но смертельно опасные. Они быстро растут. И станут прекрасно расти на Венере. Я это проверила. В вашей теплой, влажной атмосфере, в богатой питательными веществами почве, они станут расти раз в двадцать быстрее, по сравнению с Землей. Они вытеснят вашу местную растительность. Стоит мне только уронить тут и там несколько семян, и через год они заполнят всю вашу планету. Вы не сможете удержать их под контролем.

— Едва ли это может быть смертельным оружием.
— Наши цветы, — спокойно сказала я, — поглощают углекислый газ и выделяют кислород.

Наступила тишина, наполненная взбудораженными мыслями.

— У вас нет техники, — продолжала я. — Вы не сумеете с ними бороться. Через год вы уже не сможете жить в родном мире. Через сто лет атмосфера Венеры станет такой же, как у Земли. Мы сможем в ней жить. Но не вы.

Не было никаких уговоров и никаких отговорок. Их и не могло быть, раз имеешь дело с венерианами. Они сразу поняли, что проиграли.

— Вы правы, — сказал венерианин. — Вы победили. Мы не сможем с этим бороться. Мы могли бы разрушить целые поля этой

растительности, но если они растут так быстро, как вы сказали, то это не поможет.

— Я бы не стала блефовать в таком деле, — ответила я ему.

— Да, я вам верю. Ладно. Понятно, что мы должны сделать все, что вы скажете.

Это была великая победа. Венериане ничего не драматизировали, они даже не сердились. Я предъявила им хорошие аргументы. Я действительно стала во многом венерианкой, чтобы испытывать к ним сочувствие. Это была победа, основанная на удаче, ведь я не знала заранее, удастся ли мне противостоять венерианам. Теперь у меня будет время, чтобы передать свои способности другим людям. Я очень хотела этого.

Нужно, чтобы у всех стали такие же способности. Мне надоело быть одинокой. И я подумала о полковнике Термере. Если он получит такие же способности, как у меня, и сможет работать со мной, как равноправный партнер...

Партнер — но у него могло быть и другое название.

(New Worlds, 1951, Winter)

May 1954 • 35 Cents

Astounding SCIENCE FICTION

At Death's End BY JAMES BLISH

ПРИСТРАСТНОСТЬ

I

ЖАК ДЕЛАВОНН всегда на улице читал на ходу газету. Главной причиной его презрения к бесшумным, проносящимся мгновенно машинам крылась в том, что он переходил улицы почти уже тридцать лет и все еще был жив. С другой стороны здесь, в Нарке, — одном из пригородов Нью-Йорка — движение было медленным и степенным по сравнению с его родным Парижем.

Жак автоматически пошел чуть быстрее, когда слева от него автомобиль рванулся от обочины, а потом чуть снизил темп ходьбы, чтобы к тому времени, когда машина поравняется, она проскочила между ним и тротуаром. Когда вой ее двигателя превратился в тоненький писк, Жак еще чуть ускорил шаг, даже не взглянув ее сторону.

Но у него и не было на это времени.

Внезапно поняв, что машина идет прямо на него, Жак прыгнул в сторону, не тратя времени на то, чтобы оценить опасность. Он был в воздухе, когда крыло машины вскользь ударило его, и Жак растянулся на «островке безопасности», а когда повернулся, чтобы посмотреть на автомобиль, тот уже подрезал грузовик. Он был слишком далеко, чтобы разглядеть номер. Жак даже не был уверен, какого он цвета.

Кто-то помог ему подняться на ноги.

— Вы в порядке, мистер? — спросили его.

— Все кости в моем теле переломаны, а на руке синяк размером с суповую тарелку, — яростно огрызнулся Жак.

— Ну, тогда все в порядке, — энергично заверил его человек.

Такое отношение совершенно бесчеловечно, отстраненно подумал Жак и похромал через оставшуюся половину мостовой, злобно глядя на водителей автомобилей и грузовиков и мечтая на- давать им пинков по крыльям.

Не было никакой суеты, никакого волнения. Можно подумать, все уже забыли, что Жак Делавонн только что чуть было не расстался здесь с жизнью, удивленно подумал он. Найдя место, где

он ударился об асфальт, Жак внимательно осмотрел несколько квадратных ярдов дороги.

Злодей в машине прошел юзом по «островку безопасности». Если бы он проехал чуть дальше, то разбил бы машину. Но он не врезался ни в припаркованные автомобили, не сбил кого-либо еще.

Я почти уверен, сказал себе Жак на своем родном языке, что эта грязная свинья пыталась меня убить. Хотела специально убить меня!

По здравому размышлению, Жак пришел к выводу, что такого просто не может быть. И он пошел дальше, хромая и проклиная свою судьбу.

Однако два часа спустя его толкнули под поезд. Без всяких на то причин! Была такая давка, и не удивительно, что кого-то могли столкнуть под поезд. Но Жак почувствовал на своей спине руку и сильный толчок, бросивший его на рельсы.

По вполне понятным причинам, Жак двигался быстро. Женские крики, разорвавшие воздух, заставили его вскочить на рельсы, а с него, будто с трамплина, Жак перескочил на запасной путь. И когда мимо просвистела стрела поезда, Жак понял, что едва

не опоздал. Руки его были в грязи и в порезах, подбородок поцарапан, а красивые серые брюки запачканы и порваны. Но все же Жак остался не разобраным по частям, полным комплектом галла, хотя и взбешенным до последней степени.

Когда поезд затормозил и остановился, он слышал доносящиеся из-за него крики людей. Они наверняка подумали, что он попытался свести с жизнью счеты. Жак даже заскрипел зубами от несправедливости такого обвинения.

Но он не стал тратить время даром и выбрался из метро. Кто бы ни толкнул его под поезд, он не предпринял бы вторую попытку при таком скоплении народа.

Но Жак не заметил никаких признаков того, что за ним следили. С другой стороны, нужно было пойти куда-нибудь, чтобы все спокойно обдумать, и где с ним не могло произойти так называемых несчастных случаев. Очевидно, его не хотели убить открыто. Любое из двух покушений на его жизнь, если бы удалось, то сошло бы за несчастный случай. И он мысленно взмолился, чтобы это правило оставалось в силе.

Он нашел тихое местечко в парке, сел и достал сигареты. Это были отвратительные американские сигареты, но все же лучше, чем ничего. Закуривая, он увидел, как дрожат пальцы.

Во-первых, действительно ли кто-то пытался его убить? Наверняка. Два таких инцидента за два часа были для Жака достаточным доказательством. Во-вторых, кто же этот злодей? Жак понятия не имел. Не было никого в Галактике, кто желал бы его смерти.

Вначале он подумал о некоем внеземном агентстве. Его отец бродил по Хауфту, Коуту и дюжине других миров – и, вероятно, у него были враги. Но отец умер десять лет назад, и если кто-то настолько ненавидел Анри Делавонна, то почему он ждал целых десять лет? Что же касается его личных путешествий по другим мирам, то Жак был на Луне, Венере и Марсе, но никогда не покидал пределы Солнечной системы. Отец, подумал он, проделал работу первооткрывателя, которой хватило бы на десять поколений Делавоннов. Но ради того, что Жак делал на Марсе, Венере и на Луне, он мог бы вообще не покидать Земли. На Марсе он не видел ничего, кроме пустыни. На Венере ничего, кроме дождей. А на Луне ничего, кроме кабаре, которое ничем не отличалось от подобных заведений на Монмартре.

Нет, он никак не проявил себя там. Тогда он подумал о возможных врагах на Земле. Жак никогда никого не обманывал, потому что у него не было такой возможности. Он никого не убил и не ранил, даже случайно. И, к своему позору, быть не могло никаких рассерженных мужей или отцов, которые хотели бы смести его с лица земли.

Но ведь должно же быть что-то, чего он не знал или о чем забыл. Или так, или его просто перепутали с кем-то другим. Но люди прежде, чем предпринимать два энергичных действия, чтобы кого-то убить, мрачно подумал Жак, обычно удостоверяются, что это именно тот, кто им нужен.

И он подумал, может ли полагаться на то, что его потенциальные убийцы хотят, чтобы его смерть походила на несчастный случай. А может, теперь, когда не удалось убрать его незаметно, они готовы застрелить его в открытую?

Это было весьма вероятно.

В книгах, с сожалением подумал Жак, героям всегда грозят пытками или смертью, если они не скажут, чего от них хотят услышать. Но храбрые, благородные герои ничего не говорят. Но я вовсе не хочу быть храбрым и благородным. Просто скажите мне, что я должен сделать или, напротив, не сделать, и я с радостью выполню это...

Жак вздохнул. Что можно сделать в таком случае? Конечно, куда-то уехать. Но Жак был художником-рекламщиком и не умел зарабатывать на жизнь по-другому.

К тому же, подумал он, льстя самому себе, я, конечно, не настолько знаменит, но любой, кто еще не слеп окончательно, скажет, что это я нарисовал «Зубную пасту Мортона» или «Шэво Блэйдс», например. Так что мне никуда не скрыться. Можно пойти в полицию. Но там бы очень вежливо спросили: «А какие у вас доказательства, мистер Делавонн?», и по их лицам было бы видно, что они думают, будто у меня мания преследования.

Жак снова вздохнул. Остается лишь молиться *le bon Dieu*¹, а я давно этого не делал.

Но его молитва не осталась безответной. Проходящий мимо ангел тут же уронил носовой платок к самым его ногам, и сказал мрачным – для ангела – тоном, даже не глядя на него:

1 Господу (франц.)

— Будьте же галантны и подайте мне платок. Никто нас не слышит, но вполне вероятно, что за нами наблюдают.

И ангел пошел дальше.

Жак грациозно поднял носовой платочек, сделал несколько быстрых шагов и вручил его девушке. Поклонившись при этом, он тихо сказал:

— Но это так старомодно. Почему бы вам не спросить, который час, или уронить не носовой платок, а что-нибудь другое?

— Думайте, что говорите, — сказала девушка, улыбаясь и засовывая платочек под браслет на руке. — Кто-нибудь может читать по губам. — И тут же воскликнула другим тоном: — Как это галантно! Всё очень похожи на француза!

— Не удивительно, потому что я француз.

— Тогда еще хуже. Выходит, байки о храбости французов — сплошная ложь.

— Просто мы реалисты, — цинично сказал Жак. — Не у меня была бы возможность поднять ваш носовой платок, так у кого-то другого.

— А разве вы не рады, что это вы? Кстати, не так уж вы и походите на француза. Разве вы не собираетесь пойти со мной в парк и делать там всякие безнравственные предложения?

— Я пойду с вами в парк, — согласился Жак. — А вопрос о безнравственных предложениях решу чуть попозже.

Если бы Жак не думал о том, что может умереть буквально через несколько часов, то он наслаждался бы этой встречей. Девушка была изящна, и даже если девять десятых ее привлекательности были из-за косметики и одежды, то все равно Жаку грех был жаловаться. Она была брюнеткой среднего роста и явно не с Земли, потому что походка у нее была слишком ровная, словно она приоравливалась к повышенной силе тяжести. На ней было зеленое платье, вполне годное для вечеринки, словно, невзирая на холодный весенний день, ей казалось, что нынче тепло.

Пока он шел рядом с ней, она говорила:

— Думаю, теперь мы можем поговорить. Только не двигайте губами, старайтесь держать их неподвижными. Не думаю, что даже *коут* может определить издалека, о чем мы беседуем.

— Вы знаете, что кто-то пытается убить меня?

— Да. Я рассчитывала, что опоздаю, и вы уже будете мертвты.

Жак отпрянул от нее.

— Приятно услышать это от вас, — с возмущением сказал он.

— Вы Жак Делавонн?

— Да. И всегда им был.

— Отлично. Только не спорьте. У нас нет времени. Вполне возможно, что место, где вы находитесь, будет вскоре отмечено крестиком. Если вы останетесь здесь подольше, или начнете что-то писать, или просто пойдете по тихой улице, то люди, идущие за вами по следу, просто застрелят вас, последствия чего будут просто ужасны. Значит, я должна куда-нибудь вас увести, прежде чем у них появится шанс сделать это. Я думаю, вы не хотите умереть?

— Вы абсолютно правы, — с жаром ответил Жак. — Никогда еще я не жаждал смерти меньше, чем сейчас.

— Тогда я увезу вас на космодром. Через одиннадцать минут стартует корабль на Хауфт. У меня есть на него билеты. Если нам повезет, мы будем на нем прежде, чем коуты поймут, что у них больше не будет шанса убить вас по-тихому.

Жак ничего не сказал. Хауфт был одной из двух колонизированных планет системы Вира. А Коут — другой. Поставьте Землю, Хауфт и Коут на одну чашу весов — и вся остальная Галактика не смогла бы ничего им противопоставить. Даже на Коуте были согласны, что пупом Вселенной является явно не Коут, а Земля или Хауфт. Аналогично, любой землянин признает, что если что-то имеет значение вне Солнечной системы, так это Хауфт или Коут.

— Вы ничего не собираетесь сказать? — спросила девушка.

Жак взмахнул руками в воздухе.

— Сперва она велит мне не спорить, а затем возмущается, что я не делаю этого, — сказал он небесам. — Вы сказали, что мы летим на Хауфт. Отлично, мы летим на Хауфт. Я слышал о нем. Это же где-то вне Солнечной системы.

Настала очередь девушки быть выразительной.

— И это сын Анри Делавонна, — презрительно усмехнулась она.

— Все, что он знает, это что Хауфт не в Солнечной системе.

— Chacun son goût.²

— Не думайте, что я не могу вас понять, когда вы переходите на французский. Моя мать была француженкой.

— Мать француженка, отец ирландец, родились вы на Марсе и долго жили вне Солнечной системы, — пробормотал Жак.

Глаза девушки расширились.

— Ого, — тихонько сказала она. — В конце концов, вы не такой дурак, каким выглядите.

— Никогда еще, — парировал Жак, закатывая глаза, — я не получал столь изящного комплимента.

II

ПЛАН ДЕВУШКИ сработал. Через мгновение они уже были на оживленной улице, а еще через одно она тащила его к городским складам космопорта. Быстрый спуск на лифте, короткая поездка в метро, бег по космопорту — и они уже на корабле.

— Вы даже не представляете, на каком мы висели волоске, — с удовлетворением сказала она. — Но мой план сработал. Я и не думала, что все получится. Я ожидала, что в любую секунду вы упадете возле меня мертвым.

Жак вздрогнул.

— Я хочу, чтобы вы сменили тему, — со страхом сказал он.

— Поторопитесь, — ответила девушка. — Каюта 49. Теперь вы Джордж Стил. А я — Нэнси Тремэйн. Мы не знаем друг друга, но все равно вы должны оставаться в моей каюте, потому что вы все еще в опасности.

— Почему бы вам не говорить последовательно, — печально спросил Жак. — Я Джордж Стил, мы в опасности, мы не знаем друг друга, но я должен пойти с вами в каюту... У меня голова идет кругом.

— Тихо, — сказала Нэнси, открывая дверь каюты номер 49.

Проверив, что там никто не прячется, она заперла дверь и начала тщательно осматривать помещение. Поняв, что она, в лучших шпионских традициях, ищет скрытые микрофоны, Жак принялся помогать. По крайней мере, попытался, но Нэнси, полная на коленях по полу, лишь рассмеялась.

— А вы узнали бы микрофон, если бы увидели его? — спросила она.

Жак был уязвлен.

— Конечно, — ответил он. — Это маленькая плоская штучка, на которой написано NBC.

Нэнси пришлось на время прекратить поиски, потому что она не могла искать и ходить одновременно.

И настал момент, когда она заявила, что удовлетворена.

— Наконец-то можно расслабиться, — бодро заявила она. — На какое-то время. Вероятно, они не знали обо мне, пока я не утащила вас у них из-под носа. — Она со стоном растянулась на противоположной кушетке, отдохнув от земной силы тяжести. — Ну, Джордж, вы знаете, из-за чего все это? — спросила она.

— Нет.

— Наверное, вы решили, что раз вас хотят убить *коуты*, то я — хауфтианка?

— Вы не хауфтианка, — покачал головой Жак. — Хауфтиане — привлекательные существа, но совершенно безликие, а вы...

— Вы думаете, что я симпатична? — наивно спросила Нэнси.

— Нет, вы уродливы, но не безлики. Так что вы явно не с Хауфтом.

— Но я могу быть на стороне Хауфта. Это ни на что не намекает? Жак покачал головой.

— Должно намекать, — нахмурилась девушка. — Ваш отец знал что-то, что Хауфт может использовать против Коута. И нам это нужно. Вы понимаете это? Вижу, что нет. Ну, колонии всегда отдаляются от родительских стран или планет. Это неизбежный процесс. Особенно, как в случае с Хауфтом и Коутом, колонисты через несколько поколений начинают физически и психически отличаться от людей из родительского мира.

Корабль встряхнуло, послушался приглушенный звук, нечто среднее между шипением и отдаленным ревом. Начался взлет. Жак с облегчением вздохнул. На космическом корабле никто не сможет толкнуть его под поезд или сбить машиной.

Нэнси поудобнее легла на кушетку, дыша с некоторым трудом. Жак, который остался стоять, поскольку у него не было противоположной кушетки, легко переносил ускорение на ногах.

— Земля поступила мудро, — прошептала Нэнси, с трудом перенося ускорение. — Она все устроила так, чтобы никакой колонии не было выгодно ссориться с Землей. А между тем, Хауфт и Коут — не просто конкуренты. Они отличаются друг от друга больше, чем от землян, и расположены близко друг к другу. Они ревнуют и боятся друг друга. Вот важная точка отсчета — страх. Земля не боится колоний, колонии не боятся Земли. Но Хауфт и Коут...

— Это длинная, нудная история, — вздохнул Жак.

— Вы хотите, чтобы я замолчала? — спросила Нэнси.

— Нет, просто расскажите мне коротко, без экскурсов в историю, экономику и антропологию.

— Ваш отец изучал и Хауфт, и Коут. И хотя со временем его смерти прошло уже десять лет, всего лишь несколько недель назад разведка Коута узнала...

— Разведка Коута? Но мне казалось, что вы представляете Хауфт.

— Если вы будете прерывать меня, Джордж, — нетерпеливо сказала Нэнси, — то мы никогда не доберемся до конца. Да, я представляю Хауфт. У Хауфта тоже есть Разведывательное Управление, главной функцией которого является узнавать, что известно Разведке Коута, и даже больше. Так что эти сведения попали и к Коуту, и к Хауфту. Двенадцать лет назад, в письме к одному политическому деятелю Коута ваш отец советовал своему другу ради всеобщей пользы сделать так, чтобы между Коутом и Хауфтом никогда не вспыхнула война, потому что ему известно кое-что, из-за чего войну выиграет Хауфт. Ваш отец не писал, что это такое, но по его последующему намеку на вас было ясно, что вам это тоже известно.

— Бессмыслица какая-то! — воскликнул Жак. — Я никогда даже близко не был к Хауфту или Коуту!

— Однако, вы знаете это, чем бы оно ни являлось. Разведки обеих планет все тщательно проверили. Ваш отец был абсолютно убежден, что в случае войны победит Хауфт. Когда было написано это письмо, этот политический деятель Коута умер, но нашлись другие подтверждения, что Анри Делавонн не хотел такой войны, он знал что-то, что означало бы поражение для Коута. Так или иначе, но Коут был настолько впечатлен, что заказал ваше убийство, а Хауфт послал меня, чтобы спасти вас.

Жак в ужасе уставился на нее.

— Нет...

— Но вы же знаете, что имел в виду ваш отец? — спросила Нэнси.

— Конечно, знаю. Вот только это...

— Не говорите мне! — резко прервала его Нэнси.

— Но вы же хотите...

— Я не хочу знать это. По крайней мере, не сейчас. Мы пока еще не на Хауфте. Если я не знаю тайны, то не смогу выдать ее.

— Да нет там никакой тайны! — завопил Жак. — Мой *le vieillard*³ просто хотел...

— Пожалуйста, — сказала Нэнси с измученным видом. — Что бы там ни было, Коут пытается убить вас из-за него. А Хауфту это нужно. Возможно, все это очевидно, но мы не сумели разгадать, в чем тут дело — ни Коут, ни Хауфт. И коутам бесполезно объяснять, что здесь нет никакого секрета.

Досада, страх и нелепость всей ситуации придали Жаку силу безумца. Наплевав на возросшее тяготение, он принял расхабывать по каюте взад-вперед, потрясая руками.

Возможно, она права! Наверное, коуты откажутся верить, что здесь нет никакого секрета. Так что положение стало лишь хуже, чем прежде, в начале, когда он думал, что стоит лишь понять, что надо убийцам, и дать им это.

— Дикари! Убийцы! Безумцы! Это же немыслимо! — бушевал он. — Выходит, я, Жак Делавонн, должен быть убит из-за тайны, которая даже не существует!

— Но вы же знаете ее? — с тревогой спросила Нэнси.

— Знаю! Но знаю что? Что это за ужасно секретная штука? Просто ничто! Конечно же, Хауфт выиграл бы эту смехотворную, глупую гипотетическую войну, если бы она началась, потому что... Нет, я ничего не скажу вам, можете не настороживать ушки. Пусть мне одному будет известна вся нелепость...

Ускорение постепенно уменьшалось. Нэнси села на кушетке и подпрыгнула на ней для проверки. Когда же ускорение совсем прекратилось, она стала оживленной, как прежде.

— Оставим это на время, — сказала она. — Нам нужно сделать еще кое-что. По крайней мере, я так думаю.

— Что именно? — с подозрением спросил Жак.

— Неважно. Ждите. Садитесь, почитайте книгу или сделайте что-нибудь еще. Можете думать, как все это несправедливо. Или поспать. Только молчите и ждите.

Жак открыл было рот, но тут же закрыл его. Все это может происходить только с героями, подумал он. Но он-то не герой. Он никогда не представлял себя героем. И вот он здесь, в корабле, летящем из Солнечной системы. В любой момент корабль уйдет в «глубину», и он окажется вообще нигде. Раньше это называли гиперкосмосом или многомерным пространством, но людям не

3 *le vieillard* — старик (франц.)

нравятся слова, которых они не понимают, так что прижилось просто «глубина».

Жак никогда в жизни не был в «глубине», и теперь пожалел об этом. Само по себе это было опасно, без смертельно опасного Коута и лишь чуть менее опасного Хауфта. Если с кораблем что-то произойдет в «глубине», он никогда не сможет вынырнуть на «поверхность». Он так и останется в «глубине». И совершенно неизвестно, где находится эта «глубина», в далекой Галактике или размазана по всему космосу.

Затем Жак вернулся к мыслям о нелепости всего происходящего. Стариk Анри мрачно вещал о чем-то, что означает победу для Хауфта в любой войне против Коута — и вот теперь, спустя двенадцать лет, жизнь Жака в опасности из-за так называемой тайны, которая проста, как носик Нэнси... И даже проще, подумал Жак, еще раз взглянув на носик Нэнси. Она была восхитительна, но он не собирался отпускать ей комплименты. Красавицы становятся гораздо более интересными компаниями, если вы не признаетесь, что они красивы.

Нэнси опустилась на корточки перед чемоданом, лежащим среди каюты.

— У меня есть кое-какие вещи для вас, — сказала она, — правда, мне едва хватило времени послать в магазин человека за кое-какой одеждой...

— Мы все еще ждем? — спросил Жак.

— О, да, поэтому вам лучше молчать. Но я могу говорить. Я не хочу, чтобы меня отвлекали, но сама-то я не отвлеку себя, понятно?

— Да...

— Молчите же. Вас шокирует, если я сейчас сниму платье?

— Н-ну...

— Повторяю, молчите.

Внезапно тяготение почти совсем исчезло, осталась лишь центробежная сила, образованная вращением корпуса корабля. Едва ли она могла заменить тяготение, хотя и давала чувство опоры. И она не помешала подолу платья Нэнси подняться до талии, хотя это уже не имело значения, потому что девушка тут же скинула его вовсе. Жак с облегчением и одновременно с разочарованием увидел, что под платьем на ней было нижнее белье.

— Вот видите, — пробормотала она, — что самое любопытное в мужчинах. Они всегда пялятся на полуобнаженную девушку, даже если от этого зависит их жизнь и смерть.

— Жизнь и смерть! — воскликнул Жак и поспешно отвел глаза.

— О, я не имела в виду вас!

И вдруг накатила боль. Это походило на вспышку слепящего света, удар грома, внезапный шок, жгучая обжигающая волна и дюжину других вещей одновременно. Корабль ушел в «глубину».

И тут же постучали в дверь каюты.

— Входите, — крикнула Нэнси, в то время как Жак молча переживал свой первый опыт «глубины».

В течение следующих секунд Жаку показалось, что все вокруг сошло с ума. В каюту вошел человек, взглянул на Нэнси, повернулся в поисках Жака, затем снова оглянулся на Нэнси. Внезапно он направил на нее что-то, что держал в руке, затем наклонился вперед и стал падать, медленно и нелепо, пока не ткнулся лицом в ковер.

— О чём я вам и говорила, — с удовлетворением сказала Нэнси. — Джордж, закройте дверь, а то еще кто-нибудь войдет.

Жак, словно в тумане, сделал то, что ему велели, не отрывая глаз от человека на полу. Нэнси спрятала что-то в чемодан.

— Вы вырубили его, — со скрытой надеждой сказал Жак.

— Вот еще! — с негодованием парировала Нэнси. — Я его убила!

Она оказалась права. Жак прощупал запястье лежащего, но не обнаружил никакого пульса. Дрожа, он поднялся на ноги.

— Ах, вы, маленькая убийца, — задыхаясь, проговорил он. — Наверное, вы могли бы убивать по три человека в день и ухом не вести.

— Конечно, могла бы, — мрачно ответила девушка, — если бы все они пытались сначала стрелять в меня. Будьте хоть немного реалистом, Джордж.

Жак попытался быть реалистом. Конечно, верно, что злоумышленник попытался застрелить Нэнси, и Жак не без оснований полагал, что сам он был следующим в его списке. И если бы девушка была хотя бы немного потрясена... Но она принялась спокойно обшаривать карманы мертвеца.

— Вы точно знали, что произойдет, — обвиняющим тоном сказал Жак.

— И что я сделала не так? Конечно, он чуть промедлил, но могу вас заверить, что не стал бы церемониться.

Она поднялась на ноги. На ней почти ничего не было, а то, что было, почти при полном отсутствии силы тяжести выглядело весьма пикантно.

— Расслабьтесь, Джордж, — сказала она. — Все идет по плану. Теперь, как только мы выкинем его в гиперпространство...

Жак едва успел добежать до ванной, и там его вытошило. Никогда прежде он не видел смерть человека. Но теперь он подумал, что если будет якшаться с Нэнси подольше, то ему придется привыкнуть.

III

НЭНСИ ИСЧЕЗЛА вместе с трупом, заперев за собой дверь. Почти при полной невесомости с телом было спрятаться не труднее, чем с перышком. Она даже не потрудилась одеться, потому что после ухода в «глубину» в коридорах никого не было. И тот, кого Нэнси убила, наверняка знал это. Наверное, он ждал у каюты № 49, когда корабль начнет погружение, зная, что может избавиться от Жака и Нэнси и покинуть каюту, никем не замеченный.

Но Нэнси на шаг опередила его. Жак содрогнулся. Она была отвратительно компетентна, и Жак понял, почему послали именно ее. У нее была компетентность землянки, полностью отсутствующая в хауфтианах.

И он снова подумал о нелепом деле, так называемой тайне Анри Делавонна. Возможно, Анри действительно притворился, что здесь скрыта тайна, чтобы напугать коотов неизвестностью. Вероятно, это был один из его глубоких замыслов...

А я попал из-за этого в ловушку, — уныло подумал Жак.

Хауфтиане были маленькими существами. У них были осинные талии и длинные волосы, более прекрасные, чем у землян, и прекрасные волшебные личики. Характер у них тоже был мягкий. Мир, который изменил их физически, почти совершенно уничтожил в них гнев. С ними, вероятно, были способны поссориться только коуты. Только коуты.

Хауфт был первой и самой любимой земной колонией за пределами Солнечной системы. Он был любимым ребенком.

— И вот теперь, — сказал Жак, злобно пиная попавшуюся на пути кущетку, — все хотят эту тайну. Тайну, которой не существует. А что прикажете делать мне? Что я могу с этим поделать?

Помимо всего прочего, Анри Делавонн был дипломатом. Он умел рассчитывать реакцию отдельных людей, группировок, стран, миров. Не существовало никакого союза между Землей и Хауфтом, никаких соглашений, никаких крепких торговых связей или взаимной зависимости, или хотя бы взаимного уважения. Но если бы началась война, то на стороне Хауфта была бы тайна Анри Делавонна. Общественное мнение. Сочувствие к побежденным. Пристрастие. Гнев на напавших на маленьких, симпатичных хауфтиан.

Только и всего. Ничего больше и не было — никаких обещаний, никаких соглашений, никакой реальной причины, почему Земля должна вмешиваться в борьбу между двумя далекими, независимыми народами. Но Анри знал, что это произойдет. Он рассказал об этом Жаку, тогда еще школьнику, во время своих не частых посещений Земли. Жаку было все это неинтересно. Но даже ему было понятно, что то, что говорит старик, верно. Нельзя позволить таким грубым, уродливым скотам, как коуты, убивать маленьких, очаровательных хауфтиан.

Этот было чувство, понятное всем, и не было никакой тайны в том, что подобное никогда не произойдет с Коутом. Фактически, Земля не стала бы вмешиваться, она бы просто заморозила все поставки Коуту. Купцы, которые торговали с ним, были бы вынуждены считаться с общественным мнением. А отношение Земли имело значение для всех других колоний. Земля имела для них большое значение. Никто не мог бы позволить себе оскорбить Землю.

Таким образом, все колонии в Галактике отказались бы торговать с Коутом. А Хауфт, между тем, получал бы все, что хотел. Подарки, советы, сотрудничество — разумеется, строго нейтральными способами.

— Жалко мне коотов, — сказал как-то Анри Делавонн. — Они мрачны, потому что мрачна их планета, подозрительны, потому что на Коуте нет ничего однозначного, сердиты, потому что Коут — самый выводящий из себя мир во всей Галактике. Веро-

ятно, они никогда не смогут стать другими. Я понимаю все это, но больше этого никто не поймет. С ними наверняка что-нибудь случится. Мне жаль, что Коут вообще колонизировали.

Жак думал так же. Но не разделял чувств своего отца к коутам.

— Папа Делавонн, — пробормотал он, — тебе за многое надо было бы ответить. Ты придумал тайну и умер, а твой бедный Жак, простой, невинный художник, занимающийся своими делами, теперь в смертельной опасности. Возможно, папа Делавонн, ты сумел бы справиться с этим, но я-то не дипломат и тем более, не герой. Меня стошило, когда кого-то, кто пытался меня убить, застрелили. И когда я думаю об этом, меня снова тошнит. Ну, почему я не родился сыном живописца?

Голос Нэнси прервал его мысли.

— Это я, Джордж. Впусти меня, быстро.

Жак открыл дверь, девушка проскользнула внутрь и заперла дверь за собой. Трупа при ней уже не было.

— Может, вы бы, по крайней мере, надели платье, — сказал Жак.

Нэнси мрачно улыбнулась.

— Если бы кто-нибудь увидел, как я тащила труп, то не имело бы никакого значения, надето на мне что-то или нет. Но если вы настаиваете, я надену что-нибудь.

— И вовсе я не настаиваю, — с жаром сказал Жак. — Мне это ни чуть не интересно.

— Ну-ну, не переусердствуйте. Трупа уже нет. Теперь вы чувствуете себя лучше?

Узнав, что труп остался уже на миллионы миль или, возможно, на парочку измерений позади, он действительно обнаружил, что чувствует себя лучше. Он достиг той стадии, когда мог уже быть довольноым, что Нэнси удалось выстрелить быстрее незнакомца, и был уже почти согласен, что поделом ему, нечего толкать людей под поезд. Он не знал, как именно Нэнси избавилась от трупа, и знать не хотел.

Нэнси надела легкую синюю пижамку, которая, что удивительно, скрыла не больше, чем ее предыдущий наряд.

— Оставайтесь здесь, — сказала она. — Я хочу посмотреть, нет ли кого-нибудь еще в коридоре. Не открывайте дверь, пока не услышите мой голос.

Она ушла, двигаясь плавно, словно при замедленной съемке или скользя на коньках. Очевидно, она привыкла к условиям космического корабля. А Жак — нет. Он делал слишком резкие движения и то и дело врезался в стены и потолок. Было больно, и он уже исчерпал свой двуязычный словарь ругательств.

Ему не нравилось, что он не мог услышать всю эту историю ни от кого, кроме Нэнси. Нэнси красива и компетентна, но Жак не знал ни одной причины, почему должен ей доверять, за исключением того, что она убила тех, кто пытался убить его самого. Конечно, это было уже кое-что. Но Жак всегда был осторожен, и сейчас думал, что существует не меньше дюжины объяснений этих событий, кроме того, что озвучила Нэнси. Две явные попытки покушения на его жизнь, произошедшие до полета на Хауфт, могли быть организованы самой Нэнси или ее сообщниками. Человек, которого она застрелила, мог быть землянином или хауфтианцем, а вовсе не коутом, и, возможно, его застрелили только для того, чтобы помешать рассказать Жаку правду. Так называемая тайна могла быть всего лишь уловкой, чтобы он полетел на Хауфт совсем по другим причинам. Нэнси могла быть агентом Коута — сама она явно не была коутом, — чтобы выведать у него эту тайну, а затем убить.

Но если так, почему она не захотела слушать, когда он готов был все ей рассказать.

Я уже почти хочу, — уныло подумал Жак, — чтобы у меня вообще не было отца. Меня бы дразнили в школе, но, по крайней мере, я

бы не был духовным наследником Анри Делавонна. Я всего лишь бедный художник и совершенно не подхожу на эту роль. Да у таких людей, как папа Анри, вообще не должно быть детей!

Его размышления были прерваны возвращением Нэнси.

— Он назвал себя Смитом, — сказала она. — Капитан сам рассказал это, и вообще он не был уверен, что у мистера Смита был билет. Это хорошо. Значит, когда его не найдут, то могут просто подумать, что он не успел или сбежал в последнюю секунду. А корабль этот земной, Джордж. И это тоже хорошо.

— Почему? — смущенно спросил Жак.

— Потому что Коуту придется быть с ним осторожным.

Жак опустился на кушетку.

— А разве мы не разобрались с ними?

— Может быть. Но я говорю это на всякий случай.

— На какой случай?

— На тот случай, если нас возьмут на абордаж, идиот!

Жак пожалел, что он не женщина, потому что тогда бы мог разрыдаться. Было у него такое желание. Но после последних слов Нэнси в нем вспыхнула злость.

— Коуты не могут взять корабль на абордаж, как... как пираты!

— воскликнул он.

Нэнси с жалостью посмотрела на него.

— Послушайте, Джордж, — сказала она, — вы что совсем не умеете думать? Хауфт и Коут, как всегда, находятся на грани войны. Вы знаете что-то — неважно, что именно, — что поможет Хауфту выиграть войну. Естественно, Коут не остановится ни перед чем, чтобы убить вас. Как, вероятно, и Хауфт, чтобы заполучить вашу тайну.

— Вот теперь мне все понятно, — язвительно ответил Жак.

— Пока еще нет, — не менее язвительно парировала Нэнси. — Мы не собираемся угрожать вам или...

— А что, если я ничего вам не расскажу?

— Но коуты все равно будут стремиться убить вас. Так что вашим единственным спасением будет как раз все рассказать. Тогда станет бессмысленно пытаться заткнуть вам рот.

— Это имело бы смысл, если бы мне было что рассказать. А даже если это и так, то почему вы не позволили мне сделать это еще на Земле? Результат был бы одним и тем же.

— Потому что не было времени. В третий раз коуты — не знаю, сколько их там было — наверняка преуспели бы. Они все время наблюдали за вами. Если бы они заметили, что вы пишите письмо или кому-то звоните, или разговариваете с кем-то на улице, они бы застрелили вас. Можно было сделать только то, что я и сделала. Держать вас на виду, чтобы они ждали лучшей возможности, а потом внезапно сунуть в корабль, летящий на Хауфт, прежде чем они бы догадались, что я не обычная земная девушка.

— Вы очень убедительны, — признал Жак. — Как Фрейд. Или как Маркс — я когда-то читал и его. Но хотя Маркс и Фрейд были убедительными, они все же не убедили меня в своей правоте. А теперь скажите мне, почему вы не дали мне рассказать вам, что имел в виду старик Анри?

— Легко, — усмехнулась Нэнси. — Потому что, хотя я думаю, что вы будете на Хауфте в безопасности, но не до конца уверена в этом.

Она отвернулась и раскрыла чемодан.

— Кто вы, Нэнси? — спокойно спросил Жак.

— Простая девушка, — ответила она, не оборачиваясь. — Добролюбец. Вероятно, вы уже поняли, что я не сотрудник Разведки Хауфта. Настоящие шпионы совсем не похожи на меня. И я предполагаю, что именно поэтому мне удалось увезти вас из Нарка из-под носа коутов. — Наконец, она повернулась к нему, лицо ее было бесстрастным. — Я, в общем-то, ничего не знаю о Хауфте, Коуте и их народах. Да и знать не хочу. Так что бесполезно убеждать меня, что Коут является угрозой для Земли, а Хауфт — ее потенциальный союзник... — Она резко сменила тему. — Нет, из меня плохой оратор. Давайте лучше ближе к делу. Легенда такова, — оживленно продолжала она. — Мы незнакомы друг с другом. Вы Джордж Стил, и не француз, а американец. Если коуты действительно возьмут корабль на абордаж, говорите, что хотите, можете придумать себе биографию, а если среди них окажется кто-нибудь, кто знал вашего отца — тем лучше, потому что вы ничуть не похожи на него. Забудьте о моем существовании. Что-нибудь еще хотите спросить?

— Да. Почему они могут опознать не меня, а вас?

— Они могут знать обо мне, — просто ответила она. — Так что маскировка была бы пустой тряпкой времени. У них могут быть мои отпечатки пальцев, энцефалограмма, рисунок сетчатки глаза

— словом, все. Но на вас у них всего этого нет. Вас всего лишь велят убить.

— Но... — В версии Нэнси зияли большие прорехи. — Предположим, вас просто накачают сывороткой правды и допросят...

— Если меня накачают сывороткой правды, — спокойно ответила Нэнси, — то ничего не добьются. Сыворотка на меня не действует. Меня и выбрали-то по этому свойству. А другие наркотики меня просто убьют. Так что они ничего от меня не добьются.

Жаку не хотелось думать об этом — очень уж этот было неприятно. И он перешел к последнему вопросу.

— Если они знают, что я на борту корабля, то почему же начнут вдруг думать, что меня здесь нет?

— Все очень просто, Джордж, — рассмеялась Нэнси. — Я начинаю думать, что вы все же умны. Вы задаете умные вопросы. Но все действительно очень просто! Естественно, они решат, что я узнала от Жака Делавонна все, что хотела, а затем выкинула его в гиперпространство. Они обыщут корабль и узнают, что кое-кого здесь нет, кого-то, кто взошел на борт в Нарке. Смита! — И она опять рассмеялась, глядя на его ошеломленное лицо. — Все просто, не так ли? — спросила она.

IV

СЛЕДУЮЩИЕ сорок часов Жак много размышлял. Он в жизни не думал так много, потому что раньше в этом не было необходимости. У него рано проявилась склонность к карандашу, ручке или кисти. Если ему говорили «лошадь», или, скорее, «cheval», он тут же начинал уверенно рисовать эскиз. И хотя результат не больно-то походил на настоящую лошадь, любой, кто видел его, начинал думать о лошади. А именно это имело значение.

Живопись не была только его работой. Она была всей его жизнью. Он рисовал бы, даже если бы никто не платил ему ни цента.

И вот теперь, чтобы размышлять о Нэнси, Хауфте, Коуте и Анри Делавонне, ему было необходимо рисовать, и он, естественно, начал делать по памяти набросок Нэнси.

Если верить детективной литературе, – сказал он себе, начиная в общих чертах рисовать ноги Нэнси, – факты существуют независимо от того, насколько очевидными они выглядят...

Он слегка запутался в этой сложной мысли, но рисунок Нэнси помогал не терять общее направление.

Итак, предприняты две поспешные, плохо подготовленные попытки убить меня. Они могут быть розыгрышем? Нет. Если бы я действовал чуть медленнее, то был бы уже мертв. Значит, кто-то приказал: немедленно убейте Жака Делавонна. И тут появляется Нэнси и говорит, что боялась опоздать. Наверное, она только что прилетела с Хауфта. Она уводит меня из-под самого носа коутов, которые пытаются меня убить... по крайней мере, я думаю, что это коуты, потому что так сказала Нэнси.

Он остановился, потому что надо было решить, рисовать Нэнси в одежде или без. Немного поколебавшись, он стал рисовать длинную черную юбку, облегающую стройные, но отнюдь не тонкие белые ноги.

Пока что неплохо, – подумал Жак, имея в виду эскиз, и свои рассуждения. – История Нэнси вполне правдоподобна. Мы находимся на корабле на полпути к Хауфту. Мы убиваем Смита, которого коуты послали убить нас. И теперь коуты в системе Виры не могут знать, что мы на борту этого корабля, потому что не может быть радиосвязи на таком расстоянии, да и сам корабль движется гораздо быстрее радиоволн. И все же Нэнси думает, что нас могут взять на абордаж!

Он нарисовал пару красивых рук. Руки у Нэнси были не лучшей ее чертой – слишком тонкие, – но кто требует от эскиза абсолютной точности?

Да, они могут решиться на абордаж, – решил он. – Возникла бы дипломатическая проблема, но это ничто по сравнению с такой тайной! Нэнси думает, что они схватят ее и упустят меня. Что ж, это вполне возможно.

Рука его чуть дрогнула, и Жаку пришлось оторвать карандаш от бумаги.

Ну, и как я могу спасти себя и Нэнси, если никто не поверит, что никакой тайны вообще не существует? – мысленно спросил он себя. – Может, тогда ее просто придумать? Я готов попытаться. Жаль только, что я ничего не знаю о Хауфте и Коуте...

Он решил, что юбка и ноги Нэнси закончены, и принялся за лицо. Лицо он пытался рисовать как можно точнее, потому что с лицом настоящей Нэнси было все в порядке. Сначала он сделал ее серьезной, но это показалось ему неправильным. Тогда Жак вспомнил, как она смеялась, когда он рассказывал, как должен выглядеть потайной микрофон.

Нет, – думал при этом он. – Я не сумею придумать правдоподобную тайну. Но у меня американский паспорт, а даже если коуты возьмут судно на абордаж, то, возможно, на меня не обратят внимания. Однако...

Нахмурившись, он посмотрел на почти что законченный эскиз.

– Конечно, никто ведь не станет разрушать такое произведение искусства, как ты, милая? – спросил он у Нэнси на рисунке. Только пойми меня правильно. Ничего личного. Я говорю как художник...

Дверь открылась без стука, и Нэнси мгновенно заперла ее за собой. Потом быстро пересекла каюту.

– Корабль готов всплыть на «поверхность»... – начала было она, но тут увидела рисунок и издала крик восхищения. – Это я?

– Откровенно говоря, не совсем, – признался Жак, – Но некоторые черты я взял у вас.

– О, разве я не прекрасна?! – восторженно воскликнула она.

– Рисунок тоже неплох, – мрачно сказал Жак.

Нехотя она положила рисунок на стол.

– Вы не должны больше так делать, Джордж, – сказала она. – Это же сразу выдаст вас.

– Знаю. Я нарисовал его просто потому, что хотел посидеть и подумать.

Нэнси, как и большинство женщин, осталась довольна портре-том, который делал ее вдвое красивее настоящей.

– Я действительно так выгляжу? – спросила она.

– Насколько я могу судить, – смягчился Жак. – Оденетесь так же, сядьте, и я скажу вам точно.

Нэнси рассмеялась. Жак взял рисунок и поднес к нему зажигалку. Нэнси сморщилась, словно собиралась заплакать, и Жак пообещал:

– Когда все закончится, я нарисую другой, еще лучше. Только тогда вы мне будете позировать.

Нэнси с усилием снова вошла в роль агента Хауфта.

— Я не собиралась идти к вам, но мне тут пришло в голову, что вы могли бы написать письмо и бросить его в почтовый ящик.

— Написать кому-то на Хауфте о тайне моего отца? Я сделал это несколько часов назад.

Глаза Нэнси расширились.

— Вы продолжаете удивлять меня, Джордж, — призналась она. — Ну, а теперь на всякий случай проверьте карманы, чтобы убедиться...

— Что у меня нет ничего, что может выдать во мне Жака Делавонна? Это я уже сделал.

— И вы готовы, если понадобиться...

— Изложить биографию Джорджа Стила? Можете не сомневаться, милая. Может, я где-нибудь и переборщу, но коуты все равно не поймут разницы.

— Ну, тогда я не знаю, — сказала Нэнси, — чем мы еще можем заняться до того, как корабль выйдет на «поверхность»?

— Еще я могу подумать много о чем, детка. Что касается того, чем мы можем заняться...

Нэнси уклонилась от его объятия и шагнула к двери.

— Как Жак, вы мне нравились больше, — сказала она. — Но...

И в этот момент корабль вышел на «поверхность». Жак заметил, что на сей раз ему было не так плохо. Может быть, потому, что во второй раз он уже знал, что это продлится лишь долю секунды, а не вечность, как ему показалось в первый раз.

— Можете теперь думать, о чем хотели, — с кривой усмешкой сказала Нэнси. — А мне нужно вернуться к себе в каюту. Помните, вы не знаете меня.

Дверь захлопнулась за ней.

Обычно корабль выходит на «поверхность» в радиусе нескольких миллионов миль от пункта назначения и посыпает по радио сигнал о своем выходе. Так что на Хауфте скоро узнают, что корабль благополучно вышел из «глубины». И коуты наверняка не посмеют остановить его теперь.

Так или иначе, — подумал Жак, — они не ожидают, что я буду на этом корабле. Возможно, они будут ждать меня на следующем, если к тому времени узнают, что их агенты не убили меня на Земле, а какой-то агент Хауфта меня умыкнул. Нет, этот корабль они не станут проверять. — Он слегка расслабился. — Нэнси ожи-

дает, что нас остановят, но она просто перестраховывается. Коуты глупы. Они не будут готовы. Они...

По всему кораблю прокатились сигналы тревоги. У Жака упало сердце. Нэнси была права.

Коуты оказались не так уж глупы.

V

— **С**ЮДА пожалуйте, сэр, — сказал коут так вежливо, как только сумел.

До сих пор все проделывалось очень аккуратно. Жак не знал, что коуты сказали капитану и офицерам корабля, но в результате по всему кораблю шел обыск под видом официального таможенного осмотра. «Дамы и господа, нет никаких причин для тревоги». Вполне возможно, коутам вообще не пришлось прибегать к угрозам. Корабль не был вооружен, а судно коутов, которого Жак вообще не видел, наверняка было каким-то линкором.

Когда Жака провели в каюту капитана, он предположил, что коуты собрали вместе всех, кто мог представлять для них интерес, и не тронули тех, кто бы явно безопасен. В каюте были капитан и три его офицера, исполняя роль простых зрителей. И еще там было шесть коутов с одинаковыми бычьими шеями, толстыми ногами, лысыми головами и маленькими острыми глазками, прячущимися в глубоких глазницах. Это были коуты четвертого-пятого поколения.

И здесь же было еще семь пассажиров, включая Жака. Четверо мужчин от двадцати до сорока лет, и три женщины: две молодые хауфтианки и Нэнси. Интересно, это просто догадки коутов или они имеют точную информацию, встревоженно подумал Жак. Что бы там ни было, они явно искали Жака Делавонна и женщну-агента с Хауфта.

— Дамы и господа, позвольте мне сразу сообщить вам, — сказал главный коут, явно прилагая все усилия, чтобы его трубный, со странным акцентом голос звучал вежливо, — что мы ищем двух преступников, и никому больше не грозит ни малейшая опасность. Наша проверка может причинить вам неудобства, за что я приношу вам извинения. Но чем скорее вы начнете с нами со-

трудничать, тем скорее мы поймем, что вы не те, кого мы ищем, и корабль может продолжить свой полет.

— Могу я спросить, — потребовал высокий, несдержанный на вид землянин, — кто дал вам право...

Коут взял его за руку.

— Не стоит продолжать, сэр, — тихо сказал он, — и я притворюсь, что не слышал вашего вопроса.

Несдержанный тут же сник. В голосе и жесте коута проматривалась угроза, которая никак не могла быть доказана впоследствии.

Жак вздрогнул, но тут же взял себя в руки и посмотрел на капитана. Поскольку Жак, соблюдая инструкции Нэнси, все время сидел в каюте, то капитана он еще не видел.

Капитан Фуллертон, как и большинство офицеров кораблей, летавших на гражданских линиях, очевидно, в молодости служил в военном флоте Земли. Жак заметил, что Фуллертон сердится и прекрасно понимает, что действия коотов, фактически, могли привести к началу войны. Он подчинялся лишь потому, что был ответственен за безопасность корабля и пассажиров. Но если представится возможность, на капитана можно рассчитывать.

Пристальный взгляд Жака перешел на других офицеров, и снова Жак остался доволен тем, что увидел. Первый помощник

был в ярости. Это было заметно, если внимательно поглядеть на него. Он сжимал и разжимал руки, словно стискивал глотки коутов. Двое остальных офицеров лучше владели собой, но было все равно не похоже, будто они наслаждались своим положением или любили коутов.

Замечая и обдумывая все это, Жак не сознавал, что исследует ситуацию точно так же, как сделал бы на его месте отец.

Семь пассажиров были более-менее осмотрены. Коуты обыскали их, несмотря на протесты, взяли отпечатки пальцев, изменили рост, взяли образцы крови и сделали еще дюжину вещей, которые могли помочь в их поисках. Одна из хауфтианок робко возразила против обыска и немедленно была обшарена еще тщательнее. Коуты воспользовались возможностью продемонстрировать, что протесты сделают только хуже, а отказ будет считаться признанием вины. И после этого у них больше не было затруднений. Вот только капитан и его офицеры выглядели еще более сердитыми.

Жаку дали бумагу и ручку и попросили расписаться. Он не поддался импульсу сделать подпись Джорджа Стила стопроцентно отличающейся от подписи Жака Делавонна и удовольствовался тем, что его почерк был явно не похож на почерк Жака.

При этом он краем глаза увидел, что Нэнси играет роль обычной девушки-землянки в таких обстоятельствах: немного любопытной, слегка встревоженной и нехотя повинующейся. Еще Жак с удивлением подумал, что сам он почти не боится, что они с Нэнси хорошо играют свои роли, и скоро коуты будут удовлетворены.

Кто-то внезапно прокричал ему прямо в ухо по-французски. Но он так плохо говорил по-французски, что Жак с трудом понял, о чем его вообще спросили, и его реакция ничего не показала. Затем ему снова дали бумагу и ручку и попросили нарисовать кошку. Выходит, они все же что-то знали о Жаке Делавонне. Сердце Жака преисполнилось гордости. Ну, сейчас я покажу вам кошку! – подумал он, но опомнился прежде, чем ручка коснулась бумаги, и он, думая одновременно о кошках, собаках, тиграх и коровах, нацарапал нечто среднее.

И все же, несмотря на все это, Жак заметил, что коуты уводят из каюты людей, одного за другим. Два мужчины были отпущены с извинениями, одна женщина без извинений. Наверное, потому, что мужчины были землянами, а женщина – хауфтианкой.

Теперь в каюте остались лишь Жак и Нэнси.

— Я был бы вам обязан, — сказал главный коут по имени Венкель капитану и его офицерам, — если бы вы оставили нас на несколько минут.

Фуллертон без слов отрицательно мотнул головой.

— Ладно, — сказал коут и повернулся к Жаку. — Мы опознали тебя, Жак Делавонн, — резко сказал он. — Мы сразу узнали тебя, но хотели убедиться.

Один из коутов прижал какой-то аппаратик к основанию черепа Жака.

— Он боится, — сообщил коут. — Страх растет. Переходит в ужас.

— А кто бы не испугался? — пронзительно воскликнул Жак. — Вы не представители власти. Вы просто пираты. Вы захватываете мирный корабль. Вы утверждаете, что я человек, о котором я в жизни не слышал. Вы...

— Как вы думаете, — вежливо спросил Венкель капитана, — у него французский акцент?

Вероятно, в этот момент капитан понял, что коуты нашли, кого искали, но выражение его лица не изменилось.

— Ничего подобного, — сказал он. — Это явно американец из восточных штатов. Уж я-то их знаю.

Венкель подошел к Жаку так близко, что Жак почувствовал его дыханием на своем лице.

— Что за тайна у твоего отца, Жак Делавонн? — тихо спросил он.

— У моего отца есть тайны только от моей матери, — ответил Жак.

— Его страх проходит, — сообщил коут позади него.

На лице главного коута промелькнуло сомнение, и Жак понял, что тот блефовал.

— Страх у него стал проходить, когда я упомянул о тайне Делавонна, — задумчиво произнес Венкель. — Но он должен был возрасти.

И Венкель резко повернулся к Нэнси.

— Ну, а с тобой другое дело, — сказал он. — Я точно знаю, кто ты.

У Жака появилось дурное предчувствие. Похоже, что Венкель перестал блефовать.

С преднамеренным безразличием к Нэнси как к девушке или вообще человеку, он сильно ткнул ее пальцем в талию. Фуллертон тяжело задышал.

— Она не хауфтианка, сэр, — сообщил один из людей Венкеля, — но часть своей жизни прожила там. Родилась на Марсе, улетела...

— Знаю, — оборвал его Венкель и сделал повелительный жест.

Жак никогда не видел психозондирование, но догадался, что за прибор достают из футляра два коута. Их намерения были ясны. Они собирались применить его на Нэнси, и хотя они ничего не узнали бы от нее, но получили бы косвенные подтверждения об ее личности, когда она умрет. И не было никакого способа остановить все это. Оставался лишь вопрос, применят ли потом психозонд к нему самому?

Жак в этом не сомневался. Он также знал, что психозондирование в любом случае наносило непоправимые повреждения мозга. Коуты вряд ли посмели бы использовать его, если бы не были сто процентно уверены. Они были уверены в том, что знают, кто такая Нэнси. Но не уверены в нем. Они знали, что одного пассажира не хватает, и этим пассажиром как раз и мог быть Делавонн.

Так что на нем зонд не используют, подумал Жак. С землянами они вынуждены обращаться осторожно. Другое дело Нэнси.

Сама Нэнси только недоуменно глядела на зонд, словно никогда не видела его прежде.

— Если вы используете его, Венкель, — спокойно сказал капитан, — это будет не только военное, но и уголовное преступление, за которое ответите вы лично.

Больше он ничего не сказал, так как знал, что простое предупреждение гораздо эффективнее любых угроз.

— Она про-хауфтианка, — ответил Венкель.

— Это земной корабль. А она — землянка. А если то, что вы сказали, верно, то против вас будут и Земля, и Хауфт.

Венкель заколебался. У Жака появилась надежда. Главный коут явно выбирал что делать: уйти ни с чем или все же попытаться выполнить приказ при помощи психозондирования. Если он уйдет, Жак будет в безопасности, и Нэнси тоже, потому что корабль улетит на Хауфт.

Существуют неизбежные события, когда многочисленные силы собираются вместе и направляют их по одной колее.

Есть же события, развитие которых сводится к решению одного-единственного человека.

— Продолжайте, — бесстрастно сказал Венкель.

Решение было принято. Коуты начали подготовку к психозондированию. Венкель перестал колебаться, теперь он уже не передумает. Нэнси все еще притворялась, будто не понимает, что происходит.

— Ее закодировали так, чтобы она умерла, едва вы начнете психозондирование, — сказал Жак.

Все повернулись и уставились на него. На мгновение на лице Нэнси появилось выражение, в котором была смесь досады, сожаления и раздражения — это было лицо человека, который видит, как делают грубую, непоправимую ошибку. Но затем оно смягчилось. В конце концов, она была всего лишь женщиной, а Жак только что совершил донкихотский поступок, чтобы спасти ей жизнь.

— Ага, — тихо сказал Венкель. — Из этого следует, что вы — Делавонн.

— Из этого ничего не следует, — сказал Жак, — но вы правы.

— Он не боится, — озадаченно сказал коут, по-прежнему стоявший позади него.

— Вы впустую тратите время, — вздохнул Жак. — Пожалуйста, отпустите Нэнси. И прежде, чем кто-то из вас выстрелит в меня, позвольте вам сообщить, что этим он причинит огромный вред и мне, и вам. Я убегал от коотов на Земле и скрывал свою личность только потому, что вы были полны решимости убить меня, не давая возможности высказаться. А я с удовольствием расскажу вам все, что знаю.

— У меня есть приказ, — сказал Венкель, — уничтожить вас немедленно, не позволив ни с кем заговорить...

— Даже с вами самими? — криво усмехнулся Жак. — Вы военный. Просто не рассуждающий инструмент. Но заверяю вас, Венкель, что если вы убьете меня, не выслушав, то полетит ваша собственная голова.

— Вы не сможете договориться с ними, Жак, — воскликнула Нэнси. — Они выслушают вас, а затем все равно убьют. Так что...

Один из коотов ударили ее с потрясающей жестокостью. В этом ударе была вся его ненависть к Хауфту. Жак смотрел на это, скорее удивленный, чем шокированный. В его мире садизма практически не существовало. Никто давно уже не восхищался садистами.

И что-то в его пристальном взгляде привлекло Венкеля. В конце концов, он был офицером, со старыми офицерскими традициями,

а они очень живучи. Он сделал повелительный жест, и ударивший ее коут помог Нэнси встать. Она не могла ничего говорить, только задыхалась и кашляла, явно испытывая боль.

Анри Делавонн умел манипулировать людьми. Он имел дело с коутами, хауфтианами и дюжиной других новых рас. Он знал, за какие ниточки нужно дергать, и, вероятно, тайком образовывал нужное ему будущее в гораздо большей степени, чем любой другой человек, хотя бы лишь потому, что сфера его влияния была огромной. Он не был ни президентом, ни королем, ни генералом, ни даже исследователем, он был простым странником, которого люди слушали и незаметно для самих себя подчинялись.

Жак никогда не думал, что стоит гордиться отцом. Он предпочел бы быть сыном художника, пусть даже плохого художника. Но он редко видел старого Анри. Тот больше подходил к роли дальнего родственника, чем отца.

Но вот теперь Жак почувствовал в себе присутствие старика Анри и понял, что должен попытаться продолжить работу отца. Мельком он отметил, что один из коутов вышел. Теперь их осталось лишь пятеро. И это были мысли, вообще не характерные для Жака.

Он сказал им правду, но Венкель хмурился, не веря его словам. Можно было буквально услышать, как он думает: «Это просто блеф. Делавонн, наверное, думает, что я дурак».

— Общественное мнение, — сказал Жак. — Пристрастие. Пристрастное общественное мнение. Вот и все.

Он не мог понять, как отреагировала на это Нэнси, потому что глаза ее были закрыты. Возможно, коут серьезно ранил ее. Голос Жака стал мрачным, почти угрожающим.

— Никто не любит вас, коутов. Ваш мир жесток, и вы тоже стали жестокими. Не все, конечно, но большинство. Средний коут жесток, сердит и подозрителен. И в любой ссоре, где вы участвуете, все постепенно оказываются против вас. И вы ничего тут не можете изменить.

— Все это бессмыслица, — резко сказал Венкель. — Если нет никакого тайного договора между Землей и Хауфтом...

— Естественно, — яростно прервал его Жак, — вы считаете, что без договора никто не окажет друг другу потенциальной помощи. Но тут вы ошибаетесь, Венкель. Вы что, не знаете, какую силу имеют пристрастия? Не знаете, как влияют они на людей любых рас? Когда-нибудь мы избавимся от этого, но пока что все мы пристрастны. В ссоре между Коутом и Землей — прав всегда землянин. Между коутом и хауфтианином — неправ всегда коут. Между двумя коутами — оба они неправы. Дайте людям хоть малейший повод отлупцевать коутов — и вы знаете, что произойдет? Знаете, Венкель?

Он оглянулся. Венкель машинально потянулся за своим пистолетом.

Но Анри Делавонн был всегда прав. Фуллертон с силой опустил оба кулака на голову Венкеля. Одновременно Жак схватил стоящего за спиной коута и с силой дернул его на себя. Выстрел коута ушел в потолок, а его голова врезалась в пол. Первый помощник, наконец-то, получил возможность добраться до глотки коута. Второй помощник показал четвертому коуту пару приемов дзюдо, а пятый был эффектно сбит с ног неожиданным ударом третьего офицера.

Нэнси стремительно нагнулась и схватила с пола пистолет Венкеля, потом отскочила к стене. Один из коутов, тянувшийся за оружием, тут же внезапно потерял всякий интерес к сопротивлению. Другой лежал с вывихнутой ногой. Шестой коут вернулся в каюту, но уже не мог принять участие в схватке, не поймав грудью пулью. Совместное нападение людей дало Нэнси возможность

выиграть эту короткую, но жестокую битву. Едва ли у кого из землян была возможность нанести по второму удару.

Коуты и подумать не могли, что земляне сразу, не сговариваясь, так сплоченно выступят против них. И они пожалели об этом.

Разоруженного Венкеля держал один из офицеров-землян, а Нэнси, не опуская пистолет, контролировала ситуацию в целом.

— Видите? — торжествующе сказал Жак. — Вот вам прекрасная иллюстрация к моим словам, Венкель. То же самое произойдет со всем Коутом, если он начнет создавать проблемы. Мне жаль, но это так. Вы сами создали против себя такое пристрастное мнение.

— Мои люди уничтожат этот корабль, — резко сказал Венкель.

— Тогда начнется война, — в тон ему ответил Фуллертон. — Мы послали сигнал о выходе еще час назад. Так что не может быть никаких отговорок, что мы пропали в гиперпространстве.

Жак не привык быть победителем, поэтому не сумел скрыть своих чувств.

— Уничтожьте нас, если хотите, коут, — злорадно воскликнул он. — Но вы не сможете уничтожить тайну старого Анри. Вы отпустите их, капитан Фуллертон? Думаю, их надо отпустить. Тогда мы сможем забыть об этой маленькой неприятности.

Капитан заколебался, затем пожал плечами.

— Как скажете, мистер Делавонн, — произнес он. — Когда-то ваш отец был моим героям. И продолжает им быть.

— В чем нуждается ваш мир, Венкель, — с внезапным вдохновением сказал Жак, — так это в искусстве. Я полечу к вам и создам у вас художественную академию.

Все с удивлением уставились на него.

— Вы сумасшедший, — сказал Венкель.

— Даже если и так, то что вы думаете о моем предложении? — говоря это, продолжал Жак. — Вы можете...

Больше он ничего не успел сказать.

VI

ЖАК ФЫРКНУЛ. Раньше он не замечал, что Нэнси пользуется духами. Но это должны быть ее духи, потому что так было правильно. Его затылок покоился на чем-то теплом и мягким.

Он открыл глаза, и увидел, что лежит в каюте Нэнси, а его голова покоятся у нее на коленях.

— Я и не знал, что меня ранили, — озадаченно сказал он, но поскольку еще не совсем владел собой, то проговорил это по-французски.

— Вы и не были ранены, — ответила Нэнси. — Вы просто упали в обморок.

Жак с негодованием сел на кушетке.

— Не может быть, — заявил он. — Я наверняка был ранен.

Нэнси рассмеялась.

— Все равно мы дадим вам медаль, — пообещала она. — За храбрость. Вы же спасли мне жизнь.

Жак эмоционально взмахнул рукой.

— Это все ерунда, — заявил он. — Не мог же я позволить им убить... — он на секунду замолчал, — ...лучшую натурщицу, которая у меня когда-то была.

Она сидела почти вплотную к нему, и Жак преодолел это расстояние.

— Выходит, меня спасли, — задыхаясь, сказала она, как только освободились ее губы, — лишь для участи хуже смерти?

— Чепуха, — сказал Жак. — Еще я хочу, чтобы вы стали матерью маленького Анри Делавонна... Скорее всего. Я подумаю и сообщу об этом позже. — И он снова стиснул ее в объятиях.

— А ты не хочешь узнать, что дальше произошло с коутами? — прошептала она ему на ухо.

— Ничуть.

— Почему?

— Я же художник, а не дипломат. Не хотят они художественную академию — и не надо. Да я уже забыл об этом Коуте.

Нэнси рассмеялась.

— Готовься, — сказала она через весьма продолжительное время.

— Мы приземляемся на Хауфте. Когда все закончиться, я расскажу тебе заключительную часть этой истории. А сейчас покажу тебе прекрасный мирный Хауфт — рай для художника. И познакомлю с хауфтианками. Ты им расскажешь, какой ты был храбрый.

— И ты будешь позировать мне, — блаженно жмурясь, протянул Жак, — в длинной черной юбке.

(Astounding, 1954 № 5)

SCIENCE FICTION

JANUARY 1961 • 35 CENTS

ABSOLUTE POWER

By J. T. McINTOSH

АБСОЛЮТНАЯ СИЛА

I

ЕСТЕСТВЕННО, офис Эдгара Дэйнтона располагался на верхнем этаже громадного здания Строительной компании по Развитию Планет. Он подписывал письма, когда вошел Пол Фэкли.

— Ну? — спросил Дэйнтон, поднимая на него взгляд.

— Они отклонили предложение, Э.Д., — сказал Фэкли. — Мы должны уйти из Балланки. Они сказали, что это в порядке вещей. СРП несет ответственность перед своими акционерами, а Балланка — точно белый слон... При нынешних постановлениях невозможно заставить Балланку платить. Проще уйти, пока не потеряли слишком много.

Дэйнтон кивнул. Он был слишком доброжелательным, кротким, благородным человеком для директора такой обширной экономической империи, какой была Строительная компания по Развитию Планет. Он считал, что доброжелательность, кротость и благородство всегда окупаются.

— А что вы можете сказать о моей личной субмиссии? — спросил он.

— Разумеется, вы можете ее продолжать, — ответил Фэкли, — но вам настоятельно рекомендуется не выбрасывать деньги на ветер. И знаете, я чувствую, Э.Д., что игра действительно не стоит свеч. Если вы проиграете, то потеряете не только деньги, но и авторитет.

— Знаю, — бросил Дэйнтон.

В экономической империи не может быть пожизненных диктаторов. Дэйнтон был директором программы СРП, но лишь до тех пор, пока она окупалась. А Балланка не окупалась. Дэйнтон хотел продолжать работать с ней, а все остальные хотели ограничить свои потери.

Тогда Дэйнтон предложил финансировать последнюю попытку из своего собственного кармана. И то, что сказал на это Фэкли, было бесспорно верно — если эта попытка не удастся, Дэйнтон потеряет не только деньги, но и свое лицо. Компания

просто вычеркнет его из своих списков. Когда директора СРП оказывались неправы, их вычеркивали, даже если они оплачивали убытки из своего кармана.

Это была крупная азартная игра. Если бы все удалось, то все помнили бы (или им бы мягко напоминали) о том, что Дэйnton выступил против вывода войск СРП из Балланки и лично финансировал их, потому что правление отклонило его рекомендации. Вероятно, он продал бы им свою долю за колоссальную сумму, и его авторитет взлетел бы так же высоко, как и банковский счет. Но если бы не удалось, то все бы запомнили навсегда, что однажды он оказался ужасно неправ, а значит, может быть ужасно неправым и в дальнейшем.

— Когда я сказал им, что вы хотите девяносто пять процентов прибыли, — продолжал Фэкли, — то они даже не торговались. Они просто сказали: «Да какая там прибыль?» Вы же не станете продолжать это, Э.Д.?

Дэйnton взглянул на часы.

— Через несколько минут должен подойти Барр. Я приму окончательное решение после встречи с ним.

Фэкли заколебался. Он был очень способным и верным помощником.

— Если вы хотите сделать это через счет мисс Дэйnton... Я имею в виду, что знаю, вы хотите ее... Я имею в виду...

— Ну, говорите же, что вы имеете в виду, Пол? — мягко спросил Дэйnton.

— Просто я думаю, что правление поняло бы, если бы у вас были личные причины. То есть, если вы хотите, чтобы проект оказался провальным, по личным причинам...

— Ну, зачем бы мне желать этого?

— Ну, может, вы позволите мне намекнуть об этом членам правления. Тогда, по крайней мере, они не станут подвергать сомнению ваши суждения.

Дэйnton слегка улыбнулся.

— Спасибо, Пол. Вы умный и верный человек. Между нами, мне бы хотелось, чтобы мы смогли уговорить Рокси выйти за вас замуж.

Фэкли слегка вспыхнул.

— Между нами все кончено.

— Знаю, — вздохнул Дэйnton. — Очень жаль.

II

ДАЛЕКО внизу, на первом этаже здания СРП, Лин Барр дозирался вокруг с наивным любопытством провинциала, каким и был на самом деле. В обширном вестибюле СРП тысячи крошечных планеток вращались вокруг сотен крошечных светил. Один этот макет стоил, наверное, миллион долларов, и несколько тысяч уходило ежемесячно на его обслуживание.

— Слушаю вас? — произнесла надменная блондинка за стойкой.
— Я хочу увидеть кого-то по имени Дэйnton.
Блондинка улыбнулась надменной улыбкой.

— Простите, сэр. Возможно, вы хотели увидеть мистера Декера. Он...

— Мне назначил встречу не Декер.
Выщипанные брови блондинки недоверчиво поднялись.
— Вы хотите сказать, что у вас назначена встреча с мистером Дэйntonом? С мистером Эдгаром Дэйntonом?

— Мы договорились, что я буду в четыре, — терпеливо объяснил Лин. — Думаю, он просто наорет на меня за то, что я взял у него пять тысяч и...

— Мистер Дэйnton может дать пять тысяч коридорному и даже не заметить этого, — с замороженной улыбкой сказала блондинка.
— Возможно. А вы знаете миллионера, который не заорет «караул!», если кто-то вытащит у него из кармана десять центов?

Все еще с недоверчивым выражением лица блондинка щелкнула переключателем интеркома. Уже через несколько секунд она, что-то бессвязно лепеча, лично поднимала его на лифте.

Специальный лифт был чем-то новеньким в опыте Лина. Пол ударил его в ноги, но Лин вовремя напряг колени и ухватился за поручень. Когда лифт остановился на вершине высотного здания, Лин мельком взглянул на аккуратные лодыжки блондинки.

— Я было подумал, что у вас упали штанишки, — пояснил Лин.
— Но ведь ваши штанишки никогда не падают, верно?

Блондинка вспыхнула и снова стала было надменной, но тут же вспомнила, что этот человек направляется на встречу с Эдгаром Дэйntonом, и рассмеялась, словно над Бог весть какой остротой.

В большой, ярко освещенной комнате на верхнем этаже здания Дэйnton и Лин Барр глядели друг на друга.

— Все в порядке, я получил пять тысяч, мистер Дэйnton, — улыбаясь, сказал Лин. — Спасибо, что спросили.

— Как вы об этом узнали? — без дальнейших проволочек спросил Дэйnton.

— Я всегда читаю то, что написано мелким шрифтом. Когда я собрался лететь с Марса на одном из ваших кораблей, естественно, я прочел все инструкции. И нашел этот параграф 179 (а), Компенсации за пересадку в космосе: Если возникнет необходимость пересадить пассажиров в космосе на другой корабль, то, за исключением параграфа 178 (а) и (с), любому пассажиру по его требованию должна быть выплачена компенсация в размере пяти тысяч долларов.

— Вы, разумеется, знали, — сказал Дэйnton, — что этот параграф остался с того времени, когда подобные пересадки были опасны и нужно было заверить людей, что им ничего не грозит? И что в течение последних ста лет пассажиры всегда пересаживались из планетарного челнока на основной корабль и обратно?

— Но этот параграф все еще есть среди прочих условий, — улыбнулся Лин.

— Был, — поправил его Дэйnton. — Теперь его уже нет.

Оба посмотрели друг на друга. И хотя Дэйтон был на тридцать лет старше, чем Барр, низеньким и пухлым напротив высокого и стройного, аккуратно одетый против неопрятного, они все же увидели, что у них много общего.

Оба они были внимательными. Им нравилось замечать то, на что другие не обращали внимания. И очевидно, оба они очень редко выходили из себя. Они были бы любезны со старыми леди на улице. Они привлекали внимание женщин, которые ошибочно считали, что им нужна материнская опека. И ни у кого из них не было бы затруднений в общении с детьми, как с равными.

— Выходит, вы пригласили меня не для того, чтобы устроить разнос? — спросил Лин.

— Я пригласил вас для того, чтобы дать вам сто тысяч долларов. Лин не выказал никакого шока.

— Хорошо, я возьму их, — спокойно сказал он.

— Барр, вы бы сказали, что вы — азартный игрок?

Лин обдумал этот вопрос с серьезным любопытством человека, который частенько удивляется, но редко бывает поражен.

— Нет, полагаю, что нет, — ответил он, наконец.

– Но вас бы удивило, если бы вы узнали, что многие люди так думают?

– Нет, не удивило бы, – ответил Лин.

– Мы внимательно изучили вас, Барр, и я хочу предложить вам работу, очень важную работу. Я думаю, что вы игрок, и что вы примите следующие условия: если вы потерпите неудачу, то получите лишь расходы на проживание плюс по пятьдесят долларов в неделю. Если же выполните ее, то получите те же самые расходы на проживание, те же самые пятьдесят в неделю и плюс премию в сто тысяч долларов.

– Почему вы считаете, что я вообще могу выполнить эту работу?

– Потому что вы способны на многое, а не только читать то, что написано мелким шрифтом. Но я кое-что должен сказать вам прежде, чем вы дадите ответ. Не о самой работе, но о том, что близко касается ее. Вероятно даже, что слишком близко. Я хочу сказать вам о том, что можно назвать приложением к этой работе.

ПИН молчал, и Дэйтон тоже молчал, словно ждал его отклика. Тогда Лин спросил:

– Так что это за приложение к работе?

– Моя дочь Рокси, – ответил Дэйnton.

– Предполагаю, вы не имеете в виду, что я должен попутно жениться на ней?

– Вы правильно предполагаете. Не то, чтобы я возражал. Я был бы даже рад, если бы она вышла за вас, а не за дурака, за которого, несомненно, выскочит, когда найдет кого-нибудь ну, совершенно уж бесполезного. Но она не выйдет за вас. Когда я сказал, что она будет приложением к работе, я имел в виду, что хочу послать вас на Балланку Премьером СРП, а Рокси полетит с вами.

– Премьером? – почти удивленно переспросил Лин. – И вы еще меня называете игроком?

– Я никогда не отрицал, что азартен, – усмехнулся Дэйnton.

– И это одна из моих самых больших игр. Но, Барр, наряду с этим я хочу превратить Рокси в нормальную, здоровую девчонку двадцати двух лет от роду, без больших эмоциональных про-

блем. И если вы сумеете сделать это, то Балланка может пойти ко всем чертям!

Что-то зашевелилось в памяти Лина. Даже на Марсе он слышал о молодых Дэйнтонах.

— Но у нее... А у нее нет брата?

— Был. Вилли. Он всегда был жесток со своими подружками, пока не убил очередную, а сам застрелился, чтобы не предстать перед судом. Но тем не менее, Рокси еще можно спасти, если кто-то будет терпелив и любит читать то, что написано мелким шрифтом. В ней еще осталось кое-что хорошее.

— Давайте выясним этот вопрос, — сказал Лин. — Вы предлагаете мне должность представителя на Балланке или психиатра Рокси? И если последнее, то предполагается, что я должен вылечить ее, жениться на ней, или то и другое вместе?

— Ваша работа состоит в том, чтобы быть Премьером СРП на Балланке и найти там главное решение. Пока что никто не приблизился к нему и на десяток световых лет. А в свободное время делайте то, что сможете, с Рокси — если кто-нибудь вообще сможет что-то сделать с Рокси. Женитесь на ней, если захотите и если сумеете.

Дэйnton вздохнул. По лицу Лина нельзя было сказать, что он думает. А Дэйnton подумал, что у него было два ребенка, на которых вечно не хватало времени, два ребенка, у которых было абсолютно все, кроме отцовской и материнской любви... Да вообще, кроме чьей-то любви!

— Но вы так и не ответили на мой вопрос, — сказал Лин. — Что именно является моей работой?

Дэйnton взял себя в руки.

— Умный человек может делать три-четыре дела одновременно, а я думаю, что вы — умный человек. Спасите Балланку, и получите по меньшей мере сто штук... я думаю, на деле даже гораздо больше. Спасите Рокси и... Ну, я не прошу уж так много. Сделайте что-нибудь для Рокси, и я отблагодарю вас гораздо больше, чем за Балланку. Но если между этими делами возникнет какой-нибудь конфликт, бросайтесь к чертям Балланку и занимайтесь Рокси. Да, Барр, имейте в виду, что если Рокси скажет мне одно, а вы что-то совершенно другое, не думаю, что я поверю Рокси.

Лину всегда нравилось, когда давали время на раздумье. Но он уже знал, что возьмется за работу, которую предлагал Дэйnton, по крайней мере, по шести разным причинам.

— Но почему вы так уверены, — спросил он, — что ваша дочь полетит со мной?

— Потому что она хочет стать Премьером в каком-нибудь примитивном мире, — холодно ответил Дэйnton. — И я ей сказал, что у нее не будет на это ни малейших шансов, если она сначала не полетит с вами. Но вообще-то, у нее вообще нет на это шансов.

— Почему?

— Потому что она хочет править планетой, чтобы доказать, что Чингиз-хан, Гитлер и российские революционеры — сущие дети и просто мягкие, сентиментальные филантропы.

— И все же вы сказали, что она не так уж плоха?

— Я так думаю, — спокойно ответил Дэйnton. — Но, возможно, я в этом деле пристрастен, потому что я ее отец.

III

НА КОРАБЛЕ, летящем на Балланку, Лин почти что не видел Рокси Джэйnton. Но ко времени прибытия Рокси успела разбить сердца всем молодым офицерам на борту. Стюардесс же, конечно, тошнило от нее с самого начала.

Лин понимал, что рано или поздно ему предстоит нехилая стычка с Рокси и с удовольствием отложил военные действия до той поры, пока они не прибудут в Балланку, а «Мередит» улетит. Свободное время он поделил между зашибанием денег с любого на корабле, кто рискнет сесть с ним играть, и чтением о Балланке.

Балланка оказалась довольно приятной планетой, разве что жарковатой. Воздух и вода были не ядовиты, самая развитая форма жизни процентов на двадцать менее разумна, чем люди, дружелюбна и совершенно безопасна, а никаких других животных на планете, крупнее кошки, вообще не водилось.

Но подобно всем дружелюбным, безопасным мирам, Балланка мало что могла предложить цивилизованной Земле. Фактически, лишь один товар стоило с нее экспортовать.

Закономерным считалось, что если мир жестокий, ядовитый, нестабильный и во всех других отношениях квалифицируется, как высоко опасный, то у него есть много того, что нужно Земле. А если он столь же безопасен, как Балланка, то и ценностей не имеет ни на грош.

Таким образом, простая экономика требовала, чтобы все важные поселения основывались в опасных мирах. Балланка была расположена слишком далеко от любого плотно населенного мира, чтобы стать курортной планетой. Следовательно, тамошняя колония должна была зависеть от того, что может производить для собственных нужд, и от того, какие предметы роскоши может экспорттировать.

И Балланка действительно экспорттировала один товар, который, если бы можно было наладить массовый экспорт, мог бы Балланку обогатить. До сих пор насчитывалось три случая, когда СРП прекращала субсидировать маленькие поселения, и они продолжали свое сомнительное существование только благодаря личной поддержке Эдгара Дэйнтона.

Единственный ценный товар на Балланке, названный без особой фантазии просто манной, был продуктом частично естественным, а частично производимым самой высокой разумной формой жизни, гуманоидами с серой кожей, которых официально называли балланкитами, а неофициально — маньяками (подчеркивая их связь с манной). Маньяки производили долгий, сложный процесс с соком определенных деревьев, смешивая их с листвой, различными видами почвы и обычным желатином.

В результате появлялась манна, которой и питались маньяки. На Земле она стала бы деликатесом, если бы люди могли позволить себе покупать ее. Лишь отдельные богачи изредка могли пригласить самых дорогих гостей и подать на обед манну. И делали они это не чаще, чем раз в несколько лет, если хотели остаться богатыми.

Большая часть манны, ввозимой с Балланки, использовалась для производства дорогих пластмасс, которых нельзя было создать без нее. Немного использовалось в невероятной керамике, а также для производства сногсшибающей кинопленки, на которую она наносилась тончайшим слоем.

Не было никаких трудностей в продаже манны на большие деньги. Трудность была в ее получении.

Единственным способом ее производства был тот, каким маньяки производили ее на Балланке. Но, к сожалению, манну нельзя было долго хранить, не многим дольше, чем на время, требующееся для транспортировки на Землю. Таким образом, поставки манны зависели от (а) производящих ее балланкитов и от (б) доставки ее на Землю в нужные сроки и в надлежащих количествах.

Перед Лином была вся история убыточных поставок манны с базы СРП на Балланке. В январе 2175 года запас манны составил 170 тонн – гораздо больше, чем можно было погрузить на корабль. Когда следующий корабль прилетел в мае, осталось лишь десять тонн, годных к употреблению. Вскоре после того, как корабль улетел, балланкиты приволокли еще 110 тонн. К ноябрю, когда прибыл очередной корабль, лишь пять тонн из них были достаточно кондиционными, чтобы выдержать перевозку.

Кроме того, корабли часто прилетали не в то время года. Графики их постоянно менялись. Балланкиты зачастую были не готовы к поставкам манны. И казалось, что нет никакого способа заставить их делать поставки в оговоренное время и понять, когда будет нужна следующая крупная партия.

Казалось, все уже было испробовано. Корабль заставили торчать на Балланке неопределенно долго, готовя к моментальному взлету, как только он будет загружен. И он стартовал год и четыре месяца спустя с полупустыми трюмами, потому что к тому времени, когда были получены последние партии манны, первые давно уже сгнили, и их пришлось выгружать. Даже наполовину загруженный корабль мог принести немалый доход, но ценаостоя корабля и команды, бездельничавшей шестнадцать месяцев, съела всю прибыль. А кроме того, к тому времени, когда корабль покинул Балланку, команда была близка к мятежу, а по прибытии на Землю различные союзы вставили в свои контракты пункт, запрещающий пребывание на Балланке больше месяца.

Неудивительно, подумал Лин, что правление СРП решило отказаться от Балланки. Он только не понимал, на что надеялся Дэйнтон, посыпая туда Лина Барра.

Лин, однако, вполне был готов попытаться найти решение этой проблемы. Он всегда был готов пытаться.

IV

— ПРИВЕТИК! — сказала Рокси, входя, — она никогда не стучала. — Оторвала от чего-нибудь?

— Ну, что я могу делать тут, кроме отдыха? — ответил Лин, откладывая книгу.

— Неужели нельзя больше ничего придумать?

Она присела на тумбочку, единственную мебель в крошечной каюте, кроме складной кровати, на которой сидел Лин.

На ней была яркая алая юбка с сотнями складок и ослепительно-желтая блузка, так обтягивающая грудь, что материя чуть не лопалась. Она была ни высокой, ни низкой, ни блондинкой, ни брюнеткой, и если бы она не была Рокси Дэйnton, то, возможно, стала бы актрисой. И если она не стала актрисой, то вовсе не потому, что была безобразной.

— Послушайте, — сказала она, — я что-то не догоняю. Зачем мой отец отправил вас в Балланку?

— Потому что он считает, что я найду способ выгодно импортировать манну.

— Ну, это только отмазка. — нетерпеливо сказала она. — Он платит вам, чтобы вы нянчились со мной, не так ли? А эта Балланка не стоит ни гроша.

— Балланка может и должна стать золотой жилой, — покачал головой Лин. — Вот только, независимо от рыночной стоимости манны, если грузить на корабли всего лишь по десять тонн раз в полгода, то это даже не окупит расходов. Но если бы мы могли с гарантией грузить корабли хотя бы раз в месяц...

— Не будьте таким дураком. Думаете, я ничего не знаю о Балланке? Получше пришпоривайте маньяков, и не будет никаких проблем.

— К сожалению, — терпеливо сказал Лин, — на станции сидит правительственный инспектор, чтобы не допустить этого. У балланкитов есть свои законные права, как и у любых других существ.

— Делайте так, чтобы он ничего не заметил.

— Боюсь, это вообще не сработает. Балланкиты просто уйдут от станции СРП, и тогда вообще не будет никакой манны.

— Давайте прекратим отговорки, — сердито бросила Рокси. — Какое у вас настоящее задание?

Лин поудобнее откинулся на подушку.

— Предполагается, что я послан работать на Балланку. Это значит, что, так или иначе, я должен добиться увеличения поставок манны. Естественно, корабль, на котором мы летим, заберет всю манну, что будет на складах к моменту его приземления. Меня не похвалят, если ее окажется много, и не обвинят, если мало. Но вот через два месяца прилетит другой корабль, грузовой корабль, и от меня зависит, будет ли его ждать груз манны. В этом и заключается моя работа. Для этого я и здесь.

— Ради Бога, прекратите болтать о манне, я устала слышать об этом. Вы ведь должны сделать из меня добропорядочного гражданина, не так ли?

Лин был вполне подготовлен к этому вопросу.

— А что вы имеете против добропорядочных граждан? — спросил он.

Рокси нетерпеливо одернула юбку.

— Они скучные.

— Но мне кажется, — сказал Лин, — что вы проводите большую часть своего времени в окружении добропорядочных граждан. Или я не прав?

— Это так, черт побери, — вздохнула она. — Вы думаете, я уверена, что я — важнее всего в Галактике?

— У меня еще не было возможности понять, в чем вы уверены.

— Вы думаете, я пропитана гордостью от самой себя?

— Нет, — покачал головой Лин. — Я думаю, ни у кого нет более низкого мнения о Рокси Дэйnton, чем у вас.

Она пару раз мигнула, не зная, что ответить.

— Ну, это удар под дых, — наконец, заявила она. — Вы что, самый умный?

— Не так, как хотелось бы, — вдохнул Лин.

— Вы должны быть умником, — заявила Рокси. — Предок не выбирает дураков. И как вы собираетесь начать работать со мной?

— Мисс Дэйnton, — твердо сказал Лин, — неважно, верите вы мне или нет, но главная моя задача — наладить поставку манны, и у меня нет квалификации врача, психиатра или священника. Если бы я должен был надзирать за вами, то неужели бы держался от вас подальше в течение всего полета?

— Могли бы, — задумчиво сказала Рокси, — если бы были умным. Но сейчас я сыта по горло всеми на этом корабле, а все сыты по горло мной — кроме вас.

— Как мужчины могут устать от такой девушки, как вы?

— Не стройте из себя идиота.

— Я и не строю.

Рокси мотнула ногой, и ее туфелька полетела через каюту. Юбка при этом задралась, и она не потрудилась одернуть подол.

— Почему я должна беседовать с вами о себе?

— Ничего вы не должны. Но если вам не нравится говорить о себе, значит, в вас действительно есть что-то необычное.

— Наверное, вы правы, — капризно заявила она. — Наверное, больше всего мне нравится наблюдать, как мучаются людишки. И знаете ли, их всегда можно заставить мучиться. Сейчас вы наверняка думаете, что я никогда не смогу заставить мучиться вас, но вы ошибаетесь. Вы будете мучиться так же, как все остальные.

— И женщины тоже?

— Женщины в первую очередь. Они вечно соревнуются друг с другом, и я всегда побеждаю, потому что хочу не то, что хочет любая девчонка. Я хочу только победы. Вы знаете Мэри Ширинг, ночную стюардессу? Она сходит с ума по Портеру. Портер женат, но для нее это не имеет значения. На «Мередит» Портер принадлежит только ей, и его жена никогда не сможет помешать этому. Ну, так я вынудила ее заявить, что мне не удастся отбить у нее Портера. А затем я легко это сделала. Я даже не спала с ним, мы просто трепались. Я заставила его поругаться с Мэри, заставила сказать ей, что ему с ней плохо и что он собирается перейти на другой корабль или даже в другую компанию. А ее я заставила сказать, будто он ей вовсе не интересен, даже если бы он остался последним мужчиной в Галактике. А затем я прогнала Портера и больше не сказала ему ни слова.

— Очаровательная история, — сказал Лин. — Я ничего не слышал об этом, может быть, потому, что все считают меня большой шишкой и боятся, что я кого-нибудь уволю. Но я думаю, Мэри и Портер не единственные, кто ненавидит вас?

— Еще я свела с ума Беннинга. Он уже было думал, что завоевал меня, но тут я его прогнала. Я узнала, что Бренда Коули устроилась на работу потому, что ее второй ребенок астматик и

нуждается в дорогостоящем лечении. Ее было так легко заставить мучиться... Вот видите, всегда есть возможность.

— И после всего этого вам становится хорошо?

— Нет, — холодно ответила Рокси. — Я чувствую то же самое, что почувствовали бы и вы, если бы сделали это.

Наступила долгая тишина, вполне мирная тишина, потому что, хотя Лин вполне понимал, почему люди ненавидят Рокси, сам он не мог ее ненавидеть. Нельзя ненавидеть того, кого вы жалеете.

— Все это ошибка предка, — внезапно сказала Рокси. — Он дал мне все, кроме того, в чем я действительно нуждалась. Теперь я знаю, что никто никогда не получает всего, что просит, но уже слишком поздно.

— Это вы сами сказали, не я, — тихо заметил Лин.

— Все верно. Если бы я встретила нужного человека, когда мне было восемнадцать... Но мне уже двадцать два, и я четыре года заставляю всех вокруг мучиться. Теперь слишком поздно.

— Ну, если вы хотите, чтобы я согласился, то я соглашусь, — сказал Лин.

Рокси поднялась на ноги.

— Нет, я не хочу, чтобы вы соглашались. Будь я проклята, если знаю, чего я хочу!

— Следите за своим языком. Леди не должна так выражаться.

Рокси уставилась на него в упор.

— Вы будете учить меня, как надо вести себя, нянюшка?

— Нет. Только как нельзя выражаться.

Внезапно Рокси рассмеялась сдавленным, свистящим смехом.

— Если даже ругань шокирует вас, думаю, вы понятия не имеете, что мне нравится. Хотите знать, почему я стремлюсь стать Премьером на такой планете, как Балланка?

— Я догадываюсь.

Глаза Рокси вдруг стали совсем узкими, и она почти прошипела:

— Чтобы управлять всем миром... Стать его главой, боссом, диктатором с неограниченной властью... Этого я еще не испробовала. Обладать властью над жизнью и смертью, заставлять людей убивать друг друга... За такую власть я отдала бы все, что угодно.

Лин ничего не ответил.

Рокси глядела на него, и жестокость начинала исчезать у нее с лица. Но на мгновение Лин увидел в ее глазах настоящий ад. И впервые он заподозрил, что уже действительно слишком поздно, что она прогнила целиком и окончательно.

Возможно, Рокси почувствовала это, потому что, встретившись с ним взглядом, внезапно повернулась на пятках и вышла из каюты, не потрудившись подобрать свои туфельки.

V

БАЛЛАНКА оказалась горячим, влажным миром, желто-зеленым адом. Не доверяя местным насекомым, Лин и Рокси перед выходом из корабля надели защитные рабочие комбинезоны.

— Иисусе! — воскликнула Рокси, когда на них хлынула влажная жара, и на этот раз Лин почувствовал, что упоминание имени Божьего всуе оправданно.

Уже через несколько минут они узнали, что на складах ожидает всего лишь пять тонн свежей манны и двести — испорченной. Джо Гантер, начальник базы СРП, раздраженно прыгал вокруг них.

— Этот бы корабль да четыре месяца назад, — сказал он Лину чуть ли не в слезах, — тогда бы были покрыты практически все убытки на Балланке.

Лин подумал, в самом ли деле невозможно держать корабль на Балланке «под парами», готовым взлететь сразу же, как только будут забиты трюмы. Однако, он не стал ослаблять свой авторитет специалиста СРП по решению трудных проблем, выступая с непродуманным предложением, которое могло оказаться глупым.

Суeta Гантера раздражала Рокси.

— Почему бы вам попросту не заставить их работать как надо кнутами? — спросила она.

Гантер начал что-то бормотать, что могло быть принято за раскаяние.

— Это у нас мисс Роксана Дэйnton, — сказал Лин.

Гантер поперхнулся.

— Неужели я имею несказанное удовольствие познакомиться с вами? — воскликнул он после того, как прокашлялся. — Я счастлив, что вы смогли посетить Балланку. Мы покажем вам все, что успеем, до отлета «Меридит».

— Она не улетит с кораблем, — сказал Лин. — Она останется здесь.

Гантер вытаращил глаза. Прежде чем он успел что-то сказать, Рокси заметила, как в зарослях движется что-то серебристое.

— Смотрите! Это маньяки? — воскликнула она.

Гантер тут же пришел в себя.

— Мы не пользуемся этим словом, мисс Дэйnton, — сказал он с легким упреком. — У Балланkitов хватает ума понять, что это прозвище унизительно и...

— Я буду звать их, черт побери, так, как мне нравится, — заявила Рокси.

Лин решил, что настал удобный случай показать ей, как обстоят дела.

— Нет, мисс Дэйnton, — заявил он. — Если вы внимательно прочитаете условия моего контракта, то обнаружите, что я могу отправить вас обратно с кораблем, если вы не будете вести себя так, как требуется.

Мгновение казалось, что Рокси взорвется. Но она сумела справиться со своей яростью и снизить ее накал до простого раздражения.

— Какая, черт побери, разница, как я буду называть этих вшивых червяков? — Она резко выдохнула. — Ну, ладно, буду звать их балланkitами, босс.

Глаза Гантера стали квадратными. Ни то, как заговорила Рокси, ни то, как повел себя этот Барр, явно не соответствовали тому, чего он ожидал.

Они стояли возле базы СРП, большого белого здания на краю громадной поляны, которая использовалась в качестве посадочной площадки как для космических кораблей, так и для самолетов, которыми пользовался персонал базы.

БЫЛО сразу понятно, что Балланка — чужой мир. Преобладающими цветами здесь была смесь желтого и зеленого, с томатно-красными вкраплениями. Почти все деревья и кустарники были похожи по форме, казавшейся странной людям

Земли. Мощные, твердые стволы без капли влаги надежно отделяли от почвы основную часть растений. Воздушные корни на конце упругих веток закапывались в землю, готовые мгновенно взлететь вверх при малейшей для себя опасности. Большинство травоядных животных Балланки были маленькими, и растения развивались таким образом для самозащиты.

— Это Зин, — сказал Гантер, когда из кустов появился балланкит. — И я догадываюсь, чего он хочет.

— Впервые вижу жука в одежде, — заявила Рокси.

Балланкиты не являлись насекомыми, но не было ничего удивительного, что Рокси назвала их жуками. Их схожесть с насекомыми даже усиливалась некоторыми гуманоидными чертами. У них была большая голова, маленькая грудь, луковицеобразный таз и длинные, тонкие конечности. Их кожа, хотя и мягкая, как у людей, была серой и слоистой, что придавало ей вид чешуи. Однако, они странным образом казались привлекательными, потом что вместо неуклюжести, которая отличает уродство, их движения были плавными, изящными, даже по-своему красивыми. Просто это была не человеческая красота.

Они были привлекательны, как эльфы, выдуманные земными художниками. И одежда подчеркивала это. Зин носил штаны, которые делали его таз менее выпуклым, и куртку, похожую на болеро, из ярко-оранжевого материала, напоминающего атлас, но красивее и ярче.

Зин проигнорировал Лина, но с любопытством и сомнением осмотрел Рокси, кивнул и заговорил с Гантером высоким, монотонным голосом.

Первым делом, подумал Лин, нужно будет выучить их язык. Гантер мог быть с ним честным или обманывать, но, не зная языка, этого не узнаешь, потому что общаться с балланкитами пришлось бы лишь через Гантера.

Рокси нетерпеливо переминалась в пульсирующей жаре, пока длилась их беседа, затем пожала плечами, расстегнула молнию на комбинезоне и одним движением скинула его, оставшись в коротеньких шортах.

Закончив разговор, Лин бросил еще один любопытный взгляд на Рокси. На этот раз он выглядел изумленным. Во-первых, он не видел, как она снимала комбинезон, и преображение показалось ему волшебным. Во-вторых, линии ее тела, прежде скры-

тые, стали теперь более явными, и, похоже, Зин никогда не видел такого.

Затем он ушел, оглядываясь на Рокси через плечо. Казалось, ему вообще не хотелось уходить.

— Вы поразили его, мисс Дэйнтон, — сказал Лин.

Она тут же сердито обернулась к нему.

— Вы делаете это для того, чтобы раздражать меня?

— Делаю что? — спросил Лин.

— Называете меня мисс Дэйнтон.

— Нет. Могу называть вас так, как вам нравится, — рассеянно ответил Лин.

Ему хотелось послушать то, что говорил Джо Гантер. Гантер не выглядел радостным.

— Балланкиты хотят, чтобы им вернули тонну манны, — сказал Гантер. — Это значит, что для «Меридит» останется лишь четыре тонны.

— Только не говорите мне, что вы собираетесь отдать ее им! — воскликнула Рокси.

— Разумеется, собираюсь. Они поставляют нам манну лишь при условии, что мы вернем ее, если она станет им нужна. Я ответил ей, что они могут забрать и всю испорченную манну. Нам она бесполезна.

— А на что она им? — спросил Лин.

— Они делают из нее ткань. Такую, из которой сделана его одежда.

Очевидно, манна являлась очень полезным материалом. Материя для одежды Зина стоила бы на Земле очень дорого, возможно, достаточно дорого, чтобы окупить перевозку и дать прибыль. Это тоже еще предстояло оценить Лину Барру.

— Пойдем на базу? — спросил Гантер.

— Давно пора, черт побери, — проворчала Рокси.

VI

КОГДА Лин решил пойти после обеда на прогулку, он, к своему удивлению, обнаружил, что Рокси хочет идти с ним. Возможно, «хочет» было слишком сильным словом, чтобы

описать ее угрюмое ворчание, что она не станет возражать немного прошвырнуться.

— Это было бы неожиданным удовольствием, — ответил Лин. — Но я собираюсь лишь пройтись поблизости, чтобы осмотреться.

— Знаю, — и Рокси внезапно выругалась. — Я собираюсь улететь обратно на «Мередит».

— Почему? — спросил Лин.

Если бы Рокси улетела, он бы лишился половины работы, но не стал бы об этом жалеть. Его заинтересовала проблема с поставками манны, и он был бы счастлив полностью сконцентрироваться на ней.

— На Балланке всего двадцать девять человек, — с горечью ответила Рокси. — И только нам двоим меньше сорока лет.

Лин слегка улыбнулся.

— Наверное, вы узнали об этом прежде, чем прилетели сюда?

— «Мередит» не улетит до завтра. Почему команда сидит в нем взаперти? Разве им не хочется выйти и размять ноги?

— Мы получили прививки против бактерий Балланки, а они нет. Это были бы лишние расходы. А кроме того, им дали бы прививки, если бы на Балланке было куда пойти и что посмотреть.

Это, казалось, сработало. Хмурый взгляд Рокси стал еще мрачнее. А затем она словно подслушала мысли Лина.

— Разве вы не хотите, чтобы я осталась?

— Если вы все еще верите этому, — заявил Лин, — то можете убедиться, что моя работа не заключается в том, чтобы нянчиться с вами.

— Допустим, Но почему вы хотите избавиться от меня? Я что, уродлива? Или вы ненавидите женщин?

— Вы не уродливы, и если бы вы были кем угодно, только не Рокси Дэйnton, я был бы рад, если бы вы остались.

— И что это означает?

Лин задумчиво поглядел на нее. На ней были зеленые с белыми полосками шорты и почти прозрачная блузка. Она была хороша так, что захватывало дух.

— Все мужчины на станции, которых вы могли бы заинтересовать, женаты, и жены их тоже здесь, — терпеливо объяснил он.

— И, как вы уже отметили, им всем за сорок. Однако, в течение недели, вы устроите здесь беспорядки.

Ей понравился этот ответ.

- Да, я такая...
 - Тут нечем гордиться. Любая другая сучка, такая же молодая и симпатичная, как вы, могла бы сделать то же самое.
 - Это кого вы назвали сучкой?
 - Мне будет чертовски легче, если вы вернетесь домой, – закончил Лин.
 - Ну и кто здесь ругается?
 - Я не делаю это без повода, как вы.
 - А как вам это? – спросила она и выпалила такие словечки, каких Лин никогда и не слышал.
- Лин не стал колебаться. Крепко взял ее за плечо, он повел ее внутрь базы. Она не вырывалась, пока он не затащил ее в умывальную комнату и не подтащил к раковине.
- Что вы творите, черт побери? – воскликнула Рокси.
 - Вы же моете свое тело, – ответил Лин. – Ну, так настало время хорошенъко вымыть рот.

ЛИН НАКЛОНІЛ ее над раковиной. Рокси отчаянно боролась и вырывалась, но была беспомощна. Сжимая одной рукой ее запястья, другой он набил ей рот мылом, и ее ругательства утонули в мыльных пузырях. Когда Лин ее отпустил, Рокси хотела было ринуться на него, но передумала, потому что ей пришлось срочно прополоскать рот.

Пока она делала это, у Лина была прекрасная возможность уйти, но он не воспользовался ей.

Избавившись от мыла во рту, Рокси выпрямилась и повернулась к нему. Лицо ее покраснело, волосы были всклокочены, одна из бретелек блузки порвалась.

- Я же могу убить вас, – прошипела она, тяжело дыша, и Лин поверил ей. – Вы ведь сделали это для того, чтобы я улетела на «Мередит», не так ли?

- Я сделал это для того, чтобы ваша речь стала чище. Как бы вы почувствовали себя, если бы окружающие узнали, что вы по месяцу носите трусики, не меняя их?

- Вы с ума сошли. Да я никогда...
- А разговариваете вы так, что ваш рот похож на грязное белье. – Поскольку у Рокси, казалось, не было слов для ответа, Лин повернулся, чтобы уйти. – Я ухожу, ведь меня больше не удостоют чести находиться в вашей компании?

— Вы все неправильно поняли, — пожала она плечами. — Я могла бы прогуляться и одна. А что еще мне тут делать?

У Лина была назначена встреча с Гантером и доктором Эллисон, медиком станции, чтобы расширить его теоретические знания о Балланке. В здешних джунглях мелкие зверушки не

представляли опасности, здесь вообще не было никакой опасности, кроме риска заблудиться, который сводила к нулю радиомачта на базе, прекрасно поддерживающая связь.

Некоторое время Лин и Рокси шли молча. Кругом было много балланкитов, и все глядели на Рокси. Она делала вид, что не замечает их.

Они, конечно, мало что увидели, лишь получили первые впечатления от желто-зелено-красного мира. В этой части Балланки не было ни гор, ни морей. Небольшие речки питали множество озер, из которых редкие были в милю длиной. Вокруг, насколько видел глаз, простиралась лишь равнина, поросшая желто-зелеными растениями и красными растениями, и монотонность всего этого нарушали только речки да озера.

— В здешних озерах опасно плавать? — внезапно спросила Рокси.

— Вовсе нет. Рыбы здесь походят на наших и совершенно безобидны.

— Жаль, что я не захватила с собой купальник.

— Купайтесь без него.

Она резко взглянула на него.

— Разумеется, ведь я же бесстыдница!

— А разве не так?

Рокси не ответила и больше вообще ничего не говорила, пока не наткнулась на балланкита.

— О, эти чертовы маньяки! — раздраженно воскликнула она, и тут же на ее губах появилась усмешка. — Это просто так вырвалось, но неважно. У вас же с собой нет мыла.

Впервые он увидел ее улыбку. И тут же изменил свое мнение о ней... Ну, почему бы не сказать и так?

— Надеюсь, вы все-таки не улетите на «Меридит», — сказал Лин.

— Черт побери, — грубо ответила она. — Все-таки вы нянька!

Это было уже ничего. Все равно она не смогла бы сказать что-нибудь более напоминающее комплимент.

— Вы когда-нибудь кого-либо любили, Рокси? — спросил Лин.

— Да, и получила пинок в брюхо.

— Естественно, вы же сами на него напросились?

— Чего? — нахмурилась она.

— Но вы же всегда получаете то, что хотите, разве не так? — спросил Лин.

— Да пошли вы ко всем чертям! — выругалась она, повернулась и ушла.

VII

ЭТОЙ ЖЕ ночью Гантер сообщил взволнованно Лину, что днем привезли двадцать пять тонн манны.

— Это что, так необычно? — спросил Лин. — Я имею в виду, разве манну не привозят, когда прилетает корабль?

— До сих пор не привозили. Вспомните, только нынешним утром появился Зин и попросил немного манны вернуть. Я подумал, что теперь они привезут ее лишь через несколько недель.

— Кажется, они очень заинтересовались мисс Дэйnton. Это может иметь какое-либо отношение к тому, что вы сказали?

— Заинтересовались? Что вы имеете в виду?

— Когда мы пошли прогуляться, то увидели множество балланкитов. Они были буквально под каждым кустом, и все пляились на Рокси.

— Вот именно, мистер Барр, вот именно! — взволнованно восхликал Гантер. — Они вежливый народ. Если им что-то здесь любопытно, они привозят манну за просмотр. Это уже случалось несколько раз, когда мы что-то делали или строили дамбу.

— Тогда я задержу отлет «Меридит» и удостоверюсь, что балланкиты смогут увидеть Рокси завтра.

— Но это долго не продлится. Это никогда не бывает долго. Несколько дней, и не больше.

— А вы пытались продлить это в последний раз?

— Разумеется. Мы предложили научить их делать разные вещи. Два дня они приходили, принося манну. Потом все прекратилось.

— Все равно, будем продолжать держаться этой политики, пока сможем.

Ночью, перед сном, Лин рассмотрел возможность превращения Рокси в белую богиню. Он знал, что подобная тактика часто срабатывает с примитивными народами.

Теперь нужно понять, кого балланкиты могли принять за богиню, какое живое существо выглядело бы в их глазах, как

божественное? Для начала, красивое. Рокси даже балланкиты посчитали красивой. Или, возможно, очаровательно уродливой – это не имело значения. Главное, что у Рокси было нечто, чем не обладали двадцать восемь других мужчин и женщин на станции. Затем, ум. Ну, Рокси гораздо умнее, чем самые гениальные балланкиты. Правда, многие другие из двадцати восьми человек тоже были весьма умны, но им не хватало красоты Рокси.

Итак, Лин был готов попробовать сделать из Рокси богиню балланкитов. Тем временем он приказал задержать отлет «Меридит» на несколько дней – больше он и мысли не допускал о том, что Рокси улетит на этом корабле.

Может быть, она и была тем решением, которое он искал.

На следующее утро Рокси не захотела выходить из станции.

Сами балланкиты никогда не входили в помещения. Если Рокси нужно выставить на всеобщее обозрение, она должна выйти наружу.

Лин сначала думал рассказать Рокси о настоящей причине необходимости ее появления на улице, но тут же отклонил эту мысль. Он уже понял, что слова «сотрудничество» нет в ее личном словаре.

– Давайте пойдем искупаемся, – предложил он.

– Не хочу.

– Вы, случайно, не заболели?

– Я просто ничего не хочу. Оставьте меня в покое.

– Хорошо, – сказал Лин.

Его терпение было вознаграждено. Примерно через час, поискав развлечений на станции и не найдя ничего подходящего, Рокси вышла с полотенцем на плече на поиски Лина.

Сначала они пошли к ближайшему озеру, но не встретили ни одного балланкита. Потом в кустах стали появляться считанные единицы, а немного спустя их уже стало гораздо больше, чем вчера – множество, наверняка, сотни.

Лин обрадовался, надеясь, что Гантер был прав, и они не станут наслаждаться зреющим, не принося при этом манну.

– Я слышала, что жуки нанесли вчера двадцать пять тонн манны, – внезапно сказала Рокси.

– Правильно, – сдержанно кивнул Лин.

– И что это значит? Что у них все это время хранится где-то запас манны. И мы должны просто выбить его из них.

— Хобли сидит на станции для того, чтобы не допустить подобного.

— Хобли ведь можно просто подкупить?

— Весьма сомневаюсь в этом, — сказал Лин. — У меня сложилось впечатление, что он глуповатый, но добросовестный и совершенно честный.

— Какой это должно быть скучный человек, — протянула Рокси. И это знаменовало конец ее интереса к Хобли и к манне.

Под платьем у нее оказался купальник. Они купались почти полчаса, и Лин обнаружил, что не просто возможно, но и, оказывается, весьма легко и весело проводить время с Рокси. Она любила плавать, и была хорошей пловчихой. В воде она казалась просто обычной девушки.

Потом, когда они лежали на жарком солнце, чтобы высохнуть, Лин не спешил начать разговор. Он уже знал, что беседа с Рокси походила на ходьбу по канату, натянутому над зарослями крапивы.

— Я хотела бы улететь на опасную планету, — сказала Рокси. — Дикую и буйную, как, например, эта.

— Зачем? Вы хотите, чтобы вас убили?

— Нет, но я не думаю, что предназначена жить долго.

— Вы имеете в виду, что не хотите прожить долго?

— Я не хочу состариться, — сказала она и вздрогнула.

— Не страшно быть старым, если кто-то вас любит, — заметил Лин.

Она рассмеялась своим странным, скрипучим смешком.

— Вы собираетесь заняться со мной любовью?

— Нет, просто хочу вам сказать, что если бы вы позволили кому-то полюбить вас, то могли бы без страха думать о старости.

РОКСИ опять рассмеялась, на этот раз совсем уж безрадостно.

— Когда дело касается меня, то любить станут мои миллионы.

— Не обязательно, — сказал Лин Барр.

— Как я могу это определить?

— Если бы это был я, то вы бы знали это точно. Сейчас вы не нравитесь мне, несмотря на миллионы вашего отца. Так что если бы я внезапно полюбил вас, то вы бы знали, что полюбил бы я именно вас, а не миллионы вашего отца.

— Вы думаете, меня, черт побери, волнует, нравлюсь я вам или нет? — презрительно спросила она. — Если я когда-либо снова влюблюсь, то вряд ли в вас.

— Я говорю не о любви, — терпеливо объяснил ей Лин. — Вас может не волновать, люблю ли я вас. Но на самом-то деле вы хотите понравиться мне.

Довольно долго она молчала.

Вокруг множество балланкитов плялились на нее, но они вели себя так тихо, что на них можно было не обращать внимания. Рокси, казалось, так и делала. Но Лин не хотел забывать о них. Он держал Рокси на виду у них как можно дольше.

— Так или иначе, — сказала она, наконец, с горечью, — я вам не нравлюсь. Вы сами так сказали.

— Верно, — кивнул Лин. — Но я простой человек. Если вы станете симпатичной, то понравитесь мне.

Она снова рассмеялась скрипучим смешком.

— Выходит, я была права. Вы все-таки хотите сделать меня солидным членом общества.

— Рокси, вы когда-нибудь глядите на себя?

— Физически — постоянно. А о чем вы говорите — нет.

— А даже если и глядите, то не замечаете одну важную вещь. Люди обычно ее не замечают.

— А вы замечаете?

— Да. Рокси, вы никогда не найдете счастья в новых вещах, в том, чего никогда не испытывали прежде, например, если станете главой СРП в примитивном мире. Если вы когда-нибудь обретете счастье, то найдете его в самых обычных вещах, тех, что всегда презирали.

— Когда мне захочется выслушать проповедь, я попрошу вас об этом.

— Это не проповедь, Рокси, это — правда.

Снова наступило долгое молчание, и на этот раз его нарушил Лин.

— Как бы там ни было, — сказал он, — сегодня вы мне нравитесь намного больше, чем вчера.

— Почему?

— Вы сами знаете, почему.

Она ничего не ответила, так, что, вероятно, поняла. За весь день она ни разу не выругалась.

В этот день балланкиты принесли больше тридцати тонн манны.

VIII

ЗА НЕДЕЛЮ «Мередит» была загружена под завязку, и Лин отправил ее, а вместе с ней – личное послание Эдгару Дэйntonу.

По договору, Лина не должны ни винить, если «Мередит» вернется пустой, ни хвалить, если она придет с грузом. Реальной проверкой будет вторая партия, после того, как Лин пробудет на Балланке два месяца.

Однако, «Мередит» улетела, предельно загруженная свежей манной, и Лин не видел причины, почему не должен сообщить, что в этом его заслуга. Его письмо не было скромным, оно было почти дерзким. Раз уж он преуспел, то не хотел, чтобы его успех был приписан кому-то другому, дабы не спугнуть удачу.

Рокси не улетела на «Мередит».

– Наверное, я могу и остаться, – неохотно сказала она.

– Наверное, можете, – рассмеялся Лин.

Она бросила на него подозрительный взгляд.

– А что тут такого забавного?

– Подумайте сами, Рокси. Последние пять дней вы были гораздо счастливее, чем за последние годы.

– О, конечно, – пожала она плечами. – Здесь не так уж и плохо... не считая жуков, которые вертятся всюду вокруг меня. Я почти что счастлива. Но это лишь первые несколько дней. Потом все кончится. Так всегда бывает.

– Если вы будете уверены, что не кончится, то оно не кончится.

– Не будьте идиотом, – сердито сказала она. – Разумеется, я хочу быть счастливой. А кто не хотел бы? Просто всякий раз, когда я начинаю чем-то наслаждаться, обязательно случается что-то, что все разрушает.

– Может, на этот раз так не будет.

– Лин, скажите мне правду. Пожалуйста. Мой отец нанял вас, чтобы вы попытались исправить меня? Я должна знать это. Пожалуйста, скажите мне.

— Если и так, — заметил Лин, — тогда я хорошо потрудился. Вы дважды сказали «пожалуйста». Прежде вы не делали этого.

— Лин, скажите мне правду. Пожалуйста!

— Я должен организовать здесь поставки манны, — размеренно сказал Лин. — Я уже говорил вам, и это правда. Но ваш отец добавил, что заодно я мог бы что-то сделать для вас... Вот его точные слова: «если вы сумеете что-нибудь сделать для Рокси — Балланка может пойти ко всем чертям».

— Понятно, — с горечью протянула Рокси. — Значит, вы лишь выполняете приказы. Следите, чтобы маленькую Рокси никто не обидел.

— Я могу лишь повторить то, что только что сказал, если вы плохо расслышали.

На лице ее появилась смесь подозрения и надежды. Лин понял, ей начинает казаться, что она влюбилась в него. Было ли это так, другой вопрос. И конечно же, Лин не любил ее и подозревал, что она просто потянулась к кому-то, кто мог многое вынести от нее и не выйти из себя.

— Если честно, — сказал он, — сначала я был бы рад, если бы вы улетели на «Меридит». Мне обещали сто тысяч долларов, если я организую поставки манны. Я бы с удовольствием избавился от вас и сосредоточился на этой работе. Но потом я передумал.

— Когда?

— В тот день, когда намылил вам рот. Вы не затаили на меня злобу. Мне это понравилось, Рокси. Я не знал, что вы можете принимать пинки так же, как и раздавать их.

— Хотите, чтобы я разрыдалась? — резким голосом спросила она.

— Нет, если вы сами не хотите этого.

— Ну, я не уверена, что у меня вообще было сердце, но если и было, то оно давным-давно разбито. — И с внезапной страстью она добавила: — Только ради бога, Лин, если вы хотите что-то сделать, делайте это сейчас, а не откладывайте на потом.

ПЕРЕМИРИЕ между Лином и Рокси продержалось без инцидентов почти неделю. Он по-прежнему каждый день ходил с ней купаться, хотя балланкиты постепенно теряли к Рокси интерес, и поставки манны почти прекратились.

Лин учил язык балланкитов, который не был ни богат, ни сложен, и одновременно изучал все, что мог увидеть и что могло оказаться для него полезным.

У балланкитов отсутствовало чувство времени. И теперь Лину стало ясно, что он никогда не сможет научить их приносить манну каждые два месяца или раз в полгода. И не было никаких способов заставить их производить манну. Свод законов, по которым СРП разрешили работать, строго претворял в жизнь Хобли, и это были достаточно справедливые законы. Никакого вмешательства в жизнь местных жителей, никаких угроз, никаких силовых воздействий.

От землян балланкиты требовали лишь всякие мелочи, облегчающие им жизнь: ножи, иголки, ножницы, спички, ручные фонарики, гвозди, винты, отвертки, компасы, булавки, зеркальца, бритвы и т. п. Они умели отказываться от того, что им было не нужно, причем делали это вежливо, так как были вежливым народом.

Следовательно, за единственный товар, нужный СРП, балланкиты хотели то, что не было для них жизненно необходимым и что они могли получить в любое время, когда приносили немного манны. СРП приложили значительные усилия, пытаясь продавать им что-то другое, включая постройку зданий, тракторы и контроль над погодой, но балланкиты ничем этим не заинтересовались.

Казалось не было никакого способа заставить их приносить манну, скажем, в апреле, а не в июне. Отказ принимать ее не в надлежащее время приносил больше вреда, чем пользы. Они решали, что незнакомцы больше не хотят манны, эта новость передавалась устным образом быстрее, чем по радиосвязи, и балланкиты вовсе переставали приносить манну. С точки зрения СРП лучше было принимать манну в любое время, чем позволить балланкитам думать, что она им вообще не интересна.

И все еще оставалось неясным, почему маньяки так заинтересовались Рокси сначала, почему угас их интерес, и можно ли его как-то снова разжечь и как именно.

— О балланкитах действительно мало что известно, — сказал Лину психолог доктор Роуз. — Они безопасные, вежливые создания, но почти не интересуются нами. Они не считают и никогда не считали нас богами. Да, мы умеем летать в небе, но они не

стремятся летать. Любой честолюбивый народ восхитился бы человеческой цивилизацией, но они вовсе не честолюбивы.

— Я никогда об этом не думал, — признался Лин. — Мы считаем, что научились делать замечательные вещи. Но вы правы, лишь та раса, которая стремится делать то же самое, будет впечатлена нашими достижениями.

— Если одной прекрасной ночью мы вдруг исчезнем, они даже не почешутся, — продолжал Роуз. — В былые времена мы сделали бы их рабами и заставили уважать нас, или притворяться, что уважают. Но по современным законам мы сами даем им повод игнорировать нас.

— А как насчет религии? — спросил Лин. — Что вы знаете об этом?

— У них есть какие-то церемонии, — покачал головой Роуз. — Через нерегулярные интервалы, поскольку у балланкитов нет календаря, а на Балланке, как вы знаете, не бывает смены сезонов. Я попросил разрешение присутствовать на них, и мне было отказано, разумеется, вежливо. Но я не думаю, что эти церемонии важны, так как ни до них, ни после среди балланкитов не наблюдается ни волнения, ни возбуждения.

Однако, Лин заинтересовался этим. Он по-прежнему верил, что балланкиты сначала приняли Рокси за какую-то богиню, и что у них пропал к ней интерес после того, как она не сделала то, что, по их мнению, должна делать богиня.

Так или иначе, но разобраться стоило. И не было сомнений, что если Лин сумеет восстановить Рокси в статусе богини, манна снова польется рекой. И это было бы хорошо, так как следующий корабль, «Генри Джеймс», должен прилететь примерно через семь недель.

IX

РОКСИ что-то мурлыкала себе под нос, поспешно идя по коридору в офис Лина. Заметив это, она резко замолчала, сердито подумав, что нельзя сделать себя счастливой, лишь распевая всякие глупые мелодии.

Перед дверями офиса она остановилась, чтобы заправить блузку и пригладить волосы.

И услышала, как Лин говорит:

— Я все равно думаю, что мы можем снова заинтересовать их Рокси. В конце концов, как вы сами сказали, никогда раньше они не приносили чуть ли не двести тонн манны меньше, чем за неделю.

— Они больше не появляются, чтобы смотреть на нее? — послышался голос Гантера.

— Всю прошлую неделю мы почти вообще не видели балланкитов. А когда все же сталкивались с ними, они обращали на Рокси не больше внимания, чем на вас или меня.

— А в первое время на нее приходили глядеть только мужчины, или женщины тоже? — спросил Гантер.

— Довольно странно, но женщин было не меньше, чем мужчин. Казалось, они не хотели потрогать ее, а только быть рядом и смотреть. Раньше я заставлял ее загорать поближе к кустам, чтобы многие из них могли...

Рокси распахнула дверь и ворвалась внутрь, сверкая глазами.

— Так вот вы о чем заботились! Только о манне!

— Входите, Рокси, я сейчас освобожусь, — спокойно ответил Лин.

— В то время, как мы плавали и загорали, вы просто устраивали для жуков шоу! Я не придавала значения тому, что вы постоянно интересовались, сколько манны принесли эти чертовы маньяки! Я думала, что вы интересовались мной, а на самом деле вас интересовали лишь эти проклятые сто тысяч долларов!

— Как насчет того, чтобы пойти искупаться, Рокси? — улыбнулся Лин.

— Нет! — закричала она. — И никогда не пойду!

Ее высокие каблучки стучали, как пулемет, когда она неслась по коридору.

— Мне нужно пойти за ней, — сказал Гантеру Лин. — Извините.

Рокси не было в ее комнате. Не было ее на станции, и на озере, где она купалась вместе с Лином. Он прекратил поиски, зная, что рано или поздно она вернется.

Лин не проклинал судьбу, себя или Рокси. Прежде он не посмел сказать ей, что отчасти те часы, которые они проводили, купаясь и загорая, были ради ее эффекта на балланкитов и связанных с ним поставок манны. Но он не думал, что она может

так выйти из себя. Хотя частично это крылось в ее мрачной уверенности, что обязательно случится что-то, что все испортит.

Рокси была уверена, что это произойдет. И теперь решила, что вот оно – произошло!

РОКСИ бежала через кустарник, пока жара не вымотала ее.

В голове были лишь отрывочные мысли. Гнев закончился, и в сердце осталась унылая тоска.

Плавать не хотелось, но она была возле озера и страдала от жары. Не было ни полотенца, ни купальника. Рокси небрежно сбросила юбку и блузку и, раздетая, вошла в воду.

Плыя по озеру, она почувствовала себя немного лучше. Наверное, Лина можно оправдать, подумала она. Но теперь она не смогла бы доверять ему, как прежде, и вечно была бы настороже. Теперь, когда он показал, что он не лучше и не хуже большинства мужчин, которых она знала прежде, не было причин, почему она не должна...

Продолжая плыть, она заплакала. Она не плакала уже много лет. Она даже думала, что давно уже выплакала последние слезинки, и не осталось ни одной...

Она медленно стала выходить из озера, и вдруг гнев вспыхнул в ней с прежней силой, когда Рокси увидела, что возле ее одежды сидит на корточках балланкит и таращится на нее.

Она пригнулась и спряталась в воде.

– Убирайся! – заорала она.

Балланкит не шевельнулся. Рокси ругала его, используя все грязные слова, которые не произносила в течение двух последних недель.

Ярость ее все усиливалась. Рассудок подсказывал ей, что поскольку существо на берегу относится к иной расе, то не имеет значения, голая она перед ним или нет, это все равно, что быть голой перед кошкой или собакой. Но Рокси уже не слушала доводов разума. Она хотела выйти из воды и одеться. И тут ее ярость окончательно вышла из-под контроля.

– Ну, я проучу тебя! – прошипела она и выскочила из воды. Балланкит продолжал плятиться на нее, не двинувшись с места.

Рокси ударила его в туловище, и он согнулся. Тогда она стала молотить его маленькими, твердыми кулаками. Балланкит,

казалось, понятия не имел о самообороне и при каждом ударе лишь судорожно дергался.

Затем он, все еще дергаясь, упал на землю. Рокси повернулась к нему спиной, оделась и ушла, оставив его лежать на земле.

У входа в станцию она встретила Лина.

— У вас проблема, — мрачно заявила она. — Я только что избила одного из ваших маньяков.

И прошла мимо него в здание.

А через пять минут ее арестовал Хобли.

X

БАЛЛАНКИТ не умер, хотя был недалек от этого. Двое носильщиков принесли его на носилках в ближайшую деревню Морат. Балланкиты в деревне позабочились о нем, не поднимая шума, возможно, они решили, что это несчастный случай, а сам травмированный маньяк был без сознания и не мог рассказать, что случилось.

На базе СРП Хобли созвал суд. Лину не дали слова. Хотя он был Премьером СРП на Балланке, когда совершилось преступление, вся власть Лина перешла к Хобли.

Было выдвинуто обвинение в покушении на убийство.

Суд был коротким и деловым. Рокси приговорили к содержанию под арестом на станции до прибытия ближайшего корабля, а затем высылке с планеты.

— И вам еще очень повезло, мисс Джентон, — сказал ей Хобли, — самое большее, что мы можем сделать, это выслать вас. Туземцы на планетах СРП имеют такие же права, что и люди. Вам за это светило бы лет десять.

Рокси ничего не ответила. Она была бледной, напуганной, неспособной связно мыслить и очень одинокой с момента ареста. Суд казался ей дурным сном.

Именно Гантер принес стальной браслет и застегнул его у Рокси на запястье.

— Вы знаете, что это, мисс Дэйнтон? Вы можете пойти куда угодно на станции, но если выйдете на улицу, то получите укол в руку и потеряете сознание. Вам понятно?

Рокси кивнула. Это тоже не укладывалось у нее в голове.

Затем они вышли друг за другом и оставили ее в покое в комнате для собраний, где проходил суд.

Рокси села и уткнулась лбом в стоящий перед ней стол.

Всего лишь несколько часов назад она была счастлива. Она поверила Лину Барру, как не верила никому до него, она почти что влюбилась в него и, конечно же, уважала его, как не уважала до этого ни одного человека.

А затем, когда эта идиллия была разрушена, она в гневе напала на туземца и...

Она все еще плохо помнила, что было дальше. Даже после высокородных слов и мрачных лиц судей Рокси все еще казалось, что сделанное ею словно в лихорадке, мог бы при подобных условиях совершить любой человек... Любой, кроме Лина, конечно.

Она поймала себя на том, что опять думает о Лине, как о ком-то особенном. Фактически, Лин показал, что он точно такой же, как...

— Рокси, — раздался голос Лина.

Она молча сидела, потом вдруг заплакала, впервые при нем.

— Если бы только вы не убежали, — сказал Лин, когда она немного успокоилась и вытерла глаза. — Рокси, вы слишком сильно мучились из-за пустяков. Теперь вы уже поняли это, не так ли?

— Нет, ничего я не поняла, — сказала она, пытаясь говорить резко, горько и неумолимо, но трудно быть таковой, когда вас так запросто признали виновной в преступлении.

— Ну, тогда я вам объясню, — продолжал Лин. — Что вы услышали? То, что маньяки проявили к вам интерес, заставивший их нести на станцию манну. Но это должно вам польстить, а не разъярить.

— Вы же знаете, что дело не в этом, — пробурчала Рокси. — Я просто узнала, что вас заботила только манна и...

— Рокси, когда мы пошли погулять в первый день, я не знал, что туземцы принесут манну из-за вас. Вчера и сегодня я точно знал, что ничего они больше не принесут, так как их интерес угас еще несколько дней назад. Говорю же вам, Рокси, туземцы больше не интересуются вами, так что теперь, я уверен, вы поймете, что я общаюсь с вами лишь ради вас самой...

— Да, но в первую неделю вы думали о манне, а не обо мне.

— Если вы считаете, — усмехнулся Лин, — что я могу лежать рядом с вами, когда на вас надет тот белый купальник, и размышлять о манне, то у вас весьма странные представления о том, что думают мужчины.

Рокси рассмеялась, хотя ее глаза все еще были влажные. Теперь она пожалела, что избила туземца ни за что, ни про что.

ЛИН ПОШЕЛ в деревню настороженный, не зная, какой ему окажут прием. Но балланкитам, казалось, было безразлично, что одного из них чуть не убили.

С людьми, как обычно, разговаривал Зин.

— С раненым все в порядке? — спросил Лин.

Зин обнял себя руками за плечи в балланкитском эквиваленте пожатия плечами.

— Он рассказал, что случилось?

— Да. Зар сказал, что Белая Леди *пор*. Некоторые из нас пошли посмотреть, но она не делала *пор*.

— Что такое *пор*?

Зин снова обнял себя за плечи. Пор — это пор.

Разговор с балланкитом напоминал обсуждение «Критического анализа» Канта с умственно отсталым ребенком, но Лину ничего другого не оставалось.

— Почему вам нравилась Белая Леди?

— Потому что она *пор*.

Лин попытался решить эту загадку. Зар, балланкит, которого ранила Рокси, сказал, что она *пор*. Балланкитам она раньше нравилась, потому что *пор*.

— А теперь она не делает *пор*? — спросил Лин.

— Нет. Некоторые из нас ходили смотреть, но она не делала *пор*.

Интересно, подумал Лин. Зар, который сказал, что Рокси *пор*, видел ее выходящей нагой из озера. Прежде, когда она тоже явно *пор*, она загорала на берегу. Но все это не то. До вчерашнего дня она продолжала плавать и загорать, но туземцы считали, что она больше не *пор*.

— Белая Леди красивая, — сказал ради эксперимента Лин.

— Да, — тут же согласился Зин, но это опять-таки было не то.

Рокси была красива, но все же не *пор*.

Но все-таки что же тут крылось? Вне всякого сомнения, балланкиты, принадлежавшие к иной расе, считали Рокси красивой. Сам Зин в первый же день заинтересовался ею, когда она была в рабочем комбинезоне, но еще больше, когда она сняла его. И все же можно устать от созерцания красивой девушки в купальнике, особенно если она чужой расы. Но предположим, когда все устали от вида ее в купальнике, она бы сняла его?

Ну, это могло бы объяснить, как Рокси перестала *пор* для всех, кроме Зара тем злополучным утром. И если это объяснение правильное, то Рокси еще может стать источником поступления манны, если суметь ее убедить...

Бендерс, специалист станции по лингвистике, не сумел помочь Лину с «пор».

— Я несколько раз сталкивался с этим словом, — сказал он, — но не сумел установить его значение. Оно как-то связано с их религией.

— Так я и думал, — ответил Лин. — Предварительный вывод, к которому я пришел, был слишком прост. Вы уверены, что это не связано с красотой... или с полом?

— Не знаю, — покачал головой Бендерс. — Если добьетесь приглашения на религиозную церемонию балланкитов, то сможете все узнать. А как узнаете, расскажите мне.

Лин понял, что Бендерс попросту саркастичен, но его предложение было не лишено смысла.

— Хорошо, — задумчиво сказал он. — Я добьюсь приглашения.

XI

ПРЕЖДЕ ЧЕМ рассказать о своих планах Рокси, Лин пошел с просьбой к Хобли.

— Мне жаль, господин Полномочный представитель, — твердо ответил Хобли, — но я не могу изменить приговор. И здесь не важно, обеспокоены ли сами балланкиты этим преступлением. Мисс Дэйnton признана виновной, приговор был вынесен. Я в самом деле ничего не могу с этим поделать.

— Хобли, — сказал Лин, — я знаю, что вы независимы, и не пытаюсь подкупить или запугать вас. Но если станцию здесь придется прикрыть, а Балланку перечеркнуть, как перспектив-

ного партнера для торговых отношений, и если я сообщу, что все это случилось лишь потому, что мистер Хобли отказался со мной сотрудничать, как вы думаете, понравится это вашему начальству?

Толстяк Хобли тут же начал потеть.

— И вы говорите, что это не запугивание?

— Мистер Хобли, вы разумный человек. А потому, без сомнения, знаете, что «Меридит» улетела с полным грузом манны из-за интересов балланкитов к Рокси Дэйnton. И если я хочу достигнуть каких-либо результатов до прилета «Генри Джеймса», то мне нужна для этого Рокси Дэйnton, и нужна она мне вне станции.

До Хобли дошло, как он может спасти свое лицо.

— Ну, разумеется, если вы все время будете с ней и возьмете на себя всю ответственность... — протянул он. — В конце концов, Премьер, я же хочу сотрудничать...

Рокси оказалась более твердым орешком. Она не разъярилась и не послала Лина ко всем чертям в ад. Она просто слегка нахмурилась и заявила:

— Простите, Лин, но я просто не знаю, как к вам относиться. С одной стороны, мне кажется, что я могу доверять вам. Но с другой, вы наверняка продали бы и меня, и собственную душу, и все, что угодно, только чтобы к прибытию «Генри Джеймса» склады ломились от манны.

— Если вы на самом деле доверяете мне, — бодро ответил Лин, — то все станет легче для нас обоих.

— Нет так уж легко начать доверять друг другу, — покачала она головой.

— Скажу вам честно, Рокси, я пытаюсь уладить проблемы на Балланке для вашего отца, и за сто тысяч я выполню эту работу. Но одновременно я хочу полюбить одну девушку и сделать все, чтобы она полюбила меня. Ну, как, убедил я вас?

— Нет, — ответила Рокси. — Не убедили.

— Ну. Рано или поздно я добьюсь своего. Не факт, что я никак не смогу показать вам, что мне можно доверять.

— Не знаю, как вы собираетесь это показать. Вы пытаетесь сделать столько вещей одновременно, что я уже не понимаю, чего вы хотите на самом деле.

— Вы можете оставаться здесь взаперти до прибытия «Генри Джеймса». А можете, если хотите, ходить со мной купаться, как прежде.

— Не считая того, что плавать я должна в чем мать родила, а вы созовете отовсюду маньяков, чтобы они плялились на меня.

— Честно говоря, — усмехнулся Лин, — все это лишь тщательно спланированный заговор, чтобы вынудить вас купаться со мной.

— Не слишком-то мне это нравится.

— Мне тоже, но ничего. Я... Вы ведь доверяете мне, не правда ли, Рокси?

БАЛЛАНКИТОВ прибыло великолепное множество. Они держались в стороне и, как и прежде, не позволяли себе путаться у них под ногами.

После некоторых колебаний Рокси, с которой сняли браслет, удерживающий ее в заключении, сбросила одежду. Лин, правда, остался в плавках.

Они искупались и вернулись на берег. Рокси попыталась загорать и забыть о балланкитах, которые таращились на нее из-под каждого куста.

Но ей и не пришлось стараться. Не успели они выйти на берег, как балланкиты ушли, все до единого.

— Ну вот, это не сработало, — сказала Рокси, откидывая с лица влажные волосы.

— Я же сказал вам, — ответил Лин, — что все это тщательно продуманный заговор, чтобы заставить вас плавать голышом.

— Лин, вас что, действительно не волнует, что ваша затея не удалась? Что балланкитам я больше не интересна?

— Рокси, даже если балланкитов станет от вас тошнить, я все равно хотел бы найти путь к вашему сердцу.

Она подошла к одежде.

— Все закончилось, да?

— Да, — кивнул Лин. — Можете одеваться. Поскольку я все еще не придумал, как завоевать ваше сердце, то хватит геройствовать.

— **О**НА НЕ СДЕЛАЛА *por*, — сказал Зин.

Он не был сердит — балланкиты никогда не сердились. Он не обвинял Лина — балланкиты никогда никого не обвиняли. Он просто констатировал факт.

- Зин, вы можете сделать *por*? – спросил его Лин.
- Я не могу сделать *por*.
- Да, но Белая Леди… Что она делала, когда делала *por*?
- Ничего.

Лин попытался придумать вопрос, на который мог бы получить нужный ответ. Его явно ставило в тупик не незнание языка, а сам язык. Значит, было мало надежды, что ему объяснят другими словами, что такое *por*.

Затем Лин кое-что вспомнил.

- Иногда у вас проходят церемонии, – сказал он Зину.
- Да.
- А что, если Белая Леди посетит такую церемонию?
- Зин принял долгое, окольными путями, вежливо отказывать ему в этом. Когда он замолчал, Лин сказал:
 - Если бы она присутствовала на такой церемонии, то делала бы *por*.
- Зин долго молчал.
- В следующий раз я пошлю за вами, – сказал он, наконец, – и вы приведете Белую Леди.

XII

«ГЕНРИ ДЖЕЙМС» прилетел на три недели раньше. На складах базы была манна, двадцать тонн, которые не вошли на «Меридит».

И хотя Лин имел полное право задержать корабль на три недели, а при необходимости и дольше, ему бы этого не хотелось. Но за три недели что-нибудь могло произойти. Религиозная церемония балланкитов, например.

Однако, появление корабля позволило ему провести еще один эксперимент. Лин выбрал из экипажа «Генри Джеймса» самых симпатичных девушек, сделал им прививки от бактерий Балланки и повел купаться вместе с Рокси.

Его ждал очередной провал. Собралось довольно много балланкитов. Но, очевидно, ни одна из девушек не могла *por*.

Так что туземцы не принесли ни килограмма манны.

Рокси была молчалива и ушла, оставив девушек на берегу, тем более, что Лин смеялся и весело проводил время в их окружении.

Позже, когда девушки вернулись на «Генри Джеймс», Рокси заявила:

— А у этой рыженькой девушки хорошенькая фигурка.
— Да, но вам не нужно испытывать к ней ревность, — ответил Лин. — Ее отец вовсе не миллионер.

Рокси мгновенно повернулась к нему.

— Лин, теперь я знаю, как это происходит. Раньше, когда я соревновалась с какой-нибудь девушкой за мужчину — с любой девушкой за любого мужчину, — то всегда побеждала, потому что мне было плевать на них обоих. Побеждать всегда легко, если плевать на все.

Лин ничего не ответил.

— Не поймите меня превратно, — продолжала Рокси. — Я знаю, что отличаюсь от прежней. Теперь я более счастлива и менее самоуверенна. И это сделали вы, Лин.

— Я ничего не делал, — покачал головой Лин. — Вы просто все перепутали. Я сказал вам, Рокси, что вы могли бы понравиться мне, если бы стали посимпатичнее. Так вот, теперь вы мне нравитесь. Теперь вы мне очень нравитесь.

ПРОШЛО несколько недель, прежде чем балланкиты послали Лину приглашение. Церемонии не проходили по определенным датам, поскольку у балланкитов вообще не было никаких дат. Очевидно, они происходили тогда, когда балланкиты чувствовали, пришло время церемонии.

— Вам повезло, что прождали лишь несколько недель, — сказал Лину Роуз. — Естественно, нам неизвестно, когда состоится очередная церемония, но иногда между ними проходит по шесть месяцев. Как жаль, что я не могу пойти с вами. — И он вздохнул.

— Жаль, — кивнул Лин. — Они пригласили Рокси в надежде, что она опять будет *por*. Предполагалось, что я тоже пойду, потому что они почти никогда не видели Рокси без меня.

— Только ничего не упустите, — сказал Роуз.

Рокси все это очень не нравилось. Она не ощущала симпатии к балланкитам. Несмотря на свое чуждое изящество, они отталкивали ее, и, вероятно, когда она избивала Зара, причиной тому был страх перед ним — ведь мы вечно стремимся уничтожить то, чего боимся.

Однако, к этому времени Рокси уже казалось вполне естественным выполнять то, что говорит Лин, поэтому она и не подумала отказаться пойти на церемонию, хотя спросила:

— Лин, а эта проблема с манной действительно имеет для вас значение? Предположим, что маньяки вообще перестанут приносить манну. Тогда вам придется вернуться на Землю и сообщить, что вы потерпели неудачу?

— Мне не хотелось бы этого, — ответил Лин. — Но я не думаю, что это сломало бы мне всю оставшуюся жизнь. В конце концов, вашему отцу хорошо известно, что шансы на успех не велики. И я думаю, что он рад получить хотя бы один полностью загруженный корабль — ведь такого никогда не было раньше.

— Допустим, вы потерпите неудачу, — продолжала настаивать Рокси. — Вы станете жалеть о том, что попробовали? Вы будете жалеть, что вообще прилетели на Балланку?

— Я понимаю, какого ответа вы ждете от меня, — усмехнулся Лин. — Но я не скажу его. По крайней мере, не сейчас.

Он не упомянул Рокси о возможной опасности, только предупредил, чтобы в любом случае она не выказывала удивления и не теряла головы. Однако, Лин понимал, что даже такая вежливая, мирная раса, как балланкиты, могла стать иной в пылу религиозной церемонии. В карманах у него было два пистолета, из которых можно было выпустить несколько сотен пуль как одиночными выстрелами, так и очередями. А еще он принял меры, чтобы Хобли и Гантер были неподалеку от деревни, готовые прийти на помощь, если начнется стрельба.

Что же касается Рокси, она была в мерцающем белом платье и украшенном блестками трико на тот случай, если ее пригласят принять участие в церемонии. Хотя в последнее время Лину казалось, что этот *por*, чем бы он ни являлся, не имеет никакого отношения к физическому очарованию Рокси, но все же он не был до конца уверен в этом.

Наступила ночь и они отправились в Морат, где Зин жестом велел им сесть в тени хижины с распахнутой дверью. Деревня выглядела так же, как и всегда, и единственной подготовкой к церемонии являлись два столба, вбитых в землю на расстоянии восьми футов друг от друга.

— Что тут будет происходить, Зин? — спросил Лин.

Но Зин исчез в тени, притворяясь, что не услышал вопроса.

Во всяком случае, вначале не было никакого продуманного церемониала. Просто постепенно поляна в центре деревни стала заполняться туземцами. Они почти не разговаривали, но балланкиты вообще не были болтливой расой. Они просто стояли, как и всегда, словно ожидая, что появится бог из машины и начнет действие.

ХОТЯ Лин и Рокси сидели в глубокой тени, балланкиты знали об их присутствии и временами бросали на них любопытствующие взгляды. Но в них не было ничего напоминающего тот нетерпеливый интерес, который они первоначально проявили к Рокси.

Затем принесли деревянный ящик, и все балланкиты, мужчины и женщины, столпились вокруг него. Казалось, они что-то рисовали на нем. Потом пять балланкитов встали по одну сторону от ящика, трое мужчин и две женщины.

Толпа, казалось, не волновалась и не испытывала никакого предвкушения. Потом какой-то балланкит указал на одного из пятерых деревянной палкой, и тот лег на землю.

Пока Лин и Рокси пытались понять, что происходит, балланкит с палкой воткнул ее острый конец в выпуклый таз лежащего, буквально пришиплив его к земле. Тот застонал, корчась и дергаясь, как насекомое на булавке, явно в предсмертной агонии.

Рокси приглушенно вскрикнула от ужаса. Лин схватил ее за руку и крепко сжал. В такой момент было опасно привлекать к себе внимание.

Теперь в толпе явно чувствовалось волнение и наслаждение. Балланкиты подались к умирающему маньяку, с восхищением глядя сверху вниз на его мучения.

Через несколько минут вторая из пяти жертв была также пронзена и приколота к земле, и его стоны смешались с хрипами первого балланкита. Затем к земле пришипили сразу двоих – женщину и мужчину. Теперь все четверо кричали и стонали от этих пыток, дергая всеми конечностями. Их тела образовали квадрат вокруг двух столбов.

Рокси закрыла глаза, но тут же снова открыла их. В руках у некоторых балланкитов вспыхнули факелы, и было невозможно не смотреть на освещенную сцену посреди темной площади.

В толпе началось движение. Балланкиты поочередно входили в квадрат, образованный жертвами, и выходили с другой стороны. Не было ни пения, ни танцев, но все казались радостными — кроме четырех умирающих жертв, приколотых к земле острыми палками.

Последняя жертва, молодая женщина, стояла в стороне. Она не была связана, но лишь в последний момент, когда несколько балланкитов направились к ней, попыталась сбежать.

Но ее поймали и принесли в центр квадрата. Лодыжки ее привязали к одному столбу на высоте пяти футов над землей, а запястья — к другому, и она оказалась растянутой в воздухе. Четыре другие жертвы все еще стонали и корчились вокруг нее.

Раздался крик, и по этому сигналу все окружили привязанную к столбам девушку. Какое-то мгновение Лин и Рокси не понимали, что происходит, но потом... Рокси закрыла руками лицо, а Лин с отвращением отвернулся.

Он увел бы Рокси отсюда, но это могло быть небезопасно. Им вообще не следовало сюда приходить. К этому времени четверо пронзенных маньяков были мертвы. Их не стали есть. Очевидно, не было смысла есть того, кто уже умер. Когда все кончилось, тело девушки, вернее, то, что осталось от него, все еще висело на столбах.

Один за другим балланкиты покинули площадь и разошлись по своим хижинам. Наконец, площадь опустела, за исключением тел пяти жертв. Лин помог Рокси встать на ноги, и они побежали к базе. На бегу Рокси беспомощно плакала.

XIII

— **Я** ВЫВЕЗ всю базу с Балланки, со всем самым ценным оборудованием, — сказал Лин в большом, ярком кабинете на верхнем этаже штаб-квартиры СРП. — К сожалению, нам запрещается вмешиваться в жизнь туземцев на других планетах.

Дэйnton содрогнулся.

– Рокси видела это?

– Ей это пошло на пользу. Прежде она считала себя жестокой.

Теперь она знает, что ошибалась.

– Но я все равно не понимаю, – сказал Дэйnton. – Что такое *por*? И почему балланкиты были вначале так очарованы Рокси?

– Никто и предположить не мог, что у такой примитивной расы может быть развита телепатия, – вздохнул Лин. – Вернее, скорее всего, эмпатия. Они черпают силы из страдания, горя, боли и несчастий других. Когда Рокси прилетела на Балланку, она была для них настоящим лакомством. Она была *por*. Просто находясь возле нее, они ловили настоящий кайф, – и не нужно было никого пытать до смерти. Но весьма быстро Рокси перестала быть несчастной. Напротив, она стала почти что счастливой. Не из-за маньяков – они не вытягивают горе, они просто стоят вокруг и напиваются им. Но так или иначе, Рокси перестала испытывать душевные муки вплоть до того дня, когда избила Зара и, как он честно сказал другим, она была тогда *por*. Вот только к тому времени, когда рядом с ней появились другие балланкиты, она уже не была *por*.

– Понятно, – задумчиво протянул Дэйnton.

– Служащие СРП спокойные, уравновешенные люди. Рокси была первым и единственным человеком иного типа, с которым столкнулись маньяки. Теперь, если вы хотите и дальше получать манну и вас не волнуют методы, вы можете нанять толпу несчастных людей и отправить их на Балланку. И взамен получите много манны.

– Не думаю, что я пойду на это, но... Эй, погодите! Мы же едва начали разговор!

– А я уже закончил, – вежливо ответил Лин. – И у меня свидание с вашей дочерью. Мы идем с ней купаться.

Дэйnton не улыбнулся, но глаза у него потеплели, и на них навернулись слезы.

– Вы... вы...

– Я собираюсь сделать Рокси предложение. Вы не возражаете?

– Вы хотите сказать, что еще не...

– Разумеется, нет. Сначала я был должен встретиться с вами и убедиться, что ее отец ничего не имеет против нашего брака.

— Позаботьтесь о ней, — хрипло вымолвил Дэйнтон.

— Это то, что я умею прекрасно делать, — ответил Лин. — Всю жизнь Рокси нуждалась в одном — в любви. И я хочу, чтобы теперь она получила ее — от нас обоих.

(If, 1961 № 1)

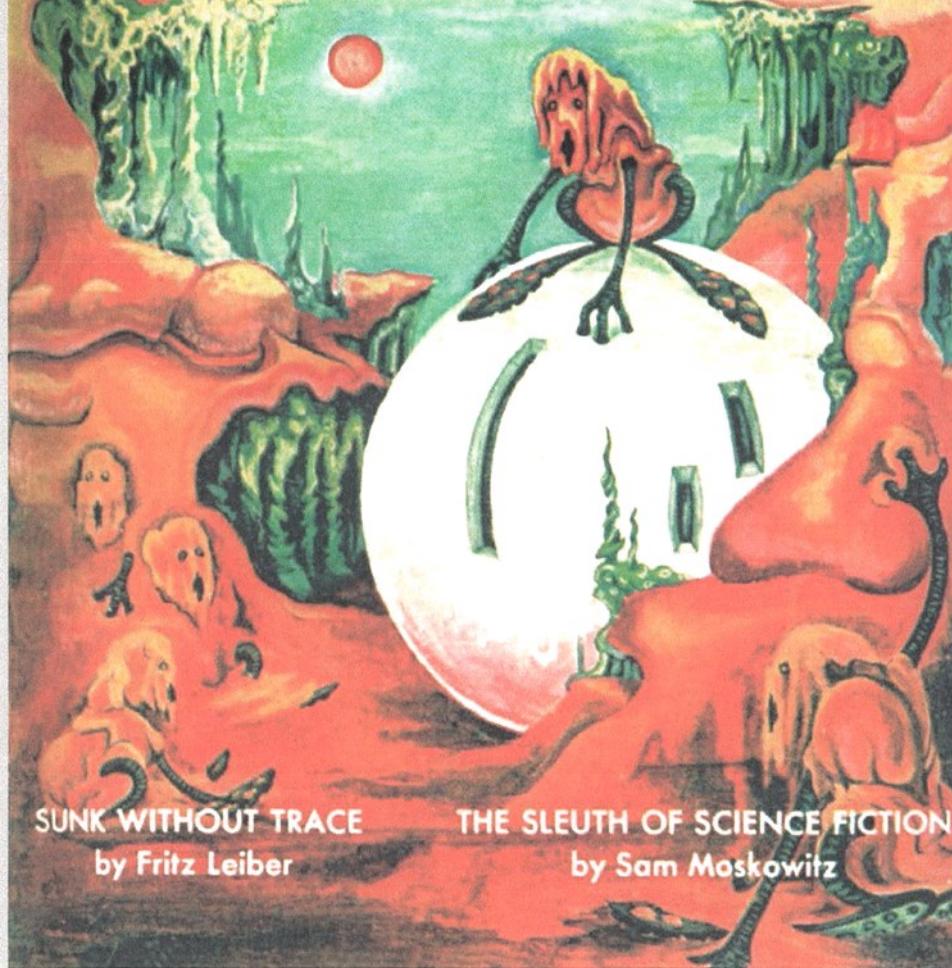
JANUARY 1966
50c

WORLDS OF TOMORROW

RIVERWORLD

Complete Novelette

by PHILIP JOSE FARMER

SUNK WITHOUT TRACE

by Fritz Leiber

THE SLEUTH OF SCIENCE FICTION

by Sam Moskowitz

КОНЕЦ ПУТИ

I

ПОЧТИ ВЕСЬ обзор заполнил громадный диск планеты. Все были в зале отдыха и рассматривали ее: самый долгий и самый важный полет, в который когда-либо пускались люди, подошел к концу.

Сидя один в рубке управления, капитан Джеймс Уингейт еще раз тщательно проверил данные по планетам. Его не волновали все двадцать три планеты. «Добрую Надежду» интересовало лишь полдюжины из них, а быстро растущий объем данных все более прояснял, что единственным возможным выбором была планета, которую они называли Концом Пути.

Конечно, Конец Пути был не единственной планетой, где могли жить люди, но эта планета была гораздо дружелюбнее остальных, так что было бы неблагоразумно тратить на них много времени.

«Добрая Надежда» нашла то, что искала. Так что ее полет окупился с лихвой.

Через несколько дней, непосредственно перед посадкой, они отправят назад капсулу, сообщая Земле о хороших новостях. Будучи беспилотной, капсуле понадобится почти в десять раз меньше времени на возвращение, чем «Доброй Надежде»... около пяти лет.

При мысли о капсule Уингейт в который раз нахмурился.

— О чём вы думаете, Джим? — спросил Артур Радд, входя в рубку управления.

— О капсule, — сказал Уингейт. — Меня беспокоит, что мы должны отправить ее до приземления. Если бы мы только могли...

— Джим, — улыбнулся Радд, — это было решено сорок семь лет назад. И вам известно не хуже меня, что мы ничего не можем с этим поделать. Как только судно приземлится, оно уже никогда не сможет взлететь. А путь на Землю капсula должна начать из космоса.

— Но если бы только...

— Да знаю я, знаю... Если бы только мы сначала могли взглянуть на поверхность планеты и быть совершенно уверенными... если бы только мы могли подтвердить, что предположение, будто мы единственная разумная раса в Галактике, верно... если бы только мы могли передать на Землю с уверенностью в сто процентов, что «Доброй Надежда» нашла то, что нам так нужно — новый дом... — Он успокоительно похлопал Уингейта по плечу. — Но мы не можем, Джим. Так что забудьте об этом.

Уингейт кивнул, почувствовав какое-то облегчение. Но все же он сказал:

— Иногда это меня пугает, когда я думаю о важности нашего полета и возложенной на нас ответственности.

— Могу себе представить, — ответил Радд. — Думаю, лучше, чем кто другой.

Уингейт молча кивнул.

Радд был вторым капитаном «Доброй Надежды», после того, как умер Мэддок. Когда они покидали Землю, ему было только шестнадцать, и сейчас, в свои шестьдесят три, он был почти самым старым человеком на борту. Но его возраст не помешал бы ему по-прежнему числиться в экипаже.

И действительно, хотя Радд был на шесть лет старше Уингейта, он выглядел гораздо моложе. И не потому, что Уингейт казался старше своих пятидесяти семи. Возможно, все дело было в синей форменной капитанской фуражке, которую Уингейт носил неизменно, потому что капитан, отвечающий за самый важный полет в истории Человечества, гораздо более важный, чем путешествия Колумба, Марко Поло или Кука, должен все время выглядеть капитаном вплоть до последней черточки. Все прошедшие годы Уингейт был подвижным, активным, всегда в отличной форме. Но все же у высокого, по-прежнему темноволосого Радда в белой куртке и серых свободных брюках, был вид молодого человека, лишь начинающего стареть.

И Артур Радд считал, что командование «Доброй Надеждой» возлагало бы на него слишком большую ответственность и... одиночество. В таком полете, на полностью автоматизированном корабле, капитан обязан держаться обособленно. И ему не с кем было поговорить. Был капитан, и было двести пассажиров. У пассажиров были советы и комитеты, управляющие их делами. Капитан, хотя у него и была высшая власть, отнюдь

не являлся главой этого маленького государства. Он был всего лишь водителем.

Так что пять лет назад Уингейт освободил Радда от его обязанностей по взаимному согласию.

Но странно, что тем человеком, с которым Уингейт советовался, оставался по-прежнему Радд. Чутко осознавая свои слабые стороны, то, в чем он не был силен, Уингейт знал, что молодая Тина Леймен, племянница Радда, была лучшим навигатором, чем он, а его собственный сын лучше знал все уголки и закоулки корабля... И что Радд был гораздо полезнее в управлении человеческим фактором на «Доброй Надежде», когда он не был в числе экипажа. Уингейт использовал способности других и полагал, что так и должен поступать капитан, поскольку архитектор, например, использует способности строителя.

— Они все понимают? — спросил он. — Есть ли что-нибудь еще, что мы должны сделать, чтобы заставить их понять?

Радд легко понял то, что тревожило Уингейта.

— Молодые, конечно, не могут понять это полностью, — ответил он. — Но вам не нужно о них волноваться. Их воспитывали в ожидании этого момента. В отличие от нас, они не видят ничего плохого в такой жизни, но знают, что мы должны приземлиться и жить на поверхности планеты. И что они должны доверять пожилым людям, которые знают, что будет лучше — им ведь ничего не известно о том, как жить на планете, а мы это знаем.

— А разве вы не думали, что мы должны были больше уделять внимания этому вопросу, чтобы дать им понять смысл традиций, смысл истории? — рассмеялся Радд. — Джим, мы не можем сделать больше, чем уже сделали. Всегда было опасение, что дети, родившиеся на корабле, будут считать это естественным образом жизни, так что главной линией в их образовании была история Земли, бедствие, с которым столкнулась Земля, нашим обязанностям по отношению к Земле, нашем наследию... Им хорошенько промыли мозги, чтобы мысли, которых мы опасались, просто не пришли им в головы.

Уингейт удовлетворенно кивнул.

— Значит, они точно выполняют то, что им велят.

— Сейчас — да. А через несколько недель после посадки они приспособятся. Они узнают, что значит жить на Конце Пути, они найдут там для себя какие-нибудь занятия, и начнут игно-

рировать то, что мы будем продолжать им твердить о жизни на Земле...

— С этим мы справимся, — заявил Уингейт с вернувшейся к нему обычной уверенностью. — Значит, вы не думаете, что будут какие-нибудь... социальные проблемы насчет приземления.

— Этого я не говорил, Конечно же, будут...

— Понятно, — нетерпеливо прервал его Уингейт. — Это же ясно, что когда корабль сорок семь лет был в космосе, и две трети находящихся на борту людей родились во время полета, должны возникнуть проблемы адаптации, когда корабль, наконец, приземлится. Я спрашиваю, мы ничего не упустили?

— Ничего, — вздохнул Радд. — Том Шерифф и Арлин Болл покончат самоубийством... Это так, но мы ничего не сможем с этим поделать.

— Что?

— Может, самоубийств будет больше. Но в этих двух я уверен.

— Но... Том? И Арлин? Вы понимаете, что говорите? Почему эти двое?

— Арлин еще ребенок. Ей семнадцать. Ее мать умерла во время родов, и она не знает ничего, кроме жизни на корабле. Упрощенно говоря, «Добрая Надежда» — ее мать. Когда мы покинем корабль, для Арлин это будет как родиться заново. Но она не может выдержать второе рождение в самом начале жизни.

Уингейт не стал спорить. Все это находилось в компетенции Радда.

— А Том?

— С ним другая история. Он был единственным маленьким ребенком в первоначальной группе. Он полетел потому, что полетели его отец и мать. Теперь они умерли. Для Тома Земля — туманная, странная, призрачная мечта-кошмар.

— Я тоже был ребенком в начале полета.

— Вам было уже десять лет, Джим. Элле Фарнелл и Биллу Люку было девять. У вас уже был накопленный опыт. А Тому было ровно столько, чтобы он мог напугаться. Теперь он на тридцать четыре года старше Арлин, но для него корабль также олицетворяет уют и безопасность, и когда придет время покинуть судно...

Дверь рубки распахнулась. На пороге появилась Тина Леймен.

— Капитан, — выкрикнула она, — в зале отдыха бунт!

II

РАДД ВЗГЛЯНУЛ с философским удовольствием на молодое, привлекательное девичье тело вполне приемлемого возраста. Тина была его племянницей, но так как своих детей у Радда не было и он оставался холостяком, а оба ее родителя умерли, то она значила для Радда больше, чем племянница.

На ней была короткая белая юбка, потому что она была важным членом экипажа, помогавшего Уингейту управлять кораблем, и форменная фуражка на темных вы ющихся волосах. Больше на ней ничего не было, даже обуви.

Родившаяся уже во время полета молодежь «Доброй Надежды» не сопротивлялась традициям, истории и образу жизни, которым их заставляли следовать родители, бабушки и дедушки. Но они восстали в ином, пожилые боролись и проиграли. Температура на «Доброй Надежде» никогда не менялась больше, чем на пару градусов, и здесь не было никаких неровных поверхностей. Так что молодые люди отказались от обуви.

Как и любая другая добропорядочная девушка, Тина отчаянно покраснела бы, если бы ее застали раздетой. Но, как и остальные, она считала, что одета довольно скромно. Любой, кто носил шорты или юбку, был одетым. И потребность даром изнашивать рубашки и кофточки была не больше, чем носить перчатки.

- Бунт? – рявкнул Уингейт. – Драка?
- Не просто драка. Это что-то дикое... жестокое... – Тина покачала головой, не зная, как это описать.
- Как все началось?
- Не было никаких причин. Это просто началось. Кажется, Левые выступили против Правых.

Никаких политических мотивов не было в разделении на Левых и Правых. Просто все жили либо по одну, либо по другую сторону от главного коридора. А в самом коридоре никто жить и не мог.

Но Радда не интересовала драка в зале отдыха. Если бы Тина была там, все было бы по-другому. Но она здесь, целая и невредимая.

Он отвлеченно думал о том, как странно, что любой мальчишка на корабле посчитал бы бикини юности Радда слишком неприличным, и никакая хорошая девочка, как Тина, ни за что

не надела бы его. И было неважно то, что в бикини входил лифчик, неприличным его делало нечто другое. Мужчины и женщины, находясь в смешанных компаниях, не должны обнажать живот. Это было неприемлемо. Шорты и юбки, которые носили юноши и девушки, начинались прямо от талии и были надежно затянуты там поясами.

Время меняет моду – даже в таком маленьком, замкнутом мире, как «Добрая Надежда».

– Я иду, – сказал Уингейт.

– Погодите, Джим, – мягко остановил его Радд. – Тина… Да успокойтесь же. Естественно, все взволнованы…

– Что вы говорите? – закричал Уингейт. – Там дерутся – а вы говорите: успокойтесь?

Тина тоже повернулась и уставилась на дядю. Позволить им драться? Законы на «Доброй Надежде» всегда были ясными, решительными и твердыми: быстрое расследование и наказание, но не ради мести, а для того, чтобы предотвратить любое повторение подобного, чтобы пламя беспорядков не охватило весь корабль.

– Естественно, все на взводе, – продолжал Радд. – Люди должны выпустить пар. Позвольте им…

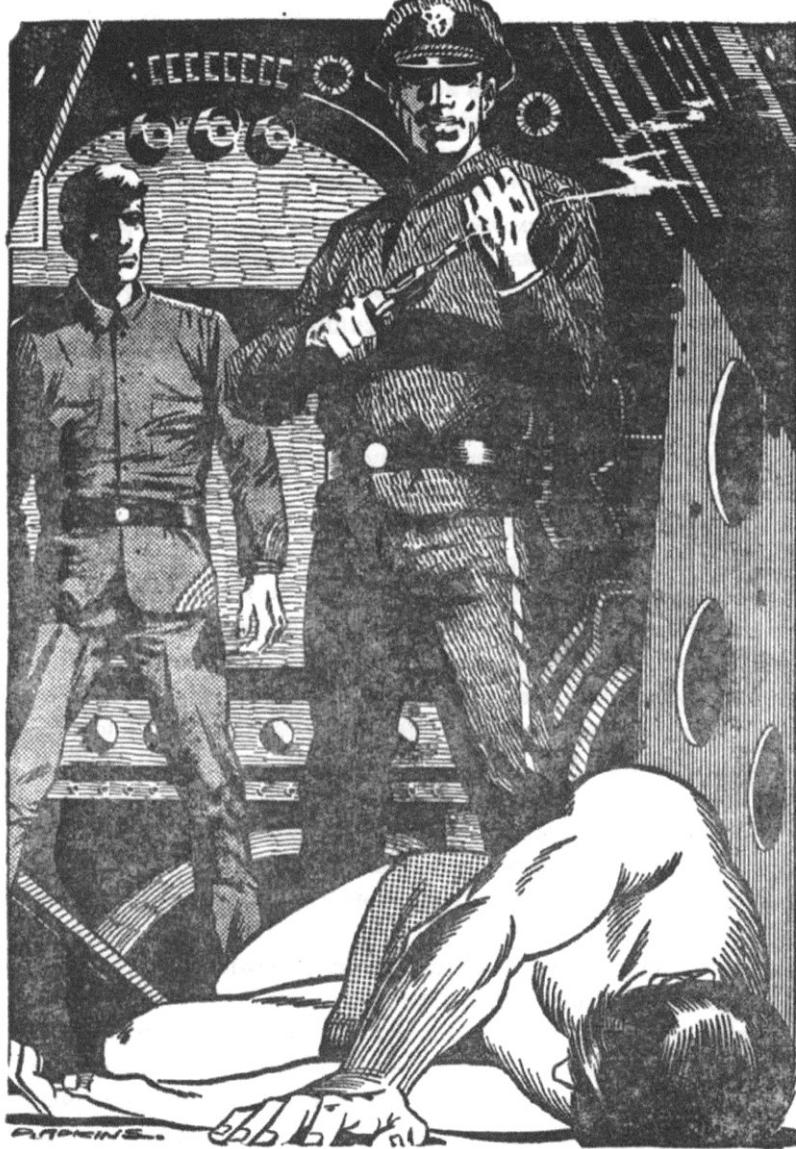
– Они были Невила Смита! – воскликнула Тина. – И я видела, как мужчины пинали Дженни Холланд. Повсюду была кровь. Дрались, наверное, человек пятьдесят, старых и молодых…

– Это хорошо, – кивнул Радд. – Потом все почувствуют себя лучше…

С ревом нетерпения и ярости Уингейт отбросил его и ринулся к двери. Тина бежала впереди. Пожав плечами, Радд последовал за ними.

Зал отдыха напоминал бойню. Вся мебель была переломана и опрокинута. Люди дрались группами и поодиночке. Они были всех возрастов, мужчины и женщины. Пожилые имели суроее преимущество – они носили обувь, и использовали ее, чтобы пинать упавших по ребрам, в живот, по лицу.

Никакого оружия у них не было, но в драке все сходило за оружие. Обломки стульев, бутылки, настольные лампы и швабры – все шло в ход. Один пятнадцатилетний мальчик злобно размахивал острыми ножницами.

Было много шума и много крови. Зал представлял собой картину невероятной, бессмысленной жестокости.

На долю секунды шум прорезал хлопок – ужасный, бьющий по ушам, – а затем наступила тишина.

Радд восхищенно посмотрел на Уингейта. Доверьте Джиму пистолет на случай крайней необходимости. Он был капитаном, лидером. Радд не видел, когда он достал пистолет – и почему у капитана вообще оказался пистолет, когда все оружие было за-перто, как ненужное.

Один выстрел, несомненно, прекратил драку. Из дерущихся лишь два-три человека слышали или видели когда-то огнестрельное оружие. Некоторые уставились на капитана, мрачно стоявшего перед ними с дымящимся пистолетом. Некоторые – на дыру в стене, которую проделала пуля.

Капитан молчал. Стоявшие позади него Радд и Тина тоже молчали.

Драчуны медленно приходили в себя, приглаживали волосы, зализывали царапины и приводили в порядок одежду.

Двое не встали с пола. У одного человека была сломана рука, а девочка стонала, держась за переломанные ребра, но они оба были на ногах. И двое лежали на полу.

Невил Смит и Дженни Холланд были мертвы. Лежащая девушка, без сомнения, была Дженни, потому что лишь Дженни носила обувь, и еще ее помогла опознать зеленая юбка. Но по лицу ее нельзя было узнать. Оно превратилось в сплошное месиво.

– Кто это сделал? – резко спросил Уингейт.

Безумие закончилось, сменилось шоком и недоверием – что, черт побери, произошло и как это случилось?

Один пожилой человек откашлялся, привычка говорить правду была сильнее его.

– Я... Капитан, мне кажется, что это, должно быть, был я... Черт, она попыталась ударить меня бутылкой по голове. Я свалил ее с ног и стал пинать, пинать... Похоже, я просто не мог остановиться...

В его признании не было особой необходимости. Его черная обувь была красной от крови. Если бы он и попытался сбежать, то за ним от Дженни потянулись бы следы, красные следы его вины.

— Кто это видел? — коротко спросил Уингейт.
Видели несколько человек. Они так и сказали, запинаясь.
— Расступитесь, — велел капитан. — Вы все, отойдите от Джорджа Харкера, дайте место.

Все в тревоге подались в стороны.
— Капитан! — закричал Харкер. — Я говорю вам, она первая...
— Вы все знаете закон, — сказал Уингейт. — Нечего тут больше говорить. Джордж Харкер, я приговариваю вас к смерти.

И он выстрелил Харкеру между глаз. Его тело упало ничком и лежало неподвижно возле двух первых.

Все молчали, лишь стонала девочка со сломанными ребрами. Но еще никто не додумался помочь ей.

Он прав, подумал Радд. Я был неправ, а он — прав. Нельзя допускать такие вещи. Это моя ошибка, я и не думал, что это случится так быстро, что они, как безумные, нападут друг на друга. Я думал...

— Невил Смит, — продолжал Уингейт. — Кто убил Невила Смита?

На сей раз все молчали. Наступила такая полная тишина, что молчала даже девочка со сломанными ребрами, что Радд слышал, как колотится от ужаса сердце Тины в паре шагов от него.

Но Радд чувствовал больше, чем видел и слышал. Каким-то образом он понял, что Тина, стоящая рядом с ним, просто потрясена, зачарована каким-то жутким, невероятным образом. Но толпа... что-то еще было в их молчании, словно они, в отличие от Тины, были не только потрясены, но и смертельно испуганы.

— Я жду, — мрачно сказал Уингейт. — Никому не шевелиться, пока мы это не выясним.

Но кто-то стал двигаться. Несколько перепуганных теперь мужчин и женщин, только недавно участвовавших в дикой драке, подались в стороны.

И кто-то, прежде не видимый, вышел из дверного проема. Это был высокий молодой человек, светловолосый, одетый, как и все его возраста, в одни только шорты. Он выглядел ошеломленным, потрясенным, но не перепуганным.

— Джимми, — прошептал Уингейт. — Что ты здесь делаешь?
Пистолет дрогнул в его руке. Радд понял, что капитан был в шоке от неожиданности и ужаса, потому что его сын был здесь и участвовал в этом диком побоище.

Но Уингейт еще не понял то, что понял Радд, и что явно поняла Тина, которая отвернулась и уткнулась носом ему в плечо.

Радд с болью вспомнил, что Тина до сих пор отказывалась выйти замуж или хотя бы обручиться с молодым Джимом Уингейтом, который всегда казался для нее прекрасным выбором. Но она всегда относилась к капитану, как к будущему тестю.

До Уингейта медленно стало доходить то, что уже поняли все остальные.

— Джимми?.. — пробормотал он. — Невил Смит?..

И тут поднялся галдеж. Заговорили все разом. От позора, а не от сочувствия к капитану, никто не решался сказать ему первым, но раз он теперь понял все сам... Дюжина человек видела, как Джимми Уингейт убил Невила Смита.

Уингейт поднял пистолет.

— Нет! — внезапно закричала Тина. — Вы не можете сделать это... Это же ваш сын!..

Она рванулась, чтобы выхватить у Уингейта пистолет, но Радд успел удержать ее. Если Уингейт не казнит второго убийцу, как только что казнил первого, значит, «Доброй Надежде» нужен новый капитан. Сейчас было не время еще больше раскачивать лодку, в которой сидели все они.

Джимми посмотрел на отца. Его обычно ясный взгляд был затуманен. Он не понимал, что происходит.

Но когда глаза отца и сына встретились, молодой человек начал постепенно понимать, и понимание принесло с собой ужас.

Но прежде чем он все осознал, Уингейт выстрелил в него.

III

НЕСМОТРЯ на заплаченную цену, через несколько дней бунт уже не казался чем-то ужасным. После этой единственной вспышки население корабля снова стало спокойным и здравомыслящим. В замкнутом окружении единственным возможным выходом для сомнений, волнения и неопределенного страха стала эта вспышка беспрчинного насилия. У людей не было времени для создания каких-нибудь организаций, не было времени для раскола.

Фактически, никто не был на сто процентов рад тому, что приблизжалось время приземления. Нельзя прожить сорок семь лет, возможно, всю жизнь в замкнутом пространстве и одинаковых условиях, чтобы потом не появились разнообразные сомнения насчет целесообразности и безопасности приземления.

С другой стороны, никто, фактически, не рассматривал серьезно других вариантов, кроме приземления.

Важность цели «Доброй Надежды», миссия «Доброй Надежды» как спасительницы Земли превратилась во что-то сродни религии. И, как большинство религиозных убеждений, для увеличения силы воздействия все это было довольно-таки неопределенным.

Меньше чем через двести лет все планеты Солнечной системы должны стать непригодными для жилья. Цель «Доброй Надежды» состояла в том, чтобы найти новый дом для бесчисленных миллионов обитателей Земли, и, после сорока семи лет полета, появилась возможность, что Конец Пути и станет таким домом.

Планеты были редки в Галактике, но у звезды, к которой они прилетели, их было множество. Громадная обсерватория за орбитой Сатурна давно уже показала, что ни у одного из ближайших светил планет не было вообще¹.

У Альфы Центавра, Сириуса и Проциона не было ни одной планеты, так что вопрос об их пригодности отпал сам собой. Сначала предстояло вообще отыскать планеты, а потом уж решать, как на них жить, поскольку условия там наверняка отличались бы от земных.

У Алтаяра была одна планета, но слишком горячая. У Веги было семнадцать, может, и больше, но ученые пришли к мнению, что они могут предоставить, в лучшем случае, лишь временное убежище, поскольку их орбиты оказались слишком экс-

1 По современным данным, более чем у десяти тысяч звезд уже обнаружены планеты и пока что не найдено ни одной звезды без планет. Но следует не забывать, что этот рассказ был написан в 1966 году, когда серьезные научные теории рассматривали расклад подобный тому, что описан здесь. (Прим.пер.)

центричными, и на поверхности их не могло быть ничего, кроме шлака.

Первоначальным вариантом был Арктур, и именно для Арктура была построена «Добрая Надежда». Полет был пугающе долгим, но не было ни какой другой альтернативы.

На этом огромном корабле была создана миниатюрная Земля. Там были нужны взрослые люди, чтобы управлять кораблем первые несколько лет полета, пока он набирал скорость, так как в этот период была очень важна навигация. Но взрослые не дожили бы до конца полета. Стало быть, на корабле вместе с ними должны отправиться дети, чтобы сменить старшее поколение, когда придет время. И вообще, там должны быть люди всех возрастов, потому что другие корабли смогут присоединиться к «Добре Надежде» лишь спустя столетие.

Правда, существовал иной вариант, при котором другие корабли должны отправиться вскоре за первым в надежде, что пионеры найдут для них планету и построят на ней поселение. По этому варианту подкрепление с Земли должно прибыть через двадцать, десять или даже пять лет после приземления.

Вероятно, даже религиозная подоплека сути миссии «Добре Надежды» не имела бы значения, если бы теперь, спустя сорок семь лет с начала полета, у людей были варианты выбора. Но им не оставалось ничего другого, кроме как приземляться. Корабельные склады, хотя и обширные, все же не были неистощимыми. Да и приборы и механизмы не могли служить вечно. Бортинженеры, хотя и состояли теперь из молодых, сами видели, что «Добрая Надежда» могла оставаться в космосе еще от силы лет десять, но не пятьдесят.

К тому времени никого бы уже не осталось в живых.

Итак, корабль готовился к приземлению. Отбросив неуверенность и тревоги, смутные обязательства перед оставшимися на далекой Земле миллиардами людей, отсутствие точных знаний об условиях жизни на планете, «Добрая Надежда» готовилась к посадке.

Возможно, также сыграло свою роль то, что полет был, хотя и долгим, но не слишком. На борту еще оставалось много людей, которые помнили Землю. Истории о Земле еще не стали мифами. И хотя были дети, родители которых, и даже бабушки с дедушками, родились в космосе, информация о Земле была пока

что сведениями из вторых, а не из третьих, четвертых или пятых рук. Дети получали знания от своих родителей, но факты о жизни на Земле – в основном, от бабушек с дедушками, или даже прабабушек и прадедушек.

IV

ПОСЛЕ ДОЛГИХ лет полет подошел к концу. Данные о полете ежедневно закладывались в специальную капсулу. Теперь, когда Конец Пути стала уже близко, были получены сведения об условиях на поверхности этой планеты. Температура, состав и плотность атмосферы – все было в пределах нормы. Правда, Конец Пути никогда не станет точной копией Земли. Неважно, сколько в Галактике существует планет, но среди них, наверняка, не будет совершенно идентичных близнецов.

Если бы атмосфера была прозрачной, то можно было бы увидеть из космоса, что там на ее поверхности. Планета, однако, была покрыта облаками и пылевой взвесью в десять раз больше, чем Земля. С уверенностью можно было лишь сказать, что на планете одну треть составляет суша, а две трети – море, что горные цепи напоминают земные и что этот мир очень зеленый.

Теперь все на корабле ходили, скорее, возбужденные, чем охваченные страхом. Близился назначенный день и час, и все уже жаждали приземления. Некоторые с радостью. Другие примерно с такими же чувствами, с какими посещают дантиста – неприятно, но хочется, чтобы это поскорее закончилось.

Тина, лучший навигатор на борту, много времени проводила в рубке управления. Обычно с нею был Радд.

Тина была блестящим математиком, но никогда не производила посадку, и поэтому нуждалась в помощи того, кто на практике знал, как это происходит.

Уингейт редко появлялся в рубке.

– С ним все будет хорошо? – спросила Тина за двадцать четыре часа до Расчетного Времени Прибытия.

Место приземления было уже выбрано – плато в сорока милях от моря, куда бежали параллельно две речки. Это было явно удачное место для строительства первого поселения.

— Да, он в порядке, — ответил Радд. — Но даже Джим Уингейт не железный. Только представь, что тебе нужно сделать то, что сделал он...

— Он не должен был этого делать, — возразила Тина и содрогнулась: со дня драки она часто разговаривала с Уингейтом, но всегда отстраненно и, предпочтительно, в присутствии Радда.

— Должен, — спокойно ответил Радд.

— Нет! — настойчиво воскликнула Тина. — Двое уже были казнены, давно, пять лет назад. Но тогда у нас был настоящий суд и...

— У капитана есть полномочия сделать то, что сделал он. И он вынужден был сделать это немедленно.

— Можно было назначить судебное разбирательство... для Джимми.

— После казни второго убийцы?

— Но это же было не убийство. Это было...

— Шалость? — сухо спросил Радд.

Тина резко замолкла. Она была умной девочкой, но совсем еще незрелой.

Однако, в свои двадцать три года она не вышла замуж по необычно зрелым причинам. Ей давно стало ясно, что прибытие и приземление произойдут тогда, когда она будет еще молодой, и она решила не посвящать себя на всю жизнь одному человеку, пока все не уладится. Когда на Конце Пути будет построено поселение, тогда она и выберет своего мужчину.

Вероятно, это был бы Джимми Уингейт.

Хотя Тина и была умной и рассудительной, но она жила в спокойном, уравновешенном мире и не понимала, что может настать время, когда нужно немедленно застрелить бешеную собаку. Она вообще не видела собаку, ни бешеную, ни нормальную. И она еще не знала, что следующие несколько лет лидеры поселения будут вынуждены действовать быстро и решительно, как Уингейт, иначе их общество распадется. Ей еще предстояло это понять.

Тина взглянула на южное полушарие Конца Пути, которое, громадное, но довольно размытое, было на одном из экранов.

— Мы узнали более чем достаточно, — с уверенностью сказал Радд.

— Я думаю о последствиях нашего послания. Когда Земля получит капсулу, в космос устремится множество кораблей, направляющихся сюда. А что, если мы сейчас ошибаемся?

— Мы не ошибаемся, Тина, — улыбнулся Радд. — Это хороший мир. Здесь не может быть такого, с чем бы мы ни справились. Если окажется много болот, мы их осушим. Если растительность будет ядовитой, мы изменим ее метаболизм так, что сможем питаться ею. Если погодные условия будут невыносимы, мы и их изменим. Мы уже знаем, что здесь нет ничего, с чем мы не смогли бы справиться.

Но Тину это не убедило.

— И все же люди вынуждены покинуть Землю. Они не сумеют справиться с тем, что произойдет с их собственным миром, где у них есть все преимущества.

— Это другое дело. Солнце изменится. Пока что человечество неспособно предотвратить это, Тина. Но мы с легкостью можем изменять окружающую среду на планетах.

Распахнулась дверь рубки, и вошел Уингейт. Тина вздрогнула и отвернулась.

— Все готово? — коротко спросил Уингейт.

Он знал, что, фактически, приземлением управляли Радд и Тина, а не он сам, он переложил на них ответственность за самое важное событие в жизни «Доброй Надежды». Но это его не волновало. Окончательные решения все равно оставались за ним.

Радд кивнул.

— Мы не ждали вас. Я думал, вы спите.
— Меня несколько минут назад разбудил радиооператор. Кажется, он принял какие-то сигналы.
— С планеты? — недоверчиво спросил Радд.
— Узнаем, когда он придет.

Тина посмотрела на Радда, затем перевела взгляд на Уингейта.

— Это что же, — спросила она, — Конец Пути обитаем?

— Мы не заметили ничего, указывающего на это, — покачал головой Уингейт. — Вспомните, мы никогда не находили нигде следы разумной жизни, кроме Земли.

По современной теории возникновения жизни в Галактике — а всегда существовала современная теория, зачастую совершенно противоречащая предыдущей, — серия случайностей, необходи-

мых для возникновения жизни, совпала в Галактике лишь один раз. Эксперименты с датчиками органических веществ, предположительно действующих на громадных расстояниях, показали, что Галактика пуста.

— Но здесь есть жизнь, — возразила Тина, указывая на Конец Пути на экранах. — Глядите, этот мир зеленый. Значит, здесь есть растения.

— Прежние датчики не могли выявлять наличие или отсутствие растений.

— Но раз есть растения, то почему бы не быть насекомым, птицам, рептилиям? Почему бы не быть людям?

Уингейт молча пожал плечами. Он был тем типом людей, которые делали то, что приказывали вышестоящие начальники, никогда с ними не спорил и того же ожидал от своих подчиненных. Официальная теория утверждала, что в Галактике нет никакой разумной жизни, и он действовал в соответствии с ней.

В рубку вошел Билл Люка. Он был лишь на год моложе Уингейта, на шесть лет моложе Радда и на тридцать три года старше Тины.

— Что там еще за сообщение, Билли? — спросил Уингейт.

Билл был тихим, нерешительным человеком. Когда он что-либо говорил, то всегда был готов взять половину своих слов обратно. Конечно, он был опытным специалистом, но очень уж осторожным и не менее застенчивым.

— Я не сказал, сообщение, — ответил он. — Радиосигналы.

— Люди?

— Нет. Не на тех частотах.

— Радиоактивность? — спросил Уингейт, сложив один плюс один и получив в результате шесть.

— Нет, нет, нет! Радиоволны. Хотите пойти и послушать?

— Позже. Вы шеф радиорубки. Вы что-то услышали. Вот и скажите мне, что все это значит.

— Я не могу сказать вам, что это значит, капитан, — с тревогой ответил Люка. — Никогда не слышал ничего подобного.

— Вы пробовали посыпать на планету вызов, чтобы понять, сможете ли получить ответ? — спросил Радд.

— О, конечно. Многократно. Фактически, я записал на пленку сообщение, которое посыпаю каждые полчаса.

— И что?

- Ничего. Ничего, не считая этого... этой активности.
- Может ли это быть какая-то связь, — спросил Радд, — подобная радиосвязи, которой пользуются разумные существа, но для передачи которой нужно совершенно иное оборудование?

Люка еще более встревожился.

- Ну, предположим, вы принимаете телевизионные сигналы, и ваше оборудование вдруг начинает пощелкивать, точно счетчик Гейгера. Какой вы сделаете вывод? Тут что-то есть. Наверняка что-то есть. Но что?..

— Счетчик Гейгера, — сказал Уингейт. — Выходит, это радиация?

Люка беспомощно воздел вверх руки.

- Я не это имел в виду. Я просто хотел сказать... Послушайте, я думаю, что... Я ничего не могу сделать с этими сигналами и очень сомневаюсь, что когда-либо смогу... Я должен вставить это в отчет для капсулы? Это ведь срочно... .

— Вставьте это в отчет, — сказал Уингейт, помолчал и затем продолжил: — Только сделайте побыстрее. Я не знаю, что это такое, и вовсе не предполагаю, что тут есть разумные существа. Но мы не можем рисковать. Я хочу немедленно послать капсулу с сообщением на Землю.

— Что? — воскликнул Люка.

- На тот случай, — мрачно добавил Уингейт, — если тут есть что-то, что сможет ее остановить.

Он вышел из рубки управления.

Все молчали. Когда дверь захлопнулась за ним, Тина опять вздрогнула.

V

ВСЕГО ТРИ человека в рубке управляли посадкой громадного корабля. Но так было всегда: «Добрая Надежда», не считая нескольких первых месяцев полета, не нуждалась в большом экипаже.

Радду было шестнадцать, когда корабль начал свой полет. Уингейту — десять. Отец и мать Тины еще не родились.

Таким образом, ни у кого из троих не было практического опыта по приземлению космического корабля, хотя Радд тренировался все эти годы. До какой-то степени это не имело значе-

ния. «Добрая Надежда» была построена таким образом, чтобы благополучно сесть один раз и никогда больше не взлететь. И приземление в большей степени происходило автоматически.

Кapsула с сообщением была уже далеко. В отличие от корабля, несущего живых людей, она могла двигаться с огромным ускорением, поэтому обратный путь займет у нее гораздо меньше времени.

«Добрая Надежда» приземлялась не по спиральной орбите. С громадными запасами энергии и мощными стабилизаторами, она могла идти вертикально вниз. Проектировщики полагали, что относительно неопытной команде будет легче воспользоваться таким способом приземления, чем другим, теоретически более эффективным.

Радд медленно ходил по рубке, не глядя на экраны. Сейчас его функцией, как и в последние несколько лет, была функция успокаивать людей, что он и делал. Кораблем должен управлять один человек, даже таким громадным кораблем, как «Добрая Надежда». Уингейт должен принимать решения, как и тогда, когда в зале отдыха случилась заваруха. Но в некоторых случаях его нужно было мягко стопорить, а в других – поощрять.

Иногда, когда они с Уингейтом были в чем-то не согласны, прав оказывался Радд. И поскольку он часто был прав, Уингейт привык принимать его мнение. Но бывали редкие случаи, когда Радд все-таки был не прав – как тогда, когда он рекомендовал не мешать людям драться, чтобы выпустить пар, – и Уингейт мог найти в себе решимость отказываться от его советов.

Уингейт неподвижно стоял в рубке управления. Все приборы были приготовлены, и маловероятно, чтобы ему вообще необходимо что-нибудь делать. Однако Уингейт был готов и просто ждал.

Тина стояла перед одним из экранов. Она сделала свое дело. Если ее вычисления были неверны, то уже слишком поздно что-либо исправлять. Но все равно, она тоже была наготове. Один из пунктов о чрезвычайных ситуациях гласил, что никто не может узнать заранее, что потребуется.

Любопытно, что сейчас на ней было платье, чулки и туфли на высоком каблуке. Женщины, и даже молодые девушки, иногда одевались так по воскресеньям или на торжественных церемониях. И все же Тина так оделась не потому, что это была ее

праздничная одежда – ей, как ведущему навигатору, полагалась парадная форма.

Радд предполагал, что она оделась так потому, что чувствовала наступление исторического момента. Благодаря постоянной идеологической обработке все девушки на корабле уверяли это ощутили. И теперь Тина повела себя, как обычная земная девушка.

Тина поймала Радда за руку, когда он, в своем неустанном хождении взад-вперед, проходил мимо нее, и тихонько сказала:

– Это же вы настоящий капитан, а не Уингейт. Почему же вы не командуете, дядя Артур?

Радд лишь отрицательно покачал головой.

– Что же произошло? – настойчиво спросила Тина. – Никто этого не знает, кроме вас и Уингейта. Вы отдали ему власть... или он сам захватил ее?

– Никто ничего не захватывал. Он законный капитан, – проговорил Радд. – Если хочешь знать, любому лидеру нужен верный помощник. Он не может править в одиночку. У меня не было такого помощника. Уингейт не мог быть помощником, и никто больше не подходил на эту роль. А вот я мог быть хорошим помощником. Поэтому я снял с себя обязанности капитана и передал их Уингейту.

– Но вы все равно капитан, – удовлетворенно кивнула Тина.

Радд вздохнул и не стал пытаться больше ничего объяснять. Женщины, даже такие женщины, как Тина, не могут понять мужскую способность мирно передавать друг другу ведущие роли. Смит мог быть помощником Брауна и Браун мог быть помощником Смита, если не было между ними никакой разницы в темпераментах. Но иногда Смит мог работать помощником Брауна, а Браун – нет.

Но все это было неважно, и Радд уставился на экран.

– Видимость улучшается! – взволнованно воскликнула Тина, и Уингейт на другом конце рубки повернулся к своему экрану.

Слои тумана, пыли и облаков делались все тоньше. Земля внизу становилась все больше в фокусе. Неопределенные разноцветные пятна делались все резче.

И хотя корабль спускался медленно, хотя он был еще на высоте многих миль, как только экран стал быстро проясняться...

Загудел интерком. Уингейт нетерпеливо ударил по клавише.

Больше не ожидалось никаких проблем, но на всякий случай, если кто-либо не выдержит напряжения и попытается поломать средства управления кораблем, трое самых ненадежных были заперты в их комнатах. Уингейт приказал не вступать с ними в разговоры до конца приземления, кроме как в экстренных случаях.

Интерком молчал. Уингейт ударил по другой клавише и взял трубку.

— Ну? — рявкнул он.

Он слушал лишь несколько секунд, затем положил трубку и поглядел на Радда.

— Том Шериф и Арлин Болл найдены мертвыми, — сказал он.
— Самоубийство.

Сказал он это уважительным тоном. Уингейт никогда не мог понять, как Радду удается предвидеть такое.

Но у них не было времени заниматься Томом и Арлин. Только не сейчас.

— Смотрите! — выдохнула Тина. — Город!

Он простирался на много миль вокруг, точно там, где они решили построить свое поселение. Все трое ощутили шок от того, что планета, которую они считали необитаемой, оказалась даже очень обитаемой.

И это был не просто город, большой, великолепный город. Это был явно человеческий город. Никакая чужая раса не стала бы строить такие здания, кварталы, шоссе и парки.

Вдали виднелась громадная белая колонна в современно-греческом стиле. Пересекающие реки мосты были знакомых очертаний. Были церкви со шпилями в готическом стиле. Никакая другая раса, кроме человеческой, не могла бы построить такие церкви.

Даже Тина, которая до этого видела земные города только на фотографиях, пришла к тому же заключению, что и ее старшие товарищи.

— Это земной город, — прошептала она. — Город, построенный людьми. Но как?..

Никогда еще зрелище простого города не сумело ответить на столько вопросов сразу. Сначала само его существование показало, что этот мир обитаемый и давно миновал стадии примитивных поселений. Спустившись пониже, они увидели, что

D. ADKINS.

люди внизу были землянами. Еще ниже – и они поняли, что лишь земляне их эпохи могли построить такой город.

Заключительный вывод также не нуждался ни в обсуждении, ни в спорах. Его лишь предстояло озвучить.

И это взял на себя Уингейт.

– После нашего отлета, – с трудом выговорил он, – люди нашли более быстрые способы передвижения в космосе.

Наступило молчание. Никто не считал, продлилось оно секунды или минуты. Но за это время назрела ситуация, требующая немедленного решения.

– Мы продолжим полет! – взревел Уингейт. – Мы не будем приземляться. Мы продолжим полет! Мы найдем другой мир!

Тина уставилась на него, словно он сошел с ума. Собственно, так оно и было. Вся его жизнь, цель всей его жизни пошла ко всем чертям.

– Нет, – спокойно возразил Радд. – Мне кажется, в этом нет необходимости. Да, они обошлились без нас. Но мы должны приземлиться.

– Мы полетим дальше! – закричал Уингейт. – Мы найдем другой мир и...

Радд нашел ответ, на который нельзя было возразить.

– Мы не сможем, Джим, и ты знаешь это. Мы уже никогда не поднимем этот корабль в космос.

Уингейт опустил голову. Он знал, что так оно и есть.

Замешательство Тины уступило место радости.

– Вот здорово! – сказала она. – Мы-то думали, что нам придется нелегко. Но все уже сделали вместо нас. Но как, дядя Артур? Как это возможно?

Она молода и восторжenna, подумал Радд. Возможно, он тоже будет радоваться, но на это ему нужно больше пяти секунд. Что же касается Уингейта с его фанатизмом, с его видением цели, видением поселения, который он собирался построить... Нет, он никогда не сумеет полностью приспособиться.

– Мгновенная передача материи, – сказал Радд. – Полет в гиперпространстве. Полет со скоростью большей, чем скорость света... Одно из тех мечтаний, которые были всего лишь мечтами, когда мы улетали, осуществилось на практике. Какое имеет значение, что именно? Главное, земляне здесь. И они здесь уже давно. Лет тридцать, по меньшей мере...

— …пока мы ползли на четвереньках, делая историю, — проромтот Уингейт, и в его глазах стояли слезы.

Слезы, которых не было, когда он убил своего сына.

VI

В ЗАЛЕ системы обороны Нового Города были три человека, двое мужчин и девушка, которые с тревогой глядели на экраны.

— Зеб, у нас нет времени! — воскликнул Гарри. — Мы должны что-нибудь немедленно сделать. Вспомни Самсонвилль! Они ждали до тех пор, пока корабль Перли не открыл огонь...

— Да, но разве это корабль Перли? — спросил в ответ Зеб. — На вид не похож. К тому же он слишком большой и...

— Тот корабль тоже ни на что не похож, — возразил Гарри. — Посмотри на его размеры! Черт, мы не можем проигнорировать такую громадину рядом с нами! Дина, ты можешь установить с ними связь?

— Я пытаюсь, — ответила девушка. — Там много электрических сигналов — было бы странно, если бы их не было, — но я не могу отыскать ничего, что имело бы смысл.

— Как и корабли Перли, — сказал Гарри.

Зеб нахмурился, Более терпеливый, чем Гарри, но и более встревоженный.

— Гарри, даже если это корабль Перли, должны же мы когда-то начать с ними переговоры. Мы знаем, что они гуманоиды, примерно знаем, откуда они летят, но это все, что нам о них известно, не считая того, что технически они немного отстают от нас. Мы не можем вступить с ними в контакт, пока они не приземляются, поэтому однажды мы должны позволить им приземлиться и...

— Только не кораблю подобных размеров, — решительно заявил Гарри. — Возможно, маленькому кораблю… И то, если он не станет опускаться прямо на Новый Город. Зеб, мы должны взорвать его.

— Нет, Гарри! По крайней мере, предупреди его. Ударь его лучом. Попробуй удержать...

— Корабль такой величины, — ответил Гарри, возвращаясь к первоначальному предложению, — не удержать. Если мы не взорвем его, то он упадет на город.

— У меня по-прежнему в прицеле капсула, которую выпустил корабль, — сказала Дина. — Что делать с ней?

— Уничтожить, — коротко ответил Гарри.

— Гарри... — умоляюще воскликнул Зеб.

— Зеб, что бы мы ни решили с кораблем, мы не можем рисковать с капсулой. Уничтожь ее, Дина.

Дина взяла трубку.

— Он увеличил скорость спуска, — неохотно сообщил Зеб. — Послушайте, а это не могут быть земные корабли, сделанные пятьдесят лет назад и разосланные по Галактике в поисках подходящих планет? Может, это один из таких?

Гарри был ошарашен.

— Черт побери, да. Но... пятьдесят лет? Что может пробыть в космосе столько времени? Нет, Зеб. Могу тебя спросить — а он походит на какой-нибудь земной корабль?

— Ну, корабли дальнего радиуса были экспериментальные. Тогда еще не было определенных стандартов...

Гарри снова обрел уверенность.

— Нет, это — корабль Перли. Перли сделали громадный корабль и послали его на нас. А может, это вообще лишь гигантская бомба!

— Капсула уничтожена, — доложила Дина. — Послушайте... могу я сказать кое-что?

— Говори.

— Если бы это был земной корабль, то я бы сумела вступить с ними в радиопереговоры. Но у меня ничего не получается.

Даже Зеб был вынужден согласиться с этим, но все же сделал еще одну попытку.

— Когда было изобретено радара радио? Если этот корабль прилетел с Земли, и если ему пятьдесят лет, то...

Гарри уже все решил. Он был на девяносто девять процентов уверен, и если незнакомый корабль все же был кораблем Перли, он и так уже рисковал, ожидая до сих пор, не нажав кнопку. Но теперь все встало на свои места. Ему осталось лишь коснуться кнопки, и...

Не земляне начали войну, когда, наконец, встретили нечеловеческую разумную расу. Они не хотели войны в то время, когда транспортировка населения Земли к Арктуру имела высший приоритет важности. Они вообще не хотели воевать с Перли.

И если был шанс, что это один из древних земных кораблей, отчаянно разосланных во всех направлениях полстолетия назад, когда Земля буквально хваталась за любую соломинку...

— Так когда изобрели радарадио? — переспросил Гарри. — Вы знаете, Дина?

Девушка покачала головой.

— Сейчас я свяжусь со своим шефом, — ответила она.

— Жалко, что я не изучал историю, — пробормотал Зеб.

— А что нам история? — спросил Гарри. — Мы сами творим историю. Мы только тем и заняты.

— Но мы должны знать кое-что конкретно, — принялся спорить Зеб. — Если бы мы знали. Отправляли ли подобные корабли с Земли пятьдесят лет назад... Если бы мы знали, когда изобрели РДР... если бы мы знали...

— Вы уверены? — спросила Дина в телефонную трубку, мгновение послушала, затем положила трубку и повернулась. — Мой шеф сказал, что старая система радиосвязи вышла из употребления почти столетие назад. Он сказал, что даже он не знает, как она работала.

— Все верно, — промолвил Гарри.

— Верно, — неохотно согласился Зеб.

Гарри нажал кнопку.

На «Доброй Надежде» даже не успели понять, что произошло. На них обрушились волны смерти, квинтэссенция всего самого смертоносного оружия, которое когда-либо создала передовая технология.

Первая волна выжгла людям мозги, мгновенно убив всех на корабле, и это был для них лучший выход.

Последующие волны в миллионную долю секунды сожгли все, что могло гореть, включая и безжизненные тела.

За ними прилетел снаряд, снаряд такой мощи, что громадная масса «Доброй Надежды» была даже не разбита на кусочки, а попросту стерта в пыль.

В зале обороны Зеб вздохнул и сказал:

— Но когда-нибудь мы должны начать переговоры с Перли.

— Конечно, — кивнул Гарри. — Но сначала они должны научиться уважать нас. Неважно, на что они походят, гуманоиды или нет, но отстают от нас во всем, включая и их взгляды на сотрудничество между двумя расами. Несколько столетий назад мы походили на них — сначала стреляли, а потом задавали вопросы. Но с тех пор мы поняли. Что такое поведение не окупается.

Зеб молча кивнул.

— Возьмем, например, этот корабль, — продолжал Гарри. — Мы должны были взорвать его, по меньшей мере, пятнадцать минут назад — а лучше, несколько часов назад, когда только его обнаружили. Но мы дали ему все шансы...

Зазвонил телефон Дины. Она взяла трубку. Выражение ее лица не изменилось, пока она слушала.

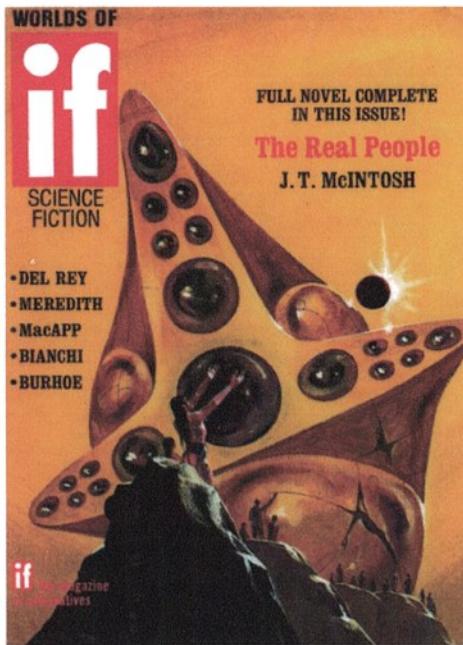
— Это снова мой шеф, — сказала она, положив трубку на место. — Он приносит извинения... Он проверил и обнаружил, что РДР открыли всего лишь сорок три года назад. — Заметив пораженное выражение лиц мужчин и ужас, появившийся в их глазах, девушка спросила: — А что, это имеет какое-то значение?

(Worlds of Tomorrow, 1966 № 1)

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ. Роман.....	5
The Real People	
(If, 1971 № 11-12)	
КОГДА ЧУЖАКИ ВСТРЕЧАЮТСЯ.....	107
When Aliens Meet	
(New Worlds, 1951, Winter)	
ПРИСТРАСТНОСТЬ.....	131
Bias	
(Astounding, 1954 № 5)	
АБСОЛЮТНАЯ СИЛА.....	163
Absolute Power	
(If, 1961 № 1)	
КОНЕЦ ПУТИ.....	207
At Journey's End	
(Worlds of Tomorrow, 1966 № 1)	

Библиотека англо-американской классической фантастики

ДЖЕЙМС Т. МАКИНТОШ

Настоящие люди